

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

**ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (24), 2021

Тверь 2021

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2021. № 1 (24). 116 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале, архив номеров можно найти в сети Интернет по адресу:
<https://vestnik-ob.ru>

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

© Тверской государственный
технический университет, 2021

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ	5
Потамская В.П. Модели объяснения истории К.Г. Гемпеля.....	5
Федоров В.В., Федоров М.В. Социальный идеал семейного жилища: функционально-планировочный аспект	13
Туманова О.И. Проблема защиты национальных интересов в условиях развития идеи глобальной демократии	19
Торгованова О.Н., Шабанова А.Е. Социальные отношения как форма социального капитала.....	23
Егорова О.А. Философское начало в поэзии Сергея Есенина (на материале переводов на английский язык)	28
Шипов А.В. Правовая компетентность студенческой молодежи.....	35
Занегина Н.В. Возрождение «умыкания»	41
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	50
Киселев М.Ю. О разработке актуальных проблем психологии: позиция советских ученых	50
Лавриков С.В. Социально-психологические особенности поведения толпы в ходе погромов второй половины октября 1905 года.....	59
Джафарова А.Г., Лаптева Е.В. Отношение студентов к институту семьи и семейным ценностям.....	67
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ	73
Суховская А.М. Проектное управление на региональном и местном уровнях – анализ нормативной базы.....	73
Мутовкина Н.Ю., Бородулин А.Н. Цифровые технологии предоставления государственных услуг: современное состояние и перспективы развития.....	84
Яконовская Т.Б., Жигульская А.И. Тенденции цифровизации в горнодобывающем секторе экономики РФ	92
Сизова В.В., Шабанова А.Е. Стратегическое управление персоналом. Становление отрасли.....	101
Сварчевская Т.В., Абу-Абед Ф.Н. Состояние и стратегии развития интернационализации высшего образования в Тверском государственном техническом университете	107
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ	113

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT.....	5
Potamskaya V.P. C.G. Hempel’s models of explanation of history	5
Fedorov V.V., Fedorov M.V. Social ideal of a family home: functional and planning aspect.....	13
Tumanova O.I. The problem of protecting national interests in the context of the development of the idea of global democracy	19
Torgovanova O.N., Shabanova A.E. Social relations as a form of social capital	23
Egorova O.A. The philosophical aspect in the poetry of Sergei Yesenin (as exemplified in some english translations)	28
Shipov A.V. Legal competence of student youth.....	35
Zanagina N.V. Renaissance of the «abduction»	41
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE.....	50
Kiselev M.Yu. On the development of actual problems of psychology: the position of soviet scientists	50
Lavrikov S.V. Socio-psychological features of crowd behavior during pogroms of the second half of october 1905	59
Jafarova A.G., Lapteva E.V. Attitude of students to family institute and family values.....	67
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT.....	73
Sukhovskaya A.M. Project management at the regional and local levels – analysis of the regulatory framework	73
Mutovkina N.Yu., Borodulin A.N. Digital technologies of public service provision: current state and development prospects.....	84
Yakonovskaya T.B., Zhigulskaya A.I. Digitalization trends in the mining sector of the Russian economy	92
Sizova V.V., Shabanova A.E. Strategic human resources management. Formation of the industry	101
Svarchevskaya T.V., Abu-Abed F.N. State and development strategies of internationalization of higher education at Tver State Technical University	107
ARTICLE RULES FOR JOURNAL PUBLISHING.....	113

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1 (091)

МОДЕЛИ ОБЪЯСНЕНИЯ ИСТОРИИ К.Г. ГЕМПЕЛЯ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-5-12

В статье рассматривается дедуктивно-номологическая и индуктивно-вероятностная модели объяснения К.Г. Гемпеля. Демонстрируется, что философ обосновал и проанализировал каузальную модель объяснения, показал значимость логики при процедурах объяснения.

Ключевые слова: история, модель охватывающих законов, объяснение.

Карл Густав Гемпель – американский философ, родившийся и живший до начала Второй мировой войны в Германии, участник Венского кружка [6]. Он получил исходное образование в области физики и математики и затем обратился к философии, испытывая определенное влияние взглядов Г. Рейхенбаха, М. Шлика и Р. Карнапа [3, с. 7].

Работы К.Г. Гемпеля как философа и ученого в естественно-научной области долгое время оставались относительно не затронутыми историками, поскольку он не рассматривался как ученый, изучающий общество, или как человек, заинтересованный в исследовании истории как науки. Однако гемпелианские философские проблемы сопоставимы с социальными, следовательно, теория Гемпеля позволяет полностью пересмотреть подход к историческому исследованию [10, р. 7].

В 1948 г. К.Г. Гемпель совместно с П. Оппенгеймом предложил строгий анализ научного объяснения на основании модели охватывающих законов (МОЗ, дедуктивно-номологической модели). Рассуждая о генезисе подобной модели объяснения, К. Поппер отмечал, что Гемпель транслировал идею причинных объяснений на область истории, преобразовав ее, тем самым объяснение может быть названо историческим, если оно соответствует социологическим терминам или теориям. Несмотря на конструирование модели исторического объяснения, воззрения Поппера и Гемпеля несколько дифференцированы. Поппер отрицал возможность установить исторические законы и полагал, что историки ориентированы на причинные объяснения в гораздо меньшей степени, нежели ученые в естественно-научной области, а Гемпель стремился обнаружить управляемую законами историю и помещал причинные объяснения в центр исследования истории.

Гемпель, следуя за моделью причинного объяснения Поппера, конкретизирует ее. Структура объяснения посредством МОЗ представляет собой дедукцию экспланандума (объясняемого явления) из эксплананса (объясняющих суждений). Подобная модель применима как к естественно-научному, так и социальному познанию. Для того чтобы сконструировать объяснение, необходимо следовать трем условиям. Во-первых, множество событий могут выступать в

качестве причины объясняемого события (первоначальных условий), только если общие законы определяются как соединяющие причины и следствия. Во-вторых, для объяснения необходимы высказывания (общие законы), подтверждаемые эмпирическими законами. В-третьих, использование универсальных эмпирических гипотез позволяет провести разграничение между истинными и ложными объяснениями и создает возможность для предсказаний. Событие не представляется случайным, а является ожидаемым вследствие предшествующих условий и последствий. Связь между законами и объяснениями представляется как отношения объяснения. Тем самым детерминизм представляется необходимым объяснением мира.

Эксплананс должен содержать общие законы, которые действительно необходимы для выведения экспланандума [3, с. 92]. В свою очередь, общий закон представляет собой «утверждение универсальной, условной формы, способное быть подтвержденным или опровергнутым с помощью соответствующих эмпирических данных. Другими словами, в каждом случае, когда событие определенного вида Р имеет место в определенном месте и в определенный момент времени, событие определенного вида С будет иметь место в том месте и в тот момент времени, которое определенным образом связано с местом и временем появления первого события» [3, с. 16].

Статья Гемпеля «Функции общих законов в истории» оказала значительное влияние на философов и историков, являясь точкой отсчета для дебатов о природе и эпистемологических основах исторической работы. Гемпель попытался продемонстрировать, что его модель охватывающих законов носит универсальный характер и применима в историческом познании. Как отмечал П. Рот, в МОЗ генерализация рассматривается как необходимое условие объяснения, поскольку это то, что в конечном счете соединяет эксплананс и экспланандум. Категоризация позволяет объяснить событие посредством демонстрации того, что оно является частью определенного типа последовательности, управляемой посредством законов. Тем самым обобщения выступают как часть формального критерия идентификации отношений в объяснении. Закономерным вопросом было исследование проблемы статуса обобщений: логического (являются ли причинные объяснения аналитическими) либо эмпирического (триумф, объяснения, основанные на здравом смысле или контексте). Попытка К.Г. Гемпеля прояснить требования к историческим объяснениям выразилась в утверждении о том, что они должны соответствовать научным установкам [15, р. 216, 217].

Сторонники МОЗ поддерживали позицию, основанную на принципе единства научного знания, в рамках которой подразумевается, что знание может быть объективно представлено, по крайней мере, в лингвистических границах, и адаптировали научное определение знания для того, чтобы в рамках исторического исследования создавались истинные высказывания, дополненные применением логического подхода к наукам. М. Кохен высказал мнение, что в своей самой строгой форме модель охватывающих законов подразумевает достаточные условия для возникновения события, так как все объяснения в истории являются дедуктивными. По мнению Харта, законы в истории необходимы как «направляющий столб-указатель, который может показать верное направление, но не дает детализированной информации о дорожных

условиях», поскольку «история имеет свои ограничения» [11, р. 40, 41]. К гемпелианской дедуктивной модели исторического объяснения исследования также обращались такие исследователи, как А. Данто и М. Мандельбаум. Они отмечали ее ценность, не отвергая по сути эссенциалистское требование, что единственным объяснением является дедуктивно-номологическое.

Противники теории К.Г. Гемпеля (антигемпелианцы) представляют различные теоретические позиции. К примеру, М. Салмон выделяет следующие направления критики МОЗ. Первым является интерпретативизм, согласно которому структура объяснения человеческих действий полностью отличается от причинных или любых других объяснений, которые обращаются к законам. Интерпретативисты отрицают наличие эмпирических законов, поскольку возможное существование законов подобного рода предполагает совершение логической ошибки. Второй тип возражения может быть назван «номологическим скептицизмом». Согласно данной позиции в социальной науке нет законов, позволяющих сконструировать объяснения на основе общих законов. Сложность и поливариантность человеческого поведения накладывают практические барьеры для обобщений, которые являются одновременно информативными и истинными. Третий тип возражения представлен критическими теоретиками, сосредоточенными на этических импликациях попыток объяснить человеческое поведение в той же форме, в которой объясняются действия или движения физических объектов [16, р. 387].

Главным оппонентом гемпелианской модели объяснения стал У. Дрей. Он отмечал, что история имеет больше общего с тем, что происходит в обыденном дискурсе, т. е. она связана с повествованием, нежели с общими законами. Философ и его сторонники настаивали на признании специфической природы явлений истории, которые невозможно объяснить посредством общих закономерностей, поскольку они требуют учета конкретных обстоятельств и действий людей. По мнению Дрея, большинство объяснений, предлагаемых в исторических исследованиях, не удовлетворяют требованиям теории Гемпеля [9]. Задача объяснения состоит в разрешении какого-то затруднения или в стремлении обнаружить информацию о том, как определенный исторический деятель оценивал свое «объективное положение». Понимание действия возникает только при установлении разумности поступков данного человека в свете его собственных представлений и планов [5, с. 40, 41]. Дрей предлагал иную концептуальную структуру, называемую «рациональное объяснение». Подобное объяснение направлено на установление связи между убеждениями, мотивами и поступками. Оно не требует ни того, чтобы мотивы или убеждения исторического деятеля рассматривались как необходимые условия действия с помощью закона, ни того, чтобы им придавали значение достаточных условий. Для объяснения поступка достаточно, чтобы мотивы, лежащие в его основе, были рационально необходимым условием [5, с. 66]. Обращаясь к теории рационального объяснения Дрея, Гемпель констатировал неясность критерия рациональности и характеристики поступка как «необходимого» [4, с. 84, 85]. По словам философа, при анализе рациональности действия оценочный принцип действия Дрея заменяется дескриптивным утверждением, устанавливающим, как поступают рациональные существа в определенных ситуациях. Кроме того, «рациональное объяснение»

должно было бы включать в себя и дополнительное эмпирическое предположение, «согласно которому данный поступок не был дефективным в ряде существенных отношений, т. е. что данное лицо в то время было предрасположено действовать в соответствии с нормами рациональности и что внешние обстоятельства не препятствовали ему в этом» [4, с. 90].

Рассматривая функции общих законов в истории, Гемпель отмечал широкое распространение мнения, что история, в отличие от естественных наук, занимается скорее описанием конкретных явлений прошлого, нежели поиском общих законов, которые могут управлять этими событиями. Тем не менее общие законы имеют аналогичные функции в истории, являясь инструментом исторического исследования и общим основанием для различных процедур, специфических для социальных наук [3, с. 16].

Как полагает ряд исследователей, относительно истории Гемпель использует термин «закон» в несколько ином смысле. Закон в области истории не имеет никакого отношения к закону в области законодательства и не является равноценным законам в биологии, химии или физике. Скорее, общий закон в истории – это высказывания универсальной формы условий, которые могут быть подтверждены с помощью соответствующих эмпирических исследований и быть охарактеризованы как высказывание, связывающее причину и прямо соотносимое с ней следствие [11, р. 40, 41].

Историческое объяснение также направлено на то, чтобы показать, что рассматриваемое событие было не просто «делом случая», но ожидалось в силу определенных условий. Ожидание, на которое ссылаются, не является пророчеством – это рациональное научное предчувствие, основывающееся на предположении об общих законах. Как уточняет Гемпель, различия между естественно-научным и историческим объяснением состоит в том, что предметом объяснения в истории является описывающее событие предложение, которое содержит некоторые характеристики. Вместе с тем и в естественной науке, и в истории ни одно из происходящих явлений не повторяется во всех своих характеристиках. Кроме того, полное описание и объяснение является недостижимым.

Когда историки пытаются объяснить какие-то события, то хотя они и не ссылаются прямо на законы, тем не менее предполагают их существование. По мнению К. Поппера, причина отсутствия формулировки общих законов в исторических объяснениях заключается в том, что эти законы слишком тривиальны и поэтому не заслуживают явного упоминания. Даже если историк стремится свести исследование до «чистого описания» прошлого, не пытаясь дать объяснений, утверждений о значимости или детерминации, он постоянно будет использовать общие законы, поскольку объектом его исследований будет прошлое, недоступное прямому восприятию. Открытие подлинно исторических законов не сделает историю методологически автономной и независимой от других областей научного исследования, поэтому проблема существования исторических законов отчасти теряет свою значимость [3, с. 31].

Тем самым только установление конкретных законов может наполнить общий тезис научным содержанием и обеспечить его функцией объяснения. Гемпель не обращался к «специфическим законам истории», не предполагая

конкретного способа дифференциации законов истории от социологических и других, однако он не отрицал допущения обнаружения эмпирических законов, являющихся историческими.

Многие объяснения, предлагаемые в истории, содержат определенные исходные условия и вероятностные гипотезы. Специфической чертой истории является то, что в рассматриваемых «причинных» и «вероятностных» объяснениях используемые исходные условия и универсальные гипотезы не указываются ясно и не могут быть точно дополнены. Тем самым объяснение исторических событий представляет собой «нечто, что может быть названо “наброском объяснения”», поскольку не могут быть установлены четко определенные исходные условия. Набросок объяснения состоит из указания законов и исходных условий и должен быть дополнен для того, чтобы стать законченным объяснением. Подобное дополнение требует эмпирического исследования, для которого набросок указывает направление.

Научно приемлемый набросок объяснения должен быть дополнен более конкретными утверждениями, которые могут подтвердить или опровергнуть его. Процесс дополнения заключается в постепенно расширяющемся уточнении используемых формулировок. При этом на любом этапе процесса формулировки должны обладать эмпирическим значением. Для проведения верификации исторического объяснения необходимо провести следующую процедуру. Во-первых, реконструировать рассуждение, представляющее объяснение или набросок объяснения. Во-вторых, выявить лежащие в его основе объяснительные гипотезы. В-третьих, оценить эмпирическую базу гипотез [3, с. 24, 25]. Подобная трактовка объяснения в истории вызвала некоторые возражения. К примеру, А. Данто отмечал, что ошибкой Гемпеля было «рассматривать историю как пре-науку... Это аналогично мнению, что написание симфонии являлось абсолютной целью всех композиторов и каждые струнные квартеты являлись просто набросками для симфоний» [7, р. 20].

Другие поправки к МОЗ, помимо набросков объяснения (эллиптическое объяснение, частичное объяснение), расширили возможность рассматривать данную модель относительно историографии. Объяснения историков являются эллиптическими и представляют собой лишь наброски объяснения, которые предполагают наличие общих законов. К примеру, Ф. Бродель не утверждал никакие законы, связывающие климатические условия с качеством урожая; он просто признавал общий закон, согласно которому климатические факторы влияют на количество и качество урожая. Для Гемпеля подобное объяснение требует дополнения, если оно стремится превратиться в полное. Объяснение является эллиптически сформулированным, если оно не упоминает определенные законы или частные факты, которые рассматриваются как само собой разумеющиеся, и чье явное цитирование позволит создать полное дедуктивно-номологическое объяснение [13, р. 131, 132].

П. Рикер отмечал, что Гемпель не воспринимал как определяющий факт то, что в истории события получают свой действительный исторический статус вследствие изначального включения в официальные летописи, свидетельства очевидцев или повествования, основанного на личных воспоминаниях. Специфичность первого уровня дискурса полностью игнорировалась в пользу наличия

прямой связи между индивидуальным событием и утверждением универсальной гипотезы, некоторой формы регулярности [14, р. 112]. Рикер рассматривает Гемпеля как одного из противников нарратива в истории, поскольку гемпелианская точка зрения рассматривает объяснение в исторических и социальных науках как аналогичное объяснению в естественных науках [1, с. 60]. Вместе с тем, как кажется, Гемпель не отрицает возможность повествования, поскольку, во-первых, он обращается к языку, использованному для объяснений, т.е. к структуре исторического объяснения. По словам Гемпеля, ценность аналитических предложений основывается на использовании определенного языка, выбор которого обуславливается практическими соображениями. Во-вторых, философ отмечал, что любое повествование должно объединять каждую связь в целостности, устанавливаемой моделью охватывающих законов. Следовательно, можно говорить о том, что МОЗ является наброском нарратива.

В статье «Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении» Гемпель разделяет объяснения на два рода: дедуктивно-номологические и индуктивно-вероятностные. Оба типа «объясняют некоторые особенные обстоятельства и общие законы путем демонстрации того, что, учитывая некоторые особенные обстоятельства и общие законы, совершения этого события можно было ожидать либо с индуктивной, либо с дедуктивной вероятностью» [5, с. 54]. В подобном преобразовании МОЗ «утверждается, что событие может быть полностью объяснено ... и без подведения его под общий закон, который позволял бы его дедуцировать с логической необходимостью, и, следовательно, без доказательства необходимости его возникновения» [5, с. 54, 55].

Индуктивно-вероятностная модель, как она представлена у Гемпеля, объясняет, почему можно было ожидать (или не ожидать) событий, которые уже произошли. И только во вторую очередь она объясняет, почему события произошли, поскольку они имели высокую вероятность [2, с. 52]. Объектом индуктивно-вероятностного объяснения является индивидуальное событие Е. Базис объяснения образует множество других событий или состояний, при этом роль охватывающего закона, соединяющего или связывающего базис с объектом объяснения, выполняет вероятностная гипотеза.

Характерным для индуктивно-вероятностного объяснения является допущение возможности непоявления. Оно оставляет место для дополнительного объяснения, почему в данном случае событие произошло и не произошло. Законы в подобной модели принимают вероятностно-статистическую форму и представляют собой утверждение, что при более или менее сложных условиях некоторое событие будет иметь место со статистической вероятностью [4]. Гемпель подчеркнул, что индуктивно-вероятностное объяснение требует анализа познавательной ситуации. Релевантным является объяснение, использующее специфичный статистический закон. Кроме того, и дедуктивно-номологическая, и индуктивно-вероятностная модели объясняют некоторое событие, демонстрируя, что его возникновение можно предсказать либо с дедуктивной необходимостью, либо с индуктивной вероятностью [4, с. 75]. Индуктивно-статистическая модель, в отличие от дедуктивной, описанной в классической формулировке МОЗ, признает,

что объединение объясняющих фактов представляется достаточным для того, чтобы событие произошло [8, р. 7–9].

Модель индуктивно-вероятностного объяснения также активно обсуждалась. Одной из поднимаемых проблем было требование высокой вероятности. Но как было замечено одновременно Р. Джоффри и М. Салмоном, подобное требование воплощает в себе целый класс противоречащих здравому смыслу высказываний и неправдоподобных случайностей, создаваемых очевидно истинными объяснениями. Более того, требование высокой вероятности оказывается довольно сложным для формулирования [12]. Как справедливо утверждает Салмон, ключевым элементом объяснения является не высокая вероятностность, которая позволяет вывести экспланандум, но уместность факторов, включаемых относительно объясняемого события.

Итак, дедуктивно-номологическая модель является значительным этапом в установлении основной области исследования аналитической философии истории. Стремясь обнаружить логическую структуру исторического объяснения, Гемпель акцентировал внимание на анализе исследовательского процесса самого по себе, в то же время практически не охватывая проблемы сущности исторической истины. Индуктивно-вероятностная модель также направлена на объяснение совершенного события посредством законов, которые принимают вероятностно-статистическую форму и представляют собой утверждение, что при более или менее сложных условиях некоторое событие будет иметь место со статистической вероятностью.

Особенностью гемпелианского исторического объяснения является тот факт, что общие законы не формулируются в явном виде вследствие их обыденности и очевидности. Следовательно, объяснение в истории состоит в указании причин или детерминирующих факторов, хотя индивидуальное событие невозможно объяснить полностью с учетом всех характеристик с помощью универсальных гипотез. Несмотря на то, что Гемпеля часто рассматривали как одного из противников нарратива в истории, как представляется, философ не отрицает возможности использования повествования, поскольку он обращался к языку, использованному для объяснений, и отмечал, что любое повествование должно соединять каждую связь в целостности, устанавливаемой моделью охватывающих законов.

Библиографический список

1. Борисенкова А.В. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.
2. Вригт Г.Ф. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 593 с.
3. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 237 с.
4. Гемпель К.Г. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении. URL: <http://rus.history.knu.ua/wp-content/uploads/2015/10/hempel.pdf> (дата обращения: 30.12.2020).
5. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.

6. Садовский В.Н. Гемпель Карл Густав. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018ddaec7a549bb4256a3b8d> (дата обращения: 30.12.2020).
7. Danto A. On Explanations in History // *Philosophy of Science*. 1956. Vol. 23. № 1. P. 15–30.
8. Donagan A. Historical Explanation: the Popper – Hempel Theory Reconsidered // *History and Theory*. 1964. Vol. 4. № 1. P. 3–26.
9. Dray W.H. *Laws and Explanation in History*. L.: University Press, 1957. 174 p.
10. Gorski P.S. The Poverty of Deductivism: a Constructive Realist Model of Sociological Explanation. URL: <https://www3.nd.edu/~csmith22/Gorski%20Poverty%20of%20Deductivism.pdf> (accessed: 03.12.2020).
11. Jefferson J. Toward Laws in History: Carl G. Hempel and the Evidence Dilemma. URL: <http://www.nobleworld.biz/images/Jefferson.pdf> (accessed: 03.12.2020).
12. Kitcher P. Explanatory Unification and the Causal Structure of the World. URL: http://mcps.umn.edu/philosophy/13_13Kitcher.pdf (accessed: 03.12.2020).
13. Macdonald G., Macdonald C. Explanation in Historiography. URL: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/38208923/FULL_TEXT.pdf (accessed: 28.12.2020).
14. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. URL: <http://www.al-edu.com/wp-content/uploads/2014/05/Paul-Ricoeur-Time-and-Narrative-vol1.pdf> (accessed: 28.12.2020).
15. Roth P. Varieties and Vagaries of Historical Explanation. URL: <https://paulroth.sites.ucsc.edu/wp-content/uploads/sites/236/2015/08/Varieties-and-Vagaries-of-Historical-Explanation.pdf> (accessed: 03.12.2020).
16. Salmon M.H. Explanation in the Social Science. URL: http://mcps.umn.edu/philosophy/13_12MSalmon.pdf (accessed: 28.12.2020).

C.G. HEMPEL'S MODELS OF EXPLANATION OF HISTORY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the deductive-nomological and inductive-probabilistic Hempel's models of explanation. It is demonstrated that the philosopher substantiated and analyzed the causal model of explanation, showed the importance of logic in the procedures of explanation.

Keywords: *history, deductive-nomological model, explanation.*

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 172:159.9(075.8)

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ СЕМЕЙНОГО ЖИЛИЩА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЙ АСПЕКТ

В.В. Федоров, М.В. Федоров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Федоров В.В., Федоров М.В., 2021
DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-13-18

Социальный идеал жилища рассматривается как мера соответствия пространства проживания актуально значимым ценностям, критериям оценки реальности и ориентирам деятельности. Страна и регион, природно-климатические условия, тип жилища, архитектурный контекст, социальное окружение, состояние экономики, экология – наиболее важные аспекты понимания среды обитания. Указаны ключевые черты феномена «семейное жилище»: а) большая временная протяженность жизненного цикла зданий; б) следование многовековым традиционным объемно-планировочным и конструктивным решениям. Показано, что характер предметно-пространственного наполнения селитебных территорий отражает динамику социального бытия. Отмечается сглаживание различий между проживанием в крупном городе и сельской местности. Анализируется взаимообусловленность организационной структуры домохозяйства и места обитания. Показана невозможность выделения одного типа жилища в качестве социального идеала в современном мире, постоянно меняющем его образ (баланс свойств).

Ключевые слова: жилище, архитектура, городская среда, социальный идеал.

Главная задача архитектуры – обеспечить человеку защиту от непогоды и неприятеля. Но это только базовые критерии, которые должны быть дополнены другими возможностями жилища формировать чувство надежности и стабильности. Например, проживание в районе, пользующемся плохой репутацией, вызывает чувство тревоги (иногда просто неосознанной). Поэтому селитебные территории (архитектурные пространства) нередко классифицируются в очень широком диапазоне как драматические, принудительные, депрессивные, патологические и салюберогенные (интегрально благоприятные) [1, с. 93–95].

Преимущественное использование в оценке качества среды обитания «объективных» показателей (количества этажей, метров квадратных жилой площади, времени инсоляции помещения и пр.) дает далеко не полное представление об удовлетворенности людей условиями проживания. Рассмотрение места обитания (жилища/жилья) как социального идеала означает оперирование представлениями о совершенном и желаемом пространстве проживания, отражающими актуально значимые ценности, критерии оценки и ориентиры деятельности. Страна и регион, природно-климатические условия, тип жилища, архитектурный контекст, социальное окружение, состояние экономики,

экология – это далеко не полный перечень аспектов такой оценки и понимания среды обитания.

Ключевыми чертами жилища являются *большая временная протяженность жизненного цикла зданий*, измеряемая десятилетиями и столетиями (сегодня мы используем результаты материализации идеалов XX в.), а также *следование многовековым традиционным объемно-планировочным и конструктивным решениям*. При этом характер предметно-пространственного наполнения селитебных территорий отражает динамику социального бытия [2; 3]. Тысячелетия рационализации общества (понимаемой как переход от идеи рода/племени к патриархальной семье, а затем и к идеалу независимой личности) сопровождалась многоаспектной трансформацией «самого драгоценного из наших богатств – среды обитания» [4, с. 210].

В современном крупном городе в большинстве случаев семья лишена своего дома (родового гнезда), подобно тому, как раньше племя теряло свою территорию, а связующая сила семьи все чаще уступает преобладанию прав гражданина. Организационная структура современного «домохозяйства» (в том числе одиноких мужчин и женщин, овдовевших и разведенных, состоящих в однополном браке и пр.) находит свое выражение в количестве, составе и масштабе функциональных элементов, определяющих свойства жилища (места обитания). Конечно, сохраняются и традиционные формы семейной жизни, но они уже не выступают основой решения актуальных жилищных проблем.

Необходимость обеспечить жильем огромное количество новых горожан всегда приводила к массовому строительству «человейников» – многосекционных и сблокированных зданий различной этажности, а также таунхаусов. Многоэтажные и многоквартирные жилые дома (инсулы) впервые появились в Древнем Риме, затем подобная практика возродилась в Европе XVII в. Во второй половине XIX в. в массовом порядке здесь стали появляться доходные дома с арендными квартирами. Сегодня это классика жилищного строительства, которая воспроизводится во всех странах мира.

В функциональном отношении подобный тип жилья неизбежно предполагает появление структур коммунального самоуправления; становление соответствующих форм быта; функционирование развитой сети повседневного культурно-бытового обслуживания (кафе, прачечные, ясли-сады, образовательные учреждения и пр.). Ярким примером высшей формы развития этого явления являются отечественные дома-коммуны первой половины – середины XX в., в которых предусматривался очень ограниченный спектр удобств (только туалеты и кухни-ниши для разогрева пищи, доставлявшейся в квартиры в термосах с помощью микролифтов). Столовые, бани, прачечные имели выраженный коммунальный характер, т. е. выступали как изолированные функциональные группы помещений. Однако постепенно страна вернулась к традиционному типу зданий, состоящих из отдельных жилых ячеек (отдельных квартир), снабженных необходимым набором коммунальных удобств.

Бесспорно, идеальным решением рассматриваемой проблемы (семейного жилища) является обособленное малоэтажное строение, односемейный дом с земельным участком, но это не соответствует сложившемуся положению вещей, выглядит утопически в силу высокого уровня урбанизации в большинстве

развитых стран. По данным анкетирования россиян (Фонд «Общественное мнение») около 58 % опрошенных хотели бы проживать в благоустроенном доме с участком. Примерно в трети суждений россияне считают идеальным проживание малой семьей в квартире, где количество комнат на единицу больше количества членов семьи. Российский социум только сегодня переходит к этой общепринятой оценке вместо привычного оперирования площадями: а) количество квадратных метров общей площади, приходящейся на одного члена семьи; б) соотношение жилой ($P_{ж}$) и общей площади ($P_{об}$) в жилище $K_1 = P_{ж}/P_{об}$.

По мере развития экономики и изменения структуры общества менялись представления о функционально-планировочной организации жилища (характеризуемой, прежде всего, коэффициентами K_1 и K_2). При этом подобные представления об идеале жилища всегда основывались на биологических, географических и природно-климатических факторах. В массовом сознании формировалось понимание условий, необходимых для полноценного осуществления человеком всех жизненных функций:

биологически обоснованных пространственных параметров жилища;
градиентов температуры, газового и ионного состава воздушной среды;
скорости движения, кратности воздухообмена, характера циркуляции воздуха;

необходимого уровня инсоляции и освещенности жилых помещений;
низкого (допустимого) уровня шума, вибраций и пр.

В конечном итоге достижение актуального идеала жилища означает, что оно как минимум разумно спроектировано, соответствует санитарным нормам и правилам. Мера соответствия социальному идеалу нового жилища (в сопоставлении со старым) может быть оценена как «разница между современным чемоданом и старой дорожной корзиной» [4, с. 132].

В современной квартире или жилом доме разворачивается около 40 бытовых процессов, для которых требуется не менее 20 пространственных зон, являющихся первичными структурными элементами формирования помещений. Обычно выделяют три основных типа пространственных зон:

1) *коллективную* (для общего пользования), включающую в себя общую жилую комнату и место приема гостей, переднюю, кухню, столовую, тренажерный зал, бассейн, сауну и пр.;

2) *индивидуальную* (для сна, занятий, личной гигиены), включающую в себя детские комнаты, кабинеты, санитарные узлы и пр.;

3) *хозяйственную* (для приготовления пищи, стирки белья, хранения одежды, инженерного обеспечения), включающую в себя кухню, постирочную, комнату для сушки и глажки белья, кладовые, мастерские, топочные помещения и пр.

Перечисленные функциональные зоны перекрывают друг друга и создают предпосылки формирования изолированных помещений. По характеру использования помещения подразделяются на две главные группы: жилые (личные и общесемейные комнаты) и подсобные (комнаты личной гигиены, хозяйственные, коммуникационные, помещения для хранения вещей, технические, а также необходимые для работы на дому, повышения интеллектуального уровня, физического развития и др.). Часть помещений выполняет коммуникационную роль, обеспечивая удобную связь между всеми пространственными зонами (парадная,

прихожая, холл, коридоры). В коллективной зоне превалирует анфиладный принцип организации пространства (от фр. *enfiler* – нанизывать на нитку), недопустимый в индивидуальной зоне, напротив – решаемой как тупик, «нора». Таким образом, кажущееся многообразие потенциально возможных планировочных решений жилья де-факто жестко ограничено в функциональном отношении.

Соцреализм, руководствовавшийся принципом «изобразить жизнь не такой, как она есть, а такой, какой она должна быть», оставил замечательные кинематографические образцы понимания и реализации идеала семейного жилища. Самый скромный пример: квартира, в которой обычно проживает с большой семьей главный герой фильма той эпохи – уважаемый передовик производства (рисунок).

Пример интерьера «идеального» жилища («сталинки») в советской киноурбанистике середины XX в.

Создатели подобных фильмов представляют квартиру («идеальное» жилье советского человека) как вариант небольшой усадьбы. Небогатый, но вполне достойный интерьер: в центре гостиной площадью 30–40 м² круглый стол, огромный балкон, многометровые потолки, лепнина, люстры, паркет, двупольные межкомнатные двери, итальянское окно и пр. В подобных интерьерах действительно проживали представители советской партийно-советской номенклатуры, которые в считанные годы после Октябрьской революции вернули себе многие атрибуты аристократического быта, включая даже прислугу-кухарку (обычно по сценарию фильма имевшую лукавый статус дальней родственницы-приживалки).

В последней трети XX в. по мере широкого внедрения массового индустриального домостроения идеал жилища все больше упрощался и сближался с реальностью. Однако с изменением общественного строя и исчезновением СССР полюса социального идеала семейного жилища вновь стремительно расходятся. Сегодня диапазон простирается от дворцов нуворишей до апартаментов, имеющих кажущуюся невозможную общую площадь около 10 м².

Одновременно в массовом понимании социального идеала жилища все большее значение приобретают контекстуальные факторы: расположение в городе или пригороде, особенности планировки, вид из окна на привлекательные формы природного ландшафта (море, озеро, реку, высотные формы рельефа и пр.), социальное окружение, доступная транспортная инфраструктура и пр. [5, с. 33; 6, с. 339; 7, с. 124]. Последние этажи современного элитного жилища нередко

имеют очень высокие потолки, панорамные окна и большие открытые террасы, позволяющие в максимальной степени реализовать возможности зрительного контакта с окружающей средой (парковыми зонами, акваториями, застройкой с примечательными силуэтами и пр.). Сегодня в крупных городах риэлторы пользуются термином «видовые апартаменты», успешно монетизируя факторы, не имеющие количественной оценки, но очень важные для современного человека.

В результате социальный идеал семейного жилища объединяет в себе объективные и субъективные компоненты, соотношение которых может быть определено в ходе аналитических и эмпирических исследований, уточняющих семантику феномена и выполняемые функции:

1) *сигнальную* – определение пространственно-временных и причинно-следственных закономерностей появления/исчезновения тех или иных характеристик идеального семейного жилища;

2) *систематизации когнитивного материала* – канализацию информации, установление информационных связей самыми различными способами и пр.;

3) *формирования поведенческих стратегий* – выбор прямого, инверсивного, периферического или беглого маршрута опознания идеала.

Выводы

В заключение можно сказать, что в современном мире понятие социального идеала жилища приобрело многомерность и утратило прежнюю однозначность. Формирование условий проживания, способных удовлетворять потребности людей в пределах возможного, отныне является преимущественно социально-психологической проблемой и одной из самых сложных задач социального управления. Поэтому приближение технических решений к социальному идеалу жилья осуществляется одновременно по многим направлениям.

Во-первых, объединение (на новых принципах функционально-пространственной организации) определенного количества жилищ в систему централизованного домохозяйства открывает для человека новые возможности для отдыха и разностороннего развития. Совершенствование градостроительных решений (квартал → микрорайон → жилой комплекс) обеспечивает достижение оптимального масштаба и уровня развития социальной среды.

Во-вторых, широкое использование принципа свободной планировки жилища (по сути, замена стеновой конструктивной системы каркасной системой) минимизирует ограничения на проведение многократной трансформации планировочных решений на разных этапах жизненного цикла жилого здания.

В-третьих, вхождение в жизнь усложненного социального идеала жилища сглаживает многолетние противоречия, приносит городские удобства в пригородный усадебный дом и возвращает природу и рекреационные возможности/элементы в городскую застройку.

В-четвертых, сегодня приоритет не может быть отдан ни одному типу жилья, поскольку стремительно меняющийся мир (новая транспортная инфраструктура, возможности работы онлайн, пандемия и пр.) постоянно меняет образ (привычный баланс свойств) социального идеала семейного жилища.

Библиографический список

1. Федоров В.В., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.
2. Левиков А.В. Взаимообусловленность динамики социального бытия и архитектурной среды: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 148 с.
3. Актуальные проблемы и методология строительной науки / В.В. Федоров, С.Л. Субботин, Т.Р. Баркая, П.О. Скудалов; под ред. В.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2020. 262 с.
4. Гропиус В. Круг тоталитарной архитектуры. М.: Ad Marginem, 2013. 210 с.
5. Лазарева И.В. URBI ET ORBI: пятое измерение города. М.: ЛЕНАНД, 2006. 80 с.
6. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон, 2012. 416 с.
7. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. М.: Стройиздат, 1993. 295 с.

SOCIAL IDEAL OF A FAMILY HOME: FUNCTIONAL AND PLANNING ASPECT

V.V. Fedorov, M.V. Fedorov

Tver State Technical University, Tver

The social ideal of housing is considered as a measure of compliance of the living space with relevant values, criteria for assessing reality and activity guidelines. Country and region, natural and climatic conditions, type of dwelling, architectural context, social environment, state of economy, ecology are the most important aspects of understanding the environment. The key features of the phenomenon «family home» are indicated: a) a large time length of the life cycle of buildings; b) following the centuries-old traditional space-planning and structural solutions. It is shown that the nature of the subject-spatial content of residential areas reflects the dynamics of social life. There is a smoothing of the differences between living in a large city and rural areas. The interrelation of the organizational structure of the household and the place of residence is analyzed. It is shown that it is impossible to single out one type of dwelling as a social ideal in the modern world, which is constantly changing its image (balance of properties).

Keywords: *housing, architecture, urban environment, social ideal.*

Об авторах:

Федоров Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор кафедры конструкций и сооружений ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 5210-4647, e-mail: vvf322@yandex.ru

Федоров Михаил Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 9100-9707, e-mail: vvf322@yandex.ru

Authors information:

Fedorov Viktor Vladimirovich – PhD (Cultural Science), Professor of the Department of Structures, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 5210-4647, e-mail: vvf322@yandex.ru

Fedorov Mikhail Viktorovich – PhD, Associate Professor of the Department of Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 9100-9707, e-mail: vvf322@yandex.ru

УДК 321:316.3

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИДЕИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

О.И. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Туманова О.И., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-19-22

В статье затронута проблема сохранения национального суверенитета современного государства в условиях развития современной демократии. Процессы глобализации оказывают большое влияние не только на социально-экономические и культурные связи между странами, но и на политические процессы, происходящие внутри государств. Однако подобная практика не может оцениваться с положительной стороны для защиты национальных интересов и сохранения государствами своей идентичности.

Ключевые слова: демократия, национальные интересы, суверенитет, глобализация, национальная идентичность, государство.

В условиях динамично изменяющегося мира любое государство сталкивается с проблемой формирования баланса между национальным суверенитетом и продвижением демократических процессов. Глобализация, распространяющаяся на все сферы жизни современного общества, предполагает укрупнение политических, социальных и экономических связей. Кроме того, речь идет об ускорении процесса интенсификации уровней «взаимодействия и взаимосвязи в рамках и между государствами и обществами» [1, с. 481]. Анализируя процессы глобализации, следует обратить внимание на то влияние, которое они оказывают, прежде всего, на политическую систему. Глобализацию в различных ключевых отраслях «можно считать сдерживающей либо ограничивающей политическую деятельность» [1, с. 483], трансформирующей возможности демократического государства. Чем больше государство вовлечено в систему глобальных связей, тем больше оно будет испытывать давление на реализуемую национальную политику. При этом сам процесс установления демократии не просто приобрел глобальные масштабы, но стал идеей, подчиняющей себе все сферы жизни общества и государства.

Глобализация идей демократии отдалила «политику далеко от деятельности, которая в первую очередь кристаллизуется вокруг государства и межгосударственных интересов» [1, с. 497]. Данная тенденция становится серьезной проблемой для процесса сохранения странами национального суверенитета. По мнению исследователей, «деятельность государств, во все более сложной глобальной системе, одновременно преобразует их автономию (изменяя баланс между затратами и выгодами политики) и все больше посягает на их суверенность» [1, с. 497]. При этом отстаивание государством своего права на неограниченную и единую форму государственной власти зачастую рассматривается как стремление установить тоталитарную форму правления и посягательство на демократические институты и ценности.

Идею государственной автономии в современных условиях связывают «со способностью национальных государств действовать независимо от международных и транснациональных ограничений, а также достигать поставленных ими целей» [2, с. 484]. Так британским исследователем Дэвидом Хелдом выделяется ряд расхождений между формальной областью политической власти демократических национальных государств и «непосредственными практиками и структурами государства и экономической системы на региональном и глобальном уровнях» [1, с. 483]. В качестве областей расхождения выделены «мировая экономика, международное политическое принятие решений, международное право, культура и окружающая среда» [1, с. 484–497].

Акцент на доминировании международных интересов над национальными свидетельствует об изменении мирового порядка. Однако если проанализировать события, происходящие в мире на данный момент, становится очевидным, что интегрированность в мировую систему ставит под угрозу защиту национальных интересов и сохранение национальной идентичности государства. Распространение идей современной демократии представляет собой борьбу «за создание новых политических институтов, которые бы сосуществовали с системой государств, но обладали преимуществом в четко очерченных сферах деятельности, в которых эта деятельность имеет явные транснациональные и интернациональные последствия» [1, с. 500]. Данное утверждение может рассматриваться как очевидная угроза национальной безопасности любого современного государства. Интеграция в мировую систему не должна противоречить праву стран на выбор собственного пути развития.

Политические события в разных странах мира свидетельствуют о том, что поддержка идей глобального распространения демократии оборачивается для стран прежде всего внутренними конфликтами, социально-экономическими потрясениями и часто человеческими жертвами. Подобная плата за возможность принадлежать к когорте демократически развитых стран бывает достаточно высокой и часто выглядит неадекватной в представлениях рядовых граждан.

Продвижение демократических ценностей, сопряженное с угрозой потери национальной идентичности, а часто и независимости, искажает саму идею демократии. Ее образ, создаваемый средствами массовой информации в совокупности с часто излишним давлением, в глазах рядового обывателя приобретает черты, характерные скорее для тоталитарного режима. Подобное искажение первоначальных идей происходит с завидной регулярностью, что не идет на пользу не только самому институту демократии, но и тем политическим силам, которые выступают за его распространение.

Перед любым государством стоит первоочередная задача по обеспечению и защите прав и свобод своих граждан. Принимаемые политические решения должны не только обеспечивать поддержание межгосударственных связей, но и защищать внутренние интересы. С усилением внешних связей государства и постепенным размыванием национальных границ под влиянием идей глобализации осуществление суверенной политики становится серьезным вызовом, стоящим перед властями. При этом актуальным остается не просто декларирование национальных интересов, но и последовательное отстаивание их через проводимую политику.

Среди прочих национальных интересов в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации зафиксированы обеспечение суверенитета и независимости, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2]. Перечисленные интересы, наряду с остальными, можно рассматривать в качестве факторов эффективного развития современного государства. Акцент на традиционных общественных и культурных ценностях свидетельствует о готовности придерживаться самостоятельной траектории развития страны.

В качестве одного из шагов, сделанных в процессе защиты национальных интересов государства, может рассматриваться общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, проведенное летом 2020 г. основополагающий документ подтверждает «суверенную государственность» и «незыблемость демократической основы» [3]. Анализируя внесенные изменения, можно особо отметить поправку, касающуюся закрепления верховенства основного закона страны, и невозможность использования международно-правовых норм в целях, не совместимых с принципами отечественной правовой системы. Российская Федерация, признавая себя частью мирового сообщества, берет на себя обязательства исполнять те решения межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров, которые не противоречат Конституции РФ [3]. Данную поправку следует рассматривать как эффективный инструмент, который может быть использован для защиты национальных интересов государства в международном правовом пространстве.

В обновленном тексте основного документа закреплено обеспечение Российской Федерацией защиты своего суверенитета и территориальной целостности [3]. Тот факт, что данное положение нашло свое место в основном документе страны, свидетельствует об актуализации идеи по защите государством своей независимости. И если раньше речь шла о рассмотрении вопросов суверенности в основном в рамках различных документов, касающихся вопросов национальной безопасности, то теперь поправки закрепляют значимость данного положения и в тексте Конституции РФ.

В числе мер, направленных на защиту национальных интересов государством, закрепляется поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности [3]. Данная конституционная поправка приобретает особую актуальность в условиях глобализации.

В целом же, анализируя изменения, внесенные в основной правовой документ Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что поправки заостряют внимание общества на национальных ценностях. Защита традиционных ценностей в современном мире представляется сложной и ответственной задачей, стоящей не только перед государственной властью, но и перед обществом. Кроме того, она может рассматриваться как попытка противостояния общемировым тенденциям.

Распространение идей глобальной демократии ставит современные государства перед выбором между сохранением собственного суверенитета или включением в число демократически развитых стран, подчиняющихся общим правилам. Таким образом, актуальной необходимостью становится создание инструментов, позволяющих обеспечить сохранение национальной независимости государства без ущерба для ценностей, важных с точки зрения демократии. Перспективой ближайшего времени становится разработка и возможность применения данных инструментов в глобальном и национальном политическом пространстве. Принятие демократических ценностей и участие в глобальных политических процессах не должно сопровождаться отказом от собственного пути развития любого современного государства.

Библиографический список

1. Хелд Д. Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова; 3-е изд., стереотип. М.: Дело, 2014. 544 с.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 05.01.2021).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 05.01.2021).

THE PROBLEM OF PROTECTING NATIONAL INTERESTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF GLOBAL DEMOCRACY

O.I. Tumanova

Tver State Technical University, Tver

The article raises the issue of preserving the national sovereignty of the modern state in the context of the development of modern democracy. Globalization has a great impact not only on socio-economic and cultural ties between countries, but also on political processes taking place within states. However, such practices cannot be assessed on the positive side in order to protect national interests and preserve states' identity.

Keywords: *democracy, national interests, sovereignty, globalization, national identity, state.*

Об авторе:

Туманова Ольга Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3225-2480, e-mail: maks69@bk.ru

Author information:

Tumanova Olga Igorevna – PhD (Sociology), Associate Professor of Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3225-2480, e-mail: maks69@bk.ru

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

О.Н. Торгованова, А.Е. Шабанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

© Торгованова О.Н., Шабанова А.Е., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-23-27

Интеграция капитала в социальную сеть рассматривается как прямой и косвенный ресурс для обеспечения общего благосостояния. Авторы проводят аналогию между материальным и социальным капиталом с целью получения ожидаемого прямого или отложенного дохода. Также приводятся отличия, особенности и условия, которые находятся вне индивидуального контроля. Социальные ресурсы основаны на сети отношений актера: либо безусловная передача ресурсов, либо обмен ресурсами. Социологическое объяснение распределения ресурсов в социальных сетях объясняет появление поведенческих ожиданий в рамках общей модели действий. Предлагается конкретная модель действий, которая поддерживается теорией инвестиций.

Ключевые слова: *социальный капитал, социальные сети, социальные ресурсы, производственные функции, инвестиции, благосостояние.*

Рассматривая социальные сети как социальный капитал, можно заявить следующее: интеграция в социальную сеть может рассматриваться как прямой и косвенный ресурсы для обеспечения общего благосостояния. Интеграция в сеть может служить прямым ресурсом и способствовать достижению целей безопасности и признания, которые, в свою очередь, влияют на социальное благополучие. Внедрение в личные отношения может служить косвенным ресурсом, поскольку помогает облегчить достижение других инструментальных целей (или может усложнить его в отсутствие интеграции). Например, сети могут способствовать достижению социального статуса, укреплению здоровья, психической и физической активности или материальному благополучию людей.

Интеграция в сети, таким образом, может пониматься как ресурс, с помощью которого социальное благополучие достигается напрямую, а физическое и социальное благополучие – косвенно. С помощью теории функций общественного производства можно уточнить условия, при которых социальные отношения или ресурсы, которые достигаются посредством социальных отношений, представляют собой социальный капитал. Только если социальные отношения предоставляют ресурсы, которые были бы недоступны без этих отношений или только по более высокой цене, и если эти ресурсы способствуют достижению инструментальных целей, тогда социальные отношения составляют социальный капитал. В этом аспекте (аналогично материальному капиталу и человеческому капиталу – социальный капитал) отношения инвестируются для получения ожидаемого прямого

или отложенного дохода. Основное отличие от материального капитала состоит в том, что ценность этих доходов или отношения между инвестициями и доходами не могут быть рассчитаны сопоставимым образом. Кроме того, и это также является основным отличием от человеческого капитала, субъект не имеет достаточного контроля над соответствующими ресурсами [1]. Социальный капитал человека основан на его социальных отношениях и ресурсах, которые «принадлежат» членам его сети. В концепции человеческого капитала определенные способности или квалификации могут быть назначены человеку, который и будет контролировать эти свойства. То же самое и с материальным капиталом: есть владелец, который может определить, как используется капитал. Однако человеческий капитал и материальный капитал также подчиняются условиям, которые находятся вне индивидуального контроля. Это условия, которые определяют стоимость капитала. И человеческий капитал, и материальный капитал не являются формой капитала как таковой, а только при определенных условиях. Например, образовательные квалификации можно обесценить в условиях социальных изменений, чтобы они больше не представляли человеческий капитал, как это было частично в процессе трансформации в Восточной Германии [2]. То же относится и к материальному капиталу. В качестве примера часто приводят ящик с золотом, который захоронен на необитаемом острове. Это золото не является капиталом. Даже если кто-то и найдет его на этом острове, оно будет бесполезным, если на него ничего не покупать. Кроме того, материальный капитал в итоге является символической величиной. Например, деньги «существуют» только в той степени, в которой участвующие лица «верят» в их существование и ценность. В этом отношении человеческий капитал, как и материальный, зависит от условий, которые находятся вне контроля отдельных субъектов. От этих внешних условий зависит, в какой степени определенные свойства (например, образование) или юридические лица (например, собственность, которая может быть преобразована в деньги) вообще являются ценными и, следовательно, представляют собой только капитал. Человеческий и материальный капиталы имеют свойство «капитал», только если они служат для достижения инструментальных целей. Это составляет конститутивную особенность капитала. В этом отношении можно сказать, что личные отношения также являются формой капитала, если способствуют достижению инструментальных целей человека, предоставляют им доступ к ресурсам, которых у них нет или которые можно генерировать.

В рамках социальных ресурсов (инвестиций и доходов) социальные отношения здесь понимаются как личные отношения между двумя людьми. Это не абстрактная концепция социальных отношений, которая включала бы, например, отношения между людьми и организациями и т. п. Социальные ресурсы понимаются как ресурсы, которые могут быть достигнуты только тем или иным субъектом через его социальные отношения. Поэтому речь идет о ресурсах, которые основаны на сети отношений актера. До сих пор это выяснялось на основе теоретико-практического подхода, при котором люди вкладывают средства в эти ресурсы, а именно, когда эти инвестиции приносят

определенную прибыль, которая способствует достижению определенных инструментальных целей. Однако чтобы в итоге получить эти доходы, требуется распределение ресурсов контактного лица. Но почему люди должны передавать ресурсы, которые приносят пользу другим? Почему люди должны передавать контроль над запрашиваемыми ресурсами другим? Поэтому необходимо уточнить условия, при которых можно эмпирически наблюдать такое распределение ресурсов.

Возможным ответом на вопрос «почему люди передают запрошенные ресурсы другим людям?» является ссылка на стандарты. Такие нормы могут относиться либо к безусловной передаче ресурсов (альтруизму), либо к обмену ресурсами. В случае сомнений люди могут просто чувствовать себя обязанными оказывать определенный уровень поддержки.

В первом случае это социально желательный альтруизм, во втором – желаемая взаимность. Однако проблема с такой ссылкой на нормы заключается в том, что их природа и происхождение не могут быть объяснены без обращения к социальной практике, что делает объяснение круговым. В конечном счете нормы представляют собой более или менее стабильные поведенческие ожидания, которые могут упростить формирование взаимодействий и таким образом уменьшить проблему двойной непредвиденной ситуации. Эти поведенческие ожидания являются продуктом социальных действий, которые служат для создания и поддержания общественного порядка. Следовательно, целью социологического объяснения распределения ресурсов в социальных сетях должно быть также объяснение появления этих поведенческих ожиданий в рамках общей модели действий.

Еще один способ объяснить передачу ресурсов между людьми – обратиться к модели рациональных субъектов, которые пытаются обеспечить свое собственное благополучие под влиянием определенных условий и ограничений. Эта модель уже была основана на теории функций общественного производства. Ключевое расширение модели с точки зрения социальных отношений заключается в том, что вы имеете дело как минимум с двумя рациональными субъектами, каждый из которых пытается максимизировать свое благосостояние.

Теперь стоит более внимательно посмотреть на пример двух актеров, спроектированных таким образом. Предположим, что передача ресурса от лица 1 (P1) лицу 2 (P2) для P1 вызывает определенные затраты (время, деньги, работу и т. д.) и представляет собой выгоду для P2 в том, что это будет способствовать достижению инструментальных целей. Если благосостояние P1 и P2 не зависит друг от друга, то передача ресурса имеет смысл только в том случае, если можно ожидать, что P1 получит ресурс сопоставимой ценности, который соизмерим с понесенными затратами. Такой процесс обычно называют «взаимностью», или «обменом». Затраты включают, с одной стороны, приложенные усилия, с другой – потерю благосостояния, которая может возникнуть, если благосостояние обоих людей не зависит друг от друга. Объясним это кратко. Например, P2 может преследовать цель повышения своего социального статуса и для ее достижения спрашивает друга P1, который занимает хорошую должность в известной компании, о наличии должности, которую P2 ищет в компании. P1 находится

ситуации, когда либо уже имеет соответствующую информацию, либо должен ее получить. В последнем случае закупочные затраты возникают для P1, например в форме временных затрат. Если информация доступна через активные закупки или просто доступна, то P1 должен рассмотреть следующее: во-первых, возникает вопрос, стоят ли соответствующие затраты на пути к ожидаемой выгоде. Может ли он рассчитывать на поддержку P2 в будущем, чтобы оправдать свои усилия? Второй вопрос возникает из-за того, что целевые состояния P1 и P2 не обязательно независимы друг от друга. P1 должен спросить, может ли ваше собственное здоровье пострадать, если предоставить соответствующую информацию. Если, чтобы остаться в примере, P1 теряет социальный статус и признание в кругу друзей, потому что P2 теперь занимает такую же позицию, как и P1, то социальные расходы могут возникнуть для P1. Таким образом, передача P1 информации для P2 зависит, во-первых, от того, обладает ли он ресурсом или может его получить, а во-вторых, оправдывает ли выручка от передачи ресурса, ожидаемой P1, понесенные затраты. Ожидаемый доход получается из прогнозируемых ресурсов, которые потенциально могут быть полезны для P1, взвешенных с вероятностью, ожидаемой P1, что P2 предоставляет эти ресурсы для P1.

Отсюда вытекают две проблемы. Во-первых, неясно, при каких условиях можно вообще ожидать возврата: если услуга предоставляется только тогда, когда можно ожидать возврата, то оказанная услуга представляет собой риск; если рассмотрение не предоставляется одновременно, то почему и при каких условиях люди должны идти на такой риск? Во-вторых, это означает, что проблема двойного непредвиденного обстоятельства не может быть решена в обменных операциях, поскольку должна быть предоставлена как минимум одна услуга, которая еще не является услугой возврата. Ключом к ответу на эти вопросы, согласно тезису, является концепция доверия, которую можно будет рассмотреть в следующих исследованиях.

Библиографический список

1. Coleman J.S. «Social Capital» // Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 300–321.
2. Diewald M. Entwertungen, Umwertungen, Aufwertungen. Ostdeutsche Erwerbsverläufe zwischen Kontinuität und Wandel. Habilitation Thesis. Berlin: Freie Universität, 1999. URL: https://pure.mpg.de/pubman/faces/ViewItemOverviewPage.jsp?itemId=item_2102497 (дата обращения: 12.12.2020).

SOCIAL RELATIONS AS A FORM OF SOCIAL CAPITAL

O.N. Torgovanova, A.E. Shabanova

Tver State Technical University, Tver

The capital integration into the social network is considered as a direct and indirect resource for ensuring overall well-being. The authors draw an analogy between material and social capital in order to obtain the expected direct or deferred income. Some differences, features, and conditions, beyond individual

control, are given. Social resources are based on the actor's relationships network: either an unconditional transfer of resources, or an exchange of resources. The sociological explanation of resource allocation in social networks explains the emergence of behavioral expectations within the general model of actions. A specific action model, which is supported by the investment theory, is proposed.

Keywords: *social capital, social networks, social resources, production functions, investment, welfare.*

Об авторах:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 6784-2308, e-mail: maerz25@mail.ru

Шабанова Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

Authors information:

Torgovanova Olga Nikolayevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 6784-2308, e-mail: maerz25@mail.ru

Shabanova Anna Evgenyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

УДК [82:1]: [81'255.2:811.111]

ФИЛОСОФСКОЕ НАЧАЛО В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

О.А. Егорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Егорова О.А., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-28-34

В статье на основе компаративного и семантического анализа предпринята попытка рассмотрения образцов философской лирики Сергея Есенина, способствующих раскрытию проблематики многообразия проявлений русского национального характера и осмысления национального бытия в пору народного противостояния на рубеже революционного переворота 1917 г. и последующей Гражданской войны. Исповедуя философию сакральности русского духа, поэт характеризует национальный русский характер как структуру, сформированную православием и подразумевающую как духовность, так и стихийность, уходящую своими корнями в мифологическую историю древних славянских племен. Как следствие, особенности авторского поэтического языка, насыщенного самобытными философскими метафорами и диалектными просторечиями, индуцируют закономерные сложности отражения авторской метафорической образности и философской поэтической тональности в переводах данных произведений на английский язык. При этом есенинское философское понимание русского национального характера отличается особой просветленностью и оптимизмом, а также утверждением самых лучших качеств русского народа.
Ключевые слова: философские размышления, фольклор, соборность, православие, патетическая форма, поэзия.

В поэтическом творчестве Сергея Есенина философские размышления и мотивы прослеживаются с ранней поэзии, которая насыщена прославлением русского духа, любовью к живой природе, родному краю и всей России, что в дальнейшем способствовало эволюции в образе данного поэта особого поэтического пантеизма с чертами христианской православной традиции. Ведь величие природы в творчестве Есенина превозносится до канонического уровня, а образам обычных российских крестьян придаются черты богомольцев и странствующих искателей истины. Таким образом, поэт исповедует философию сакральности русского духа, разнопланово осмысливая проблему полярности русского мироощущения и поведения, потенциал русского национального характера, который зарождается из сопряженности с истоками родной патриархальной земли и внутренней «соборности» как осознания постулатов православной религии.

На фоне роста мировой глобализации и универсализации большей части ценностей, включая нравственные и духовные, в современном социуме специалисты в области философии и литературоведения нередко обращаются к расширенному исследованию проблематики национального в различных пластах

культуры, поиску уникальных характеристик национального бытия как детерминанты последующего развития конкретного этноса. Ведь концепция об особой индивидуальности любого народа как совокупности людей, объединенных общим географическим положением, историей и обычаями, зародилась в Древней Греции, далее была упрочена в работах ряда современных философов, в частности упоминается в философской системе Гегеля, которого, по мнению философа Е.В. Леденевой, «...интересуют большие человеческие общности – народы. В их судьбе и свершениях Дух познает себя, по мысли Гегеля, с величайшей полнотой» [5, с. 192]. Более того, особенности менталитета конкретного этноса наиболее ярко обнажаются в образцах художественной литературы и поэзии.

Особенно отчетливо проблематика многообразия проявлений русского национального характера и осмысления национального бытия раскрыта поэзией С.А. Есенина, послужившей связующим звеном в пору противостояния русских людей в годы Гражданской войны. Эмигрировавший во Францию русский поэт и публицист Г.В. Иванов отмечал, что на любви к Есенину сходятся «два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания» [4, с. 38]. Лирика Сергея Есенина характеризуется особой исповедальной искренностью, отражающей восхищение гармонией природы вокруг человека в жестком мире, порождающем не простые философские раздумья, тайны и загадки.

В данной статье посредством компаративного и семантического анализа рассмотрены некоторые поэтические образцы философской лирики Сергея Есенина, способствующие раскрытию национального миропонимания на основе культурно-исторических и природных факторов, в том числе и на фоне соразмерности отражения авторской метафорической образности в аналогах данных произведений на английском языке.

Отметим, что научный постулат о С.А. Есенине как величайшем русском национальном поэте сложился в отечественном литературоведении во второй половине XX в. По мнению В.А. Шохина, Сергею Есенину выпала доля «ярко передать ту или иную черту, ту или иную грань национального характера» [6, с. 35]. Другие исследователи, например В.И. Харчевников, В.Г. Базанов, Е.И. Наумов и А.А. Волков, также занимались исследованием национального в творчестве Есенина, с юности связанного с крестьянской Россией. При этом Н.И. Шубникова-Гусева характеризует поэзию Есенина как «принципиально новую систему художественного постижения мира, в основе которого лежит идея полемического диалога как основы бытия в русской культуре» [7, с. 17].

Со второй половины XIX в. двуликость русской души находит глубокое осмысление в работах русских писателей и поэтов, в частности Федора Достоевского, чьи персонажи сочетали высокие душевные помыслы с внутренним «разгулом темной стихии» [2]. Подобная национальная особенность получила освещение и в трудах таких русских философов, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Г.П. Флоровский и др. С точки зрения упомянутых философов, «двоецентрие» русского характера и формирует необходимое напряжение, которое обуславливает движение нации вперед, и было детерминировано позднее русским философом и литературоведом М.М. Бахтиным как амбивалентность, дающая толчок многообразию национальных типов в истории развития России.

В подтверждение обратимся к ранней поэзии Сергея Есенина, философские принципы которой касаются гармоничного переплетения природного и человеческого миров, пока не затронутых конфликтами и борьбой противоречий. На данном этапе творчества природный мир оживает и олицетворяется до человеческого уровня, одушевляясь единым замыслом сопряжения между явлениями человеческой и природной сути, порождая богатейшую метафорическую образность и красоту поэтического языка. Рассмотрим начальные строки одного из первых стихотворений Сергея Есенина «Там, где капустные грядки» [3, с. 60]:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матки
Зеленое вымя сосет.

В данном четверостишье благодаря метафорическим эпитетам оживают непредсказуемые природные феномены: восход удобряет молодую капусту «*красной водой*», а саженец клена впитывает подобно молодому бычку сочную траву, обозначенную по аналогии с коровой «*зеленым выменем*». Таким образом, данный образец поэтического творчества философски детерминирует жизнотворное начало в окружающем мире. Более того, в творчестве Сергея Есенина образы деревьев нередко уподобляются людям, отсылая воображение поэта к концепции мирового древа, подразумевающей и в философии, и в мифологии древних славян, из которой поэт черпал свои замыслы, взаимосвязь всего живого на планете и эволюционное развитие мира. Как пример, рассмотрим строки из стихотворения «Пороша», который поэт сочинил в 1914 г., будучи студентом историко-философского отделения одного из Московских университетов [3, с. 92]:

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Поэт стремится передать свою любовь к малой Родине посредством описания безмятежности природы, погруженной в зимнее безмолвие. Данное произведение насыщено образами заколдованного леса, сосны и дороги, которые олицетворены до человеческого уровня, поэтому лес «*дремлет*», снег укрывает «*землю шалью*», а дорога «*убегает вдаль*». Также примечателен и образ сосны, укутанной снегом как девичьей косынкой. Отметим, что в творчестве С.А. Есенина народность и самобытность раскрываются в максимально патетической форме, поэтому его творчество трудно переводить на другие языки. Как подтверждение, прочитаем вышеупомянутые строки в переводе Руперта Мортонна на одном из поэтических сайтов [11]:

Held by unseen fable's rapture,
Forest slept beneath the drifts.
There in kerchief's frozen capture
Pine displayed her snowy shifts.

В данном четверостишье во второй строке отсутствует авторская инверсия, т. е. перестановка подлежащего и сказуемого, использованная для усиления эмо-

ционального накала повествования. Также при дословном анализе последних двух строк, переводимых как «*в застывшем ореоле косынки сосна показывала свои снежные сорочки*», мы наблюдаем некоторую трансформацию смысловой парадигмы образа сосны с добавлением новых коннотаций, обусловленных сохранением рифмы на английском языке. Поскольку Сергей Есенин возвращал свое поэтическое мастерство на сокровищнице народных песен, заговоров, басен и других образцов малых жанров поэтического творчества, насыщенных диалектами и просторечной лексикой, художественное воздействие его произведений осуществлялось посредством множества самобытных и редко употребляемых слов, которые весьма сложны и неоднозначны при переводе на английский язык.

Обратимся к другому примеру философской лирики поэта, а именно начальным строкам стихотворения «О верю, верю, счастье есть» 1917 г. [3, с. 391]:

О верю, верю, счастье есть.
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодную весть.

Данное произведение, опубликованное в журнале «Рабочий мир» в 1918 г., пронизано оптимизмом и надеждой поэта на возрождение новой России, в которой «*красный молитвенник*» зари олицетворяет отождествление революционного переворота с новой религией. В этом стихе мы замечаем цепочки повторов, акцентирующих внимание читателя на образе «*Златой Руси*» как метафоры, раскрывающей образ патриархальной православной страны с многоликостью церковей с позолоченными куполами и бескрайними просторами. Далее рассмотрим строки второго четверостишья [3, с. 391]:

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.

Данные строки отчетливо выражают восторженность автора перед грядущими изменениями и звучат отчасти как гимн новому пролетарскому миру. Однако в дальнейшем отношении Сергея Есенина к революционным событиям заметно трансформировалось, на смену восторгу пришло беспокойство о судьбе патриархальной деревни, охваченной нецелесообразными реформами нового строя. Далее обратимся к данным строкам в переводе Алика Вагапова на одном из поэтических сайтов [9]:

Ring, golden Russia, carry on,
Oh blow you wind, so unabated!
Blessed is the one who celebrated
Your shepherd's sadness, hope forlorn.

В данном переводе мы замечаем преломление смысловой парадигмы первой строки с заменой повтора сказуемого «*звени*» на глагольный аналог “*carry on*” со значением «*продолжать в том же духе*» [8], а также удлинение последней строки за счет дополнения “*hope forlorn*”, дословно переводимого «*безнадежная надежда*» [8]. Подобные метаморфозы обеспечивают благозвучие на английском языке, а также демонстрируют, что проблематика адекватного перевода нестандартной лексики в поэзии Сергея Есенина требует от переводчика

погружения не только в особенности фонетического строя авторской поэтической рифмы, но и в архивы русского фольклора как истока многих замыслов поэта.

В зрелой поэзии С. Есенина философское начало углубляется размышлениями о тленности физического бытия, о вечной проблеме жизни и смерти. Как подтверждение, рассмотрим стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу» 1921 г., в частности второе четверостишие стиха [3, с. 543]:

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Данное произведение состоит из пяти катренов, каждый из которых расширяет смысловую нагрузку предыдущего. Далее прочитаем перевод данных строк Аликом Вагаповым на одном из поэтических сайтов [10]:

Having got to know the touch of coolness
I will not feel, as before, so good.
And the land of birch trees, – oh my goodness! –
Cannot make me wander barefoot.

В данных строках переводной версии мы замечаем смысловую перестановку первых двух авторских строк. Также в данном примере отсутствует эпитет о «*тронутом холодком*» сердце, и смысл глубокой авторской метафоры «*страна березового ситца*» заменен на аналог «*земля берез*», что в целом обусловлено необходимостью гармоничного звучания переводной версии, хотя и умаляет метафорическое изящество исходного материала.

Примечательно, что особое место в философском осмыслении проблематики нового революционного сознания, полемики между атеистическим и религиозным началами русского характера, законов творчества, полисемии образов и символов принадлежит тринадцати поэмам Сергея Есенина, среди которых «Товарищ», «Певущий зов», «Пришествие», «Инония», «Иорданская голубица» и др. В данных поэмах, обозначенных общим названием «*маленькие поэмы*», поэт апеллирует к теме перерождения мира как общей художественной метафоре событий, библейским мифам о сотворении мира. Изучая данные произведения, филолог и исследователь О.Е. Воронова отмечает, что эпос Есенина – «это попытка создания индивидуально-авторского мифа о новом Богооткровении» [1, с. 463]. Так, в поэтических рассуждениях «Певущего зова» 1917 г. Есенин [3, с. 401] предстает перед нами избранником Провидения, воспевающим новый мир, где «*все мы – яблони и вишни голубого сада*». Разноплановые эпитеты в устах потрясенного пролетарской революцией поэта, такие как «*новая купель*», «*загорелась звезда Востока*», «*Новый Назарет*» воспевают ее торжество, отождествляя данный переворот с библейскими мифологическими постулатами православия. В первой строке поэт завуалированно упоминает Господа, который, скорее всего, «*просит*» не поддаваться искушениям, но «*достигать и мерить*», т. е. заменять материальные ценности духовными. Таким образом, в данном произведении Сергей Есенин стремится раскрыть свою философскую концепцию, метафорически отождествляя революционную Родину с библейскими временами первых христиан и язычников в поисках истинной веры. Неповторимым своеобразием философской лирики поэта становится предельная искренность и исповедальность, присущая

поэту при описании собственных духовных сомнений, ошибок и прозрений в сложное для России время. Хотя Есенин не предавался философии в традиционном смысле, т. е. не анализировал сущность проблемы бытия и сознания, свободы и необходимости, по сути дела, он оставался вдумчивым мыслителем, погруженным в поиски смысла и назначения человеческой жизни.

Немаловажное значение в более поздней философской лирике поэта занимает поэма «Черный человек» 1926 г., в которой герой ведет полемический диалог со своим внутренним эго, иносказательно представленным отражением в зеркале. Образ черного человека, появляющегося в зеркале, олицетворяет внутренний душевный раскол и мысленные страдания персонажа поэмы, охваченного отчаянием в связи с волной противоречивого террора в России двадцатых годов прошлого века. В конце поэмы черный человек иронизирует, заставляя героя прийти в бешенство и разбить тростью данное зеркало. Как следствие, душевный эмоциональный надрыв рассеивается, уходит возмущение и досада, и персонаж философски отмечает: *«Я в цилиндре стою. Никого со мной нет. Я один... И разбитое зеркало...»*.

Исповедуя философию сакральности русского духа, поэт характеризовал национальный русский характер как структуру, сформированную православием и реализуемую в «соборном начале» русской души, проявляющейся в мотивах родительского благословения, терпения и смирения, гостеприимства и доброты. При этом ментальный стержень русского характера подразумевает как духовность, сформированную православным вероисповеданием, так и стихийность, уходящую своими корнями в историю древних славянских племен.

В завершение отметим, что по мере роста философской зрелости поэта, росла его мудрость и умение преодолевать свои страсти, ведь поэт считал излишним их сдерживание и выступал за приоритетность индивидуального начала. В этом прослеживается схожесть его точки зрения с постулатами Аристотеля, призывавшего сдерживать одну страсть для того, чтобы она не мешала развитию другой. Как и Аристотель, Есенин любил предаваться уединению и углублению в свои мысли и подобно философам Древней Греции считал размышление добродетелью. При этом есенинское философское понимание русского национального характера выявляет такую его особенность, как антиномичность, являющуюся следствием переплетения и духовной составляющей, и стихийного центростремительного вектора в русской душе.

Библиографический список

1. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: монография. Рязань: Узорочь, 2002. С. 462–463.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Лениздат, 1999. 739 с.
3. Есенин С.А. Полное собрание стихотворений. URL: https://aldebaran.ru/author/esenin_sergeyi/kniga_polnoe_sobranie_stihotvoreniyi/ (дата обращения: 20.12.2020).
4. Иванов Г.В. Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки. Рецензии, статьи: в 2 т. М.: Инкон, 1993. С. 38.
5. Леденева Е.В. От Гегеля к неклассической философии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017. № 3. С. 191–192.

6. Шохин В.А. Поэт и мир // О творческой индивидуальности в советской поэзии. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. С. 35.
7. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: НМЛ И РАН «Наследие», 2001. С. 16–17.
8. Электронный словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 02.01.2021).
9. Alec Vagarov. I do believe in happiness! URL: <https://proza.ru/2011/11/26/1518> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Alec Vagarov. I do not regret, and I do not shed tears. URL: <https://proza.ru/2011/11/26/1518> (дата обращения: 28.12.2020).
11. Rupert Moreton. Fresh Snow. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/fresh-snow/6010/> (дата обращения: 29.12.2020).

THE PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE POETRY OF SERGEI YESENIN (AS EXEMPLIFIED IN SOME ENGLISH TRANSLATIONS)

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

In this article, based on comparative and semantic analysis, an attempt is made to consider samples of the philosophical lyrics by Sergei Yesenin, contributing to the disclosure of the manifestation diversity problems of the Russian national character and understanding of national life during the confrontational revolutionary coup of 1917 and through the subsequent Civil War. Espousing the philosophy of the Russian spirit and its sacredness, the poet characterizes the national Russian character as a structure formed by Orthodoxy and implying both spirituality and spontaneity, rooted in the mythological history of the ancient Slavic tribes. As a result, the peculiarities of the author's poetic language, impregnated with original philosophical metaphors and dialectal vernaculars, induce natural difficulties in reflecting the author's metaphorical imagery and philosophical poetic tonality in these works' translations into English. At the same time, Yesenin's philosophical understanding of the Russian national character is distinguished by special enlightenment and optimism, as well as the affirmation of the Russian people's best qualities.

Keywords: *philosophical reflections, folklore, collegiality, Orthodoxy, pathetic form, poetry.*

Об авторе:

Егорова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1954-7772, e-mail: mipe456@hotmail.com

Author information:

Egorova Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1954-7772, e-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 316.4.06

ПРАВОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Шипов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Шипов А.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-35-40

В статье рассматривается вопрос о формировании правовой компетентности студенческой молодежи. В основу положено исследование уровня правовой культуры студентов ТвГТУ, которое носит феноменологический характер. Показано, что респонденты склоняются к приоритету права и закона, а наиболее важными правами человека считают свободу совести, свободу слова и свободу от унижительного и оскорбительного обращения. Субъективный анализ соответствующих данных исследования позволяет дать предварительное заключение о преобладании в сознании студенческой молодежи ТвГТУ способов решения правовых проблем с помощью специальных (силовых) органов охраны правопорядка, а также о слабой информированности обучающихся. Формирование правовой компетентности – многоступенчатый процесс, в ходе которого у студентов должны не только закрепляться правовые знания, но и приобретаться практические навыки по решению правовых кейсов и жизненных ситуаций.
Ключевые слова: правовая компетентность, правовая культура, правосознание, студенческая молодежь, социологическое исследование, правовые знания, правовые кейсы.

Переход на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования 3++ (ФГОС ВО) предусматривает формирование универсальных компетенций (УК), среди которых УК 2 – «Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений» [9]. Таким образом, у каждого студента должна быть сформирована правовая компетентность – качество действий выпускника, обеспечивающих эффективное использование в профессиональной деятельности нормативных правовых документов органов власти; принятие решений в рамках существующей законодательной базы.

В основе правовой компетенции личности лежит правовая культура, включающая право и правовые знания, уровень правосознания как ненаблюдаемую сторону правовой культуры, правовые ценности и нормы, обеспечивающие выбор средств для достижения поставленных целей, правовое поведение (правовые практики), правовые отношения (взаимоотношения индивидов в правовом поле), правовые стереотипы [1, с. 64].

Проблемы формирования правовой культуры студенческой молодежи являются предметом научного исследования. Так, А.Р. Хисамов рассматривает смысл понятия «правовая культура молодежи» и на основе исследований выстраивает эмпирическую модель состояния правовой культуры студенческой молодежи в современном обществе [11], а в работе [12] представляет процесс формирования правовой культуры как фактор развития личностного потенциала современной студенческой молодежи. С.Ю. Симорот и Е.В. Еремина на основе анализа результатов анкетирования обучающихся Тихоокеанского государственного университета делают вывод об уровне и институциональных характеристиках правовой культуры студентов, направлениях совершенствования возможностей субъектов образовательной деятельности в решении задач при осуществлении их профессиональных ролей [10]. В своей работе В.П. Берестов [2] предпринимает попытку сравнительного анализа методологических подходов в отечественной социологической мысли к исследованию правовой культуры российской молодежи. В коллективной монографии А.Ю. Мохорова и В.П. Демидов [8] показывают, что правовое образование является важнейшим элементом образовательного процесса в современных российских высших учебных заведениях.

В результате проведенного анализа подтвердилась гипотеза о важности правового образования и его влияния на выработку в сознании студентов ценностно-ориентированных взглядов на правовую систему российского государства. В свою очередь правовая система государства выступает как отражение концептуальных подходов воздействия общества на формирование нравственных устоев представителей студенческой молодежи, наиболее соответствующих целям и задачам построения современного гражданского общества в Российской Федерации [8].

Вопросы взаимовлияния правовой культуры и воспитания молодежи, в том числе студенческой, рассматриваются в работах А.А. Дыжовой [5; 6], Э.Г. Григоряна и О.Н. Михайловой [4], Д.А. Мохорова, А.Ю. Мохоровой, В.П. Демидова [7], О.С. Габинской, Н.В. Дмитриевой, В.А. Матвиенко [3] и др.

Основываясь на профессиональных интересах, автор провел социологическое исследование для определения уровня правовой культуры студенческой молодежи на примере студентов ТвГТУ. Были опрошены студенты 1–3-х курсов очной формы обучения различных технических и гуманитарных направлений и специальностей.

Следует отметить, что на современном этапе развития российского общества наблюдается проблема, связанная с кризисом правосознания. Немаловажными его источниками являются отсутствие четко сформулированной национальной идеи в условиях смены базисных ценностных критериев, слабая правовая защищенность личности, резкое расслоение общества по уровню материального достатка, отсутствие должной заботы государства о населении, которое не было в достаточной степени подготовлено к глубоким общественным переменам последних десятилетий.

К сожалению, кризис охватывает все слои общества, включая элиту. Это особенно пагубно сказывается на правосознании молодежи, для части которой весьма актуальны проблемы трудоустройства и достижения желаемого

материального уровня. Это же является одной из серьезных причин стремительного расширения делинквентного поведения, распространения в молодежной среде наркомании и киберпреступности.

Показательные результаты представляет социологическое исследование. Ключевыми вопросами являлись отношение к закону, готовность реализовывать правовые предписания, готовность к защите собственных прав при помощи закона, готовность к участию в социальном контроле правовой сферы. Данные вопросы служат основанием для установления уровня лояльности правосознания и правовой культуры студенческой молодежи.

Результаты прикладного исследования позволили сделать следующие выводы.

Респонденты склоняются к приоритету права и закона и в своем поведении они намерены ориентироваться на закон. В современных условиях, когда многие законы имеют неоднозначность толкований и жизнь предлагает выбор (на криминальной или на правовой основе строить свое будущее), студенческая молодежь склоняется к возможности жить на основе закона. Однако следует отметить, что с возрастом законопослушность респондентов несколько уменьшается.

Студенты ТвГТУ наиболее всего уверены в своих знаниях в области трудовых отношений и уголовного права. Респонденты указали, что не знают своих прав в сфере ведения бизнеса, финансов и налогообложения, а также в сфере защиты информации и персональных данных, защиты прав потребителей и семейных правоотношений.

Правовые знания студенческой молодежи обусловлены умением отстаивать свои права, решать правовые вопросы, по сути, отражают уровень сформированности правовой культуры в практическом поле. В этой связи важно проследить умение студентов решать практические вопросы, касающиеся защиты собственных прав [11, с. 87].

Результаты исследования, характеризующие умение студентов ТвГТУ обращаться в нужные инстанции, как характеристика состояния правовых практик, доказывает слабое развитие последних. Так, большинство опрошенных (38 %) считают, что в первую очередь нужно искать защиту у органов правопорядка – полиции. В случае более серьезных нарушений прав студенты намерены обратиться в прокуратуру (24 %), суд (19 %), Роспотребнадзор (11 %). Лишь небольшая доля опрошенных студентов (8 %) указали Федеральную налоговую службу, другие контролирующие органы государственной власти и местного самоуправления, общество защиты прав потребителей и другие общественные правозащитные организации.

Таким образом, субъективный анализ соответствующих данных исследования позволяет дать предварительное заключение о преобладании в сознании студенческой молодежи ТвГТУ способов решения правовых проблем с помощью специальных (силовых) органов охраны правопорядка, а также о слабой информированности обучающихся.

Опрошенные, отвечая на вопросы, в которых предлагается выбрать меры наказания за различные преступления, за некоторые виды преступлений предлагают принимать более строгие меры, чем предусмотрено законодательством.

Большинство молодых людей считают, что ужесточение наказаний за нарушение закона приведет к снижению преступности в стране.

Наиболее важными правами человека респонденты считают свободу совести, свободу слова и свободу от унижительного и оскорбительного обращения. По их мнению, сегодня в России чаще всего нарушаются именно эти свободы, а также право на равенство перед законом и право на свободный доступ к информации.

Наиболее важным фактором, определяющим состояние правовой культуры и правосознание молодежи, является возраст. С годами респонденты получают больше информации об исторических ситуациях с массовыми нарушениями прав человека, чаще признают недопустимость геноцида, лучше понимают, какие группы населения нуждаются в особых правах или особой защите прав, какие права нарушаются сегодня в России. С другой стороны, они становятся скептичнее.

Формирование правосознания предполагает приобретение субъектами воспитания и обучения не только должного уровня правовой подготовки, но и системы убеждений, характеризующейся признанием права и пониманием необходимости следовать его предписаниям, овладением навыками реализации права. Соответственно, правовое воспитание и обучение состоит как в передаче, накоплении и усвоении знаний, принципов и норм права, так и в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, в умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда появляется необходимость в осознанном усвоении основных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Практика обучения и жизни должна быть такой, чтобы полученные знания превращались в личные убеждения, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем и во внутреннюю потребность и привычку соблюдать закон, проявлять правовую и профессионально-юридическую активность.

В ТвГТУ, помимо правового обучения, развиваются такие средства правового воспитания, как правовая популяризация и участие студентов в решении собственных юридических проблем.

Правовая популяризация осуществляется через ознакомление студентов с информационно-правовыми системами «Гарант» и «Консультант». ТвГТУ осуществляет сотрудничество с ЗАО «Гарант-Центрпрограммсистем» и ЗАО «Консультант», которые проводят обучение методике эффективной работы с справочно-правовыми системами, обеспечивают методическую, информационную, рекламную и консультационную поддержку учебного процесса. Проведенное исследование показало, что около 92 % студентов ТвГТУ знакомы с этими системами, а 74 % хотя бы однажды пользовались ими.

В основе всех указанных средств лежит обеспечение правовой информированности студентов, предполагающей передачу, восприятие, преобразование и использование информации о праве и практике его реализации.

Развитие правовой культуры в среде студенческой молодежи остается одной из приоритетных задач образовательной и воспитательной работы в вузе.

Формирование правовой компетенции – многоступенчатый процесс, в ходе которого у студентов должны не только закрепляться правовые знания, но и приобретаться практические навыки по решению правовых кейсов и жизненных ситуаций.

Библиографический список

1. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. М.: Юрист, 2007. 365 с.
2. Берестов В.П. Правовая культура российской молодежи: методологические подходы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 141–147.
3. Габинская О.С., Дмитриева Н.В., Матвиенко В.А. Формирование универсальных компетенций обучающихся на основе концепции воспитательной работы в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 2 (38). С. 24–29.
4. Григорян Э.Г., Михайлова О.Н. Психологические характеристики особенностей правосознания студенческой молодежи // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 3. С. 103–108.
5. Дыжова А.А. Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: монография. Могилев: Институт МВД, 2018. 168 с.
6. Дыжова А.А. Проблемы правового воспитания студенческой молодежи // Вестник факультета бизнеса и права. 2019. № 1. С. 119–126.
7. Мохоров Д.А., Мохорова А.Ю., Демидов В.П. Правовое воспитание студенческой молодежи как одна из основ формирования современного гражданского общества в Российской Федерации // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 10. С. 142–146.
8. Мохорова А.Ю., Демидов В.П. Роль правового образования в современном российском государстве. Философия образования. История и современность: коллективная монография / отв. ред. И.Д. Осипов, С.Н. Погодин. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 109–127.
9. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 955 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.03. Управление персоналом». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/74561300/paragraph/1:1> (дата обращения: 14.01.2021).
10. Симорот С.Ю., Еремина Е.В. Правовая культура молодежи // Проблемы высшего образования. 2014. № 1. С. 144–148.
11. Хисамов А.Р. Правовая культура современной студенческой молодежи: особенности формирования в условиях образовательного поля // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4-1. С. 86–89.
12. Хисамов А.Р. Формирование правовой культуры как фактор развития личностного потенциала современной студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2015. 22 с.

LEGAL COMPETENCE OF STUDENT YOUTH

A.V. Shipov

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the issue of the formation of the legal competence of student youth. It is based on the study of the level of legal culture of students of the Tver State Technical University (hereinafter – TvSTU), which is phenomenological in nature. It is shown that the respondents are inclined to the priority of law and law, and the most important human rights are freedom of conscience, freedom of speech and freedom from humiliating and offensive treatment. A subjective analysis of the relevant research data allows us to give a preliminary conclusion about the predominance in the minds of students of TvSTU of ways to solve legal problems with the help of special (power) law enforcement agencies, as well as about the poor awareness of students. The formation of legal competence is a multi-stage process in the course of which students must consolidate not only legal knowledge, but also acquire practical skills in solving legal cases and life situations.

Keywords: *legal competence, legal culture, legal awareness, student youth, sociological research, legal knowledge, legal cases.*

Об авторе:

Шипов Александр Викторович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1360-0036, e-mail: a.v.shipov@mail.ru

Author information:

Shipov Alexander Viktorovich – PhD (Physico-Mathematical Sciences), Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1360-0036, e-mail: a.v.shipov@mail.ru

УДК 39:316.728(367)

ВОЗРОЖДЕНИЕ «УМЫКАНИЯ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-41-49

Представленная статья продолжает исследование традиции «умыкания», предпринятое с целью определить возможные пределы свободы брачного выбора наших предшественников. Вполне вероятно, что в далеком прошлом «умыкание» санкционировало половую связь того или иного мужчины и девушки, вступавшей во взрослую жизнь, т. е. являлось обрядом, непосредственно предшествовавшим дефлорации. Распространение брачных отношений в форме договора, который заключали между собой семейно-родственные группы жениха и невесты, привело к потере «умыканием» его прежней социальной значимости. Однако со временем произошло второе «рождение» старой традиции.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

Возрождение «умыкания» стало не только возможным, но и неизбежным в обществе с патрилокальным типом поселения и развитой социальной дифференциацией вскоре после того, как повсеместным стало осуждение добрачных половых связей девушек. С этого времени претенденты в мужья обрели реальный рычаг воздействия на выбор жениха как самой девушкой, так и ее родителями. «Умыкание» стало действием, способным нанести непоправимый урон репутации девушки, а в крайних случаях даже лишить ее шанса обрести иного (кроме «умычника») мужа.

Например, в недалеком прошлом жених-татарин, похитив желанную девушку, «спешил вступить с ней в фактический брак» (особенно если ее родители не торопились давать свое согласие на бракосочетание). Молодые татары, совершая похищение, рассчитывали исключительно на то, что родители девушки испугаются огласки происшествия. Огласка случившегося похищения грозила обесчестить девушку. Обычно родители поневоле соглашались на вступление дочери в нежеланный для них брак [7, с. 80].

У некоторых народов требования по отношению к поведению девушки оказывались настолько «высоки», что предоставили молодым людям широкую возможность манипулировать статусом девушки на «рынке невест». Например, у итальянцев, как и у болгар, сброшенный на виду у всех головной убор девушки мог лишить ее возможности выбрать подходящую брачную партию; среди болгар-мусульман даже неудавшаяся попытка «умыкания» резко понижала «цену» потенциальной невесты [20, с. 116; 11, с. 141, 154].

«Умыкание» оказалось эффективным методом, который позволял жениху и его семье оказывать давление на невесту и ее родственников с целью добиться от последних выполнения договора о предстоящем заключении брака в соответствии с достигнутыми в ходе «сговора» соглашениями. К «похищению»

своей невесты после «сговора» прибегали в случае, если девушка отказывалась выйти замуж за своего официального жениха либо ее родители решали отказать последнему, соблазнившись обрести в качестве зятя более завидного претендента. В частности, известно, что у народов Дальнего Востока (нивхов, ульчей) чаще всего «похищения» были вызваны нарушением отцом невесты заключенного договора о будущем браке [31, с. 70, 75, 78].

У народов, которые стали особенно щепетильно относиться к наличию девственности у невесты, женихи обрели вполне реальную возможность заставить будущего тестя согласиться на брак его дочери с человеком, занимавшим скромное социальное положение, а также снизить величину ее «выкупа». К подобному «шантажу» будущих свойственников нередко прибегали многочисленные «умычники» на Кавказе [33, с. 54; 24, с. 165].

Интересная ситуация возникала в социальных структурах, где «брачные платы» представляли собой не «выкуп за невесту», а «приданое». Здесь «умыкание» не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова могло «дорого» обойтись родителям девушки. Например, в Ирландии на переговорах об условиях заключения брака, которые начинались «вскоре после того, как о побеге становилось известно», сердобольный отец похищенной девушки, «чтобы сохранить репутацию дочери», зачастую был вынужден в «приданое» «обещать больше, чем он мог себе позволить». Только после достижения соответствующей договоренности «назначался день свадьбы и будущей невесте разрешалось вернуться в родной дом» [27, с. 152, 153].

Впрочем, как говорится, «нет худа без добра» – указанные перемены открыли дорогу решительным молодым людям, получившим вполне реальные шансы самостоятельно выбрать будущего супруга в надежде обеспечить себе счастье в семейной жизни. Примечательно, что исследователи, уделявшие внимание освещению данной темы, отмечают, что чаще всего «умыкание» бытовало именно в этой «добровольной» (с точки зрения молодых людей) форме [33, с. 55; 15, с. 97].

Материал, изложенный в предыдущих публикациях, позволяет предположить, что стремление некоторых из числа наших предков начать семейную жизнь по своему выбору с «умыкания» невесты, подкреплялось возможностью апеллировать к силе традиции. Самовольный жених совершал ритуал, освященный временем, который к тому же являлся составной частью современного ему обряда бракосочетания. Тем самым автоматически обществу предъявлялась претензия на признание законности недозволенного родителями супружеского союза.

Нужно отметить, что, по крайней мере, к XIX в. у ряда народов мира, например среди племен мунда в Индии [21, с. 143], а также у тех, кого сегодня принято относить к числу южных славян, распространение получило не только «классическое умыкание», в ходе которого потенциальный муж похищал понравившуюся ему девушку, но и альтернативный вариант данной традиции. В рамках последней активной стороной предприятия выступала сама девушка, убегающая к жениху из родительского дома. Причину повышенной активности девушек в выборе супруга некоторые исследователи брачных традиций южных славян видят в том, что в этот период в данном регионе возраст

невесты при вступлении в брак нередко превышал возраст жениха [14; с. 94, 95]. «Бегуницы» («пристануши»), решившись на самовольный брак, по-видимому, немало надежд возлагали на обычай «приобщения» к новой семье, который осуществлялся путем прикосновения к очагу. Во всяком случае, болгарки пребывали в уверенности, что родители жениха теряют право прогнать девушку, размешавшую угли в их домашнем очаге [11, с. 153–155]. Румынки же были убеждены в том, что своевольная девица, сумевшая забраться на печь и своевременно схватиться за дымоход, могла рассчитывать на заключение брака не только вопреки воле родителей жениха, но даже против желания последнего [30, с. 165].

Впрочем, не стоит представлять возрожденное «умыкание» заурядным явлением повседневной жизни. Исследователи брачно-семейных отношений у русских, эвенков, киргизов, казахов, многих других народов Средней Азии, Северного Кавказа, Сибири отмечают, что действительное похищение невесты здесь не считалось общепринятой древней традицией, совершалось редко, зато часто наказывалось и являлось источником конфликтов между семьями [1, с. 230; 5, с. 159; 6, с. 74, 101, 102; 8, с. 35; 16, с. 89–104; 19, с. 66; 22, с. 8, 9, 14; 24, с. 142, 146–148, 153, 338; 31, с. 88; 33, с. 65].

Необходимо отметить, что кража девушки не гарантировала заключения брака, а являлась всего лишь методом воздействия на одну из сторон с целью заставить ее заключить брачный альянс [14, с. 94, 95]. Дж. П. Мердок утверждал, что «похищение невесты как обычный способ заключения брака» у народов мира встречается «исключительно редко», а «побег невесты с женихом обычно легитимизируется позднее через выполнение обычных обрядов и выплату соответствующих компенсаций» [23, с. 43]. Таким образом, «умыкание» представляется не «формой заключения брака», а скорее традицией, альтернативной «сватовству».

Например, жених-татарин, о котором мы уже упоминали, несмотря на решительность своих намерений, мог так и остаться без вожденной супруги. Случалось, что родители девушки, не готовые во всем идти на поводу у будущего зятя, в качестве компенсации требовали «калым» «гораздо больше обыкновенного» и только после получения желаемого соглашались на примирение. Следствием становилась свадьба. Однако иногда действия молодого человека так и не достигали заветной цели. Если похитителям ни при каких условиях не удавалось получить от родителей похищенной согласия на брак, то девушка возвращалась в родительский дом [7, с. 80].

В Андалузии в позапрошлом веке полагали, что «умыкание» состоялось, если юноша и девушка провели вместе «хотя бы одну ночь вне селения». Однако эта «ночевка» не гарантировала общественного признания сожителства молодых «брачным союзом». Последнее происходило только в том случае, когда родители девушки «смиряться и с течением времени прощали ослушницу (поскольку она не могла бы уже выйти здесь ни за кого другого)» [17, с. 142]. Более того, если юная дочь хозяина «бежала» с его батраком, то мероприятие, затеянное решительной молодежью вполне могло закончиться не вожденным браком, а «обращением в суд отца девушки», вслед за чем несостоявшийся супруг оказывался за тюремной решеткой, а девушка лишалась шансов

на удачное замужество в будущем [17, с. 143]. На Корсике случалось, что родители не только не прощали «сбежавшую» дочь, но даже отправляли ее в монастырь [13, с. 183].

Н.А. Кисляков отмечал, что в Средней Азии и Казахстане, как правило, похищение также заканчивалось примирением с родителями девушки и «уплатой всего калыма или его недоплаченной части» [15, с. 97]. По мнению Г.Ф. Миллера, похищение невесты не избавляло сибирских женихов от необходимости вносить «выкуп»: «калым все равно уплачивается, даже если это и происходит только через несколько лет после совершения брака» [26, с. 360]. Стоит вспомнить и о решительных казахах-скотоводах, которые нередко «до последнего» были готовы настаивать на возвращении похищенной под угрозой узаконенного открытого грабежа имущества, принадлежащего семье похитителя [34, с. 97, 98]. У ногайцев похищение тоже либо приводило к примирению с родителями девушки, выплате калыма и к свадьбе, либо влекло за собой межсемейный конфликт вплоть до убийства и кровной мести [6, с. 101, 102]. Причем на Кавказе, как и у казахов, незадачливый «умычник», вернув девушку, чтобы избежать кровной мести был вынужден платить «большое возмещение за обиду» [33, с. 55]. У чукчей избежать неминуемого кровопролития, следующего за похищением девушки, можно было лишь отдав в качестве «выкупа» оскорбленному семейству одну из «женщин своего очага» [3, с. 127].

Любопытно, что в Камеруне, как и в некоторых других регионах Африки, вплоть до последнего времени действовало законодательство, в соответствии со статьями которого «брак, предваряемый бегством», вступал в силу только «по достижении соглашения о брачном выкупе» [32, с. 61, 62, 88, 89]. Причем обычное право некоторых народностей (например, в Кении) позволяло родителям, не пожелавшим смириться с самовольством молодежи, требовать от «похитителя» выплаты материальной компенсации за «связь с девушкой» [32, с. 224].

Известно, что столь же решительно были настроены родители невесты у части сербского населения. В некоторых сербских селах «сбежавшую» девицу лишали приданого, а родители в Банате и вовсе воспринимали «побег» дочери как непростительное оскорбление, последняя «даже не смела пройти мимо родительского дома». Вполне ожидаемо, что в регионах со строгим отношением к «умыканию», этот обычай встречался очень редко [14, с. 95].

Впрочем, очевидно, что «решительность» родных невесты также не могла быть безграничной. В частности, к смелым действиям в борьбе с похитителем родители девушки могли прибегнуть лишь в случае, когда семейство «умычника» не занимало в социальной иерархии положения более высокого, чем имела семья девушки. В противоположном случае у «похищения» были немалые шансы завершиться успешно. Все вышеизложенное приводило к тому, что на «умыкание» девушки без согласия ее родных, например у казахов, решались (да и решаются сегодня) только женихи из состоятельных семей с высоким социальным статусом, достаточным для того, чтобы удачно разрешить конфликт с семьей похищенной [34, с. 108].

Особенно сложная ситуация могла сложиться, когда «похититель» действовал по взаимной договоренности с девушкой. Девушка соглашалась на вступление в брак, отказываясь вернуться домой. При этом ее родители не желали признавать данное сожителство законным супружеским союзом. Похоже, в подобных обстоятельствах при наличии известной доли упрямства как у молодежи, так и у их родителей дальнейшее развитие событий становилось сложно предугадать. Представляется, что из столь непростой жизненной ситуации разные народы «выпутывались» по-разному.

В прошлом для признания сожителства молодых людей супружеским союзом требовалось общественное признание. Прежде всего, чтобы добиться от общества признания новой семьи, молодым людям было необходимо совместное проживание в течение некоторого промежутка времени [4, с. 491]. Обыкновенно своевольные «супруги» искали кров у близких родственников, знакомых или у тех родителей, которые не возражали против заключения данного брачного союза. Также еще в прошлом столетии поступали излишне самостоятельные дети обитателей острова Самоа [25, с. 132, 133], отпрыски бирманцев [29, с. 111], жители Таиланда. У последних обычный «выкуп» был столь велик, что в некоторых деревнях путем бегства жениха и невесты создавалась практически каждая вторая семья [10, с. 63].

Совместное проживание юной пары не считалось законным до тех пор, пока родственники как жениха, так и невесты не смиряются со свершившимся фактом и не легализуют брак традиционным образом с соблюдением всех брачных обрядов. Порой промежутки времени между «умыканием» и признанием законности брачного союза был чрезвычайно значительным. Например, у сибирских татар брак «убегом» официально оформлялся только через полгода или год, обычно после рождения первого ребенка [18, с. 67–70], а на Самоа между «побегом» и признанием брака у пары мог родиться не один ребенок. И даже позднее своевольным супругам было не избежать напоминаний о нетрадиционном способе, который положил начало их совместному проживанию [25, с. 133].

Возможно, что общественное признание сожителства браком могло совпадать с совершеннолетием молодых. Как уже упоминалось в одной из предыдущих статей [9, с. 29–31], в прошлом обычай многих народов определяли возраст девушки, по достижении которого она могла самостоятельно выбирать супруга. Например, в Древнем Иране общество признавало законным брак, заключенный без согласия отца или опекуна девушки, если последняя достигла пятнадцати лет. Однако характерно то, что права и обязанности супругов, а также права детей в таком браке и в браке, заключение которого происходило традиционным образом, значительно отличались [28, с. 106–110].

Не исключено, что путь, который прошли молодые с целью общественного признания брака, накладывал неизгладимый отпечаток на все их супружество и у других народов. Во всяком случае, известно, что о специфическом способе, которым был заключен брак, в дальнейшем напоминали супругам не только на Самоа и в древнеиранском обществе. Например, у племен мунда в Индии изредка случались «побеги» юноши и девушки в лес. Молодые люди надеялись, что по возвращении общество признает их сожителство браком. Примечательно, что

даже при самом благоприятном варианте развития событий на брачный союз «бежавшей» молодежи смотрели косо, такой брак «считается непочетным» [21, с. 143]. Немалый интерес для понимания сути описываемых явлений представляет информация, сохранившаяся в мемуарах, повествующих о жизни российских дворян. В частности, стоит обратить внимание на характерное выражение, которое используется в мемуарах Д. Благово для сообщения об отношении семьи к княжне Мещерской, решившейся без согласия родителей стать женой некоего Ильина: «Мещерские не очень долюбивали Ильину, вспоминая, что ее мать не вышла замуж, а бежала» [2, с. 37]. Получается, в России XVIII–XIX столетий создание семьи путем «бегства» будущих супругов (в прошлом – «умыкания») если и воспринималось обществом как брак, то не вполне «качественный».

Видимо, намного проще было добиться общественного признания супружества молодым, принадлежавшим к разным социальным группам, добрососедские отношения между которыми были, мягко говоря, не слишком тесными. Вероятно, с этим фактом было связано распространение вплоть до XX в. обычая «умыкания» в горах Северной Албании. Как правило, «умыкаемая» здесь была отлично осведомлена о предстоящем событии и нередко горячо его поддерживала, ведь албанцы были уверены в своем праве рассчитывать на беспрекословное подчинение детей (особенно дочерей) сделанному за них брачному выбору. Дело доходило до того, что в горной зоне не только не спрашивали мнения детей «об их суженых, но даже не сообщали их имена». Ожидаемый протест пресекался «на корню»: сбежавших девиц грозили убить при побеге их собственные родственники, что, впрочем, не останавливало отважных горянок – зачастую девушки совершали побег даже «в момент движения свадебного поезда». При этом нередко юных албанок «похищали» черногорцы [12, с. 187–189], семейно-родственные группы которых едва ли имели основания возмущаться против обретения нового члена семьи столь своеобразным способом.

Таким образом, «умыкание» представляется сложным явлением, пережившим за время своего существования целый ряд трансформаций. Вполне возможно, что традиция «умыкания» регулировала взаимоотношения между полами до развития института брака как нерушимого союза, призванного «навечно» связать мужчину и женщину. Распространение брачно-семейных отношений снижает значимость древней традиции, превращая «умыкание» в ритуал, сопровождавший заключение брачного альянса. Возрождение «умыкания» происходит вслед за развитием социального и имущественного неравенств, развитием патрилокального типа брачного поселения, а также возникновением строгого запрета на добрачные половые связи. «Умыкание» стало выступать в исключительных, конфликтных ситуациях как обычай, создающий необходимые условия для заключения брачного альянса. Следовательно, в рамках свадебной обрядности «умыкание» принимает на себя роль экстраординарной альтернативы традиционному «сватовству», что позволяло молодым людям апеллировать к давней традиции с целью добиться согласия родителей на заключение брачного союза с самостоятельно избранным кандидатом в супруги.

Изложенной информацией не исчерпываются сведения о трансформациях, которые претерпело «умыкание» за долгую историю своего существования. Процесс дальнейших преобразований старой традиции будет описан в последующих работах.

Библиографический список

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, 1989. 471 с.
3. Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1934. 192 с.
4. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 544 с.
5. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
6. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 173 с.
7. Дементьева Т.Ю., Альмушева О.Р. Особенности брачных отношений татар в XVI – XVIII вв. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 8. № 1. С. 77–82.
8. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 152 с.
9. Занегина Н.В. Некоторые замечания о свободе брачного выбора в прошлом // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 26–32.
10. Иванова Е.В. Социализация детей в Тайланде // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 62–82.
11. Иванова Р., Маркова Л.В. Болгары // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 135–159.
12. Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 182–205.
13. Иванова Ю.В., Покровская Л.В. Народы Франции // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 177–209.
14. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
15. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 241 с.
16. Клейнбах Р., Салимжанова Л. «Кыз ала качуу» и киргизский адат: умыкание невесты и обычное право в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 89–104.

17. Кожановский А.Н. Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 134–166.
18. Коломиец О.П. Похищение и увод невест у сибирских татар // Культурология традиционных сообществ: материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых / отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск: ОмГПУ, 2002. С. 67–70.
19. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
20. Красновская Н.А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 107–133.
21. Краснодембский В.Е. Очерк этнографии народов мунда // Племена в Индии / сост. С.А. Маретина, И.Ю. Котин. СПб.: Наука, 2011. С. 123–149.
22. Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.
23. Мердок Дж.П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
24. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
25. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. 429 с.
26. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
27. Павленко А.П. Ирландцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 146–155.
28. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 384 с.
29. Поздеева Т.А. Социализация детей у бирманцев // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 100–112.
30. Рикман Э.А. Румыны // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 160–181.
31. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
32. Сеницына И.Е. Человек и семья в Африке. (По материалам обычного права). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 311 с.
33. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
34. Стасевич И.В. Брак и семья у казахов в конце XIX – начале XXI в. Время и традиция // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2. СПб., 2009. С. 93–111.

RENAISSANCE OF THE «ABDUCTION»

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This article continues the study of the «abduction» tradition, which helps to determine the limits of freedom of the marriage choice of our predecessors. Apparently, in the past, «abduction» sanctioned the sexual relationship of a man and a girl. «Abduction» preceded the girl's entry into adulthood. «Abduction» was a rite that preceded defloration. The rite of «abduction» has lost its significance as a result of the spread of the institution of marriage as a contract of family-related groups of the bride and groom. However, later the second «birth» of the old tradition occurred.

Keywords: *marriage, family, custom, the ways of marriage.*

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3168-2020, e-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3168-2020, e-mail: nzanegina@rambler.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9.07:930.25

О РАЗРАБОТКЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ: ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

М.Ю. Киселев

Архив Российской академии наук, г. Москва

© Киселев М.Ю., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-50-58

В статье представлена информация о хранящихся в Архиве Российской академии наук докладах члена-корреспондента АН СССР Б.Ф. Ломова и действительного члена Академии наук Грузинской ССР А.С. Прангишвили на тему «О разработке актуальных проблем психологии» на заседании Секции общественных наук Академии наук СССР 6 декабря 1979 г. В докладе Б.Ф. Ломова указывалось, что особое внимание следовало бы уделить проблеме мотивации и потребностей, механизмов формирования и развития мотивационной сферы личности. Ученый отмечал, что дальнейшее развитие психологии требовало более углубленной разработки философских, методологических и общетеоретических проблем (таких как проблемы личности, индивидуального сознания, потребностей, способностей, деятельности, общения), исследования психических процессов и состояний и их субстрата – нервных процессов. А.С. Прангишвили считал, что анализ социальных тенденций и явлений нельзя считать доведенным до конца, если не рассмотрена природа специфических особенностей личностного характера, формирование которых отражает определенные отношения процесса решения задач коммунистического строительства. Он сообщал о разработанном методе фиксированной установки, которая, представляя собой диспозицию к определенной форме реагирования – психологическую организацию внутренней среды индивида, выступала как характеристика целостного состояния субъекта психической деятельности в каждый дискретный момент его активности, что в выступлениях ученых значительное место занимают идеологические высказывания, ссылки на выступления идеологов коммунистической партии, касавшихся вопросов решения задач воспитания нового человека, развития типичных социалистических качеств личности и т. п. Без таких высказываний в рассматриваемый период не обходилось ни одно публичное выступление. В то же время освещение актуальных проблем психологии представляет значительный интерес для изучения истории психологии в СССР, в частности ее академического направления.

Ключевые слова: психология, история, доклад, Б.Ф. Ломов, А.С. Прангишвили, архив, Российская академия наук.

Архив Российской академии наук остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сохранились документальные комплексы по истории Академии наук, ее учреждений и организаций, науки и культуры, фонды личного происхождения ученых. В собраниях сохранился архивный фонд Секции общественных наук Академии наук СССР, в котором хранятся доклады члена-корреспондента АН СССР Б.Ф. Ломова и действительного члена Академии наук Грузинской ССР А.С. Прангишвили на тему «О разработке актуальных проблем психологии», датированные 6 декабря 1979 г. [2, с. 10–46].

Обратимся к докладу Б.Ф. Ломова, который отмечал, что психология в рассматриваемый период представляла собой разветвленную систему знания, включавшую несколько десятков специальных научных дисциплин и направлений. По его мнению, под влиянием дифференциации психологии общая аналитическая картина системы психических явлений существенно изменилась. Накопленные в разных дисциплинах данные показывали, что эти явления следовало рассматривать как многомерные, многокачественные и многоуровневые, обладавшие очень сложной системой детерминант. В связи с дифференциацией психологии особенно острой была потребность в дальнейшей более углубленной разработке ее методологических и общетеоретических проблем на основе принципов материалистической диалектики. Ученый отмечал, что среди психологов западных стран довольно широко был распространен позитивизм, пренебрежительное отношение к общей теории и методологии науки, отголоски которого можно было встретить и среди психологов социалистических стран.

Докладчик сообщал информацию о некоторых новых областях психологической науки, «имевших прямое отношение к вопросам идейно-политического воспитания». К ним он относил сложившееся в США направление исследований, претендовавшее на статус самостоятельной дисциплины – политическую психологию. Другое направление – психоэкономика, или микроэкономика, которая исследовала экономические процессы на уровне индивидуального бытия человека, отдельных лиц или групп людей в производстве и потреблении, проблемы рекламы с точки зрения психологии. Еще одно из направлений – сравнительная этическая психология, занимающаяся сравнением психологических особенностей людей, принадлежавших к разным расам, национальностям, и этнических групп с точки зрения особенностей их психологии. При этом, отмечал ученый, около сотни тысяч дипломированных психологов в Америке «участвуют в практической работе, связанной с укреплением особенностей капиталистического общества, с оправданием внешней и внутренней политики, с использованием психологии в буржуазных целях» [2, с. 16].

По мнению Б.Ф. Ломова, вышеуказанные направления формировались на основе совершенно определенных классовых позиций, и советским ученым было не ясно, в какой мере нужно обрабатывать исследования подобного рода в СССР. В то же время он считал, что эти исследования должны быть изучены, поскольку они очень широко использовались в международной и внутренней политике зарубежных стран. Ученый считал, что без серьезного знания зарубежной психологии и ее критического осмысления достаточно сложно проводить идейно-воспитательную работу в стране. При этом перед учеными была поставлена

задача по формированию нового человека, которая являлась важнейшей составной частью всего дела коммунистического воспитания. С этой точки зрения поставленная задача имела сильный психологический аспект.

В советской науке утвердился генетический подход к изучению по существу всех психологических свойств личности, которые рассматривались в контексте их формирования и развития. Ученый, опираясь на ряд исследований, утверждал, что структура личности весьма динамична и характеризовалась гетерохронностью развития ее составляющих. В процессе развития личности выявлены также специфические сензитивные периоды, когда личность становилась особенно чувствительной к тем или иным сторонам действительности. При этом некоторые данные позволяли рассматривать процесс формирования и развития личности в единстве с процессом развития человеческого организма, его биологических свойств. Докладчик считал, что особое внимание следовало бы уделить проблеме мотивации и потребностей, механизмов формирования и развития мотивационной сферы личности. В существовавших на Западе концепциях обычно индивид рассматривался абстрактно, вне общества и истории. Между тем, считал Б.Ф. Ломов, человеческие потребности имели общественную природу, их развитие подчинялось законам истории, что находило свое выражение и в предмете, и в способах удовлетворения потребностей. Однако в этой области проводилось недостаточно конкретных психологических исследований, тогда как они могли быть полезны для разработки проблемы формирования разумных потребностей.

Не менее важной проблемой для построения теории личности, по мнению докладчика, была проблема способностей. Здесь существовали две точки зрения, одна из которых «биологизаторская». В соответствии с ней способности полностью определялись генетической наследственностью, с которой рождался каждый человек: она как бы задавала границы, внутри которых он только и может развиваться. Сторонники другой точки зрения утверждали, что способности полностью являлись результатом воспитания в широком смысле, а генетические факторы не играли в их развитии никакой роли. С этой точкой зрения ученый не соглашался и предлагал организовать систему исследований по проблеме способностей, в частности по вопросам влияния на них генетических факторов на способности, причем в этой области научные изыскания почти не проводились.

К общему комплексу проблем психологии Б.Ф. Ломов относил и проблему формирования и развития мировоззрения и убеждений, в которой наблюдался явный пробел, относящийся к знаниям о человеке и прежде всего о человеческой психологии. Недостаточное просвещение советских людей (особенно молодежи) в этой области создавало почву для распространения «всякого рода иногда нелепых, а иногда и вредных концепций фрейдистского, бихевиористского, биологизаторского толка» [2, с. 21]. В связи с задачами формирования коммунистического мировоззрения, по мнению ученого, необходимо было усилить пропаганду психологических знаний. Он также сожалел, что психология (как учебный предмет) была изъята из школьной программы. Дальнейшей разработки требовали и другие проблемы, относящиеся к психологии личности: проблема характера (после работ В.Н. Мясищева и А.Г. Ковалева [5] в стране ничего серьезного не появлялось); проблема темперамента (разрабатывалась более активно); проблема индивидуальных различий.

По мнению докладчика, важной как в теоретическом, так и практическом отношении являлась проблема формирования механизмов саморегулирования, подразумевающая произвольное управление человеком своим психическим и физиологическим состояниями. Имелось достаточное количество экспериментальных работ такого управления, однако в теоретическом плане эта проблема была исследована мало. При этом ученый констатировал, что, несмотря на перечисленные проблемы, создать сектор психологии личности в Институте психологии АН СССР, которым он руководил, не удалось.

Особую область исследований составляли так называемые деформированная личность и отклоняющееся поведение (от социальных норм). Б.Ф. Ломов считал, что работы в этой области могли внести определенный вклад в решение задачи улучшения правопорядка и усиления борьбы с правонарушениями. Психологический анализ того, как и при каких условиях деформировалась личность, важен для разработки эффективных средств ее направления, в частности для разработки методов психологического воздействия. Ученый отмечал, что в советской психологии проблема личности тесным образом связана с проблемой коллектива, позволяющей выявить некоторые стороны сложных закономерностей его развития, формирования морально-психологического климата, самоопределения людей в коллективе и т. д. [6]. К важным вопросам психологии докладчик относил психологические проблемы политической пропаганды и агитации: при разработке методов пропаганды, по его мнению, необходимо было учитывать закономерности внимания, восприятия, памяти, мышления, динамики эмоциональных состояний человека, условия формирования установок [10]. Он считал, что «этой проблемой в СССР занимались мало и необходимо заняться ими самым серьезным образом» [2, с. 24].

Все перечисленные проблемы Б.Ф. Ломов относил к проблемам интегрального уровня для психологии, которые смыкались с социологией и другими общественными науками. Другим уровнем психологических проблем являлись проблемы психических функций, процессов и состояний, для исследования которых широко использовались методы лабораторного эксперимента. Докладчик высказал некоторые общие суждения об исследованиях, подводящих ученых к пониманию психических процессов как процессов субъективного отражения объективной действительности. Он сообщал, что в экспериментальной психологии накоплен огромный массив данных о процессах восприятия и памяти, обладавших очень сложной структурой. В частности, при выяснении процессов памяти установлено, что это не есть экспериментальная функция и имеются различные виды хранилищ памяти. В них исследователи выделили три блока: так называемый сенсорный регистр, осуществляющий фиксацию всей или почти всей информации, поступающей в органы чувств; кратковременное хранилище, в котором информация хранится в течение времени выполнения какого-то отдельного действия; долговременное хранилище, которое хранит информацию в течение практически неограниченного времени. При этом существовали процессы контроля и взаимодействия информации между этими хранилищами.

Касаясь общей теории психологического процесса, Б.Ф. Ломов утверждал, что вопросы, относящиеся к этой области, имели не чисто академический интерес,

а были непосредственно связаны с решением практических задач, в частности тех, которые возникали при разработке систем управления передачей информации, систем «человек – машина» и средств отображения информации. При этом эффективность и надежность систем «человек – машина» существенно зависит от того, насколько средства отображения информации согласованы с закономерностями восприятия, памяти и мышления. Ученый сообщал, что психические процессы исследовались в психологии более или менее интенсивно, чего нельзя было сказать о проблеме психических состояний человека, особенно в ситуации повышенного эмоционального напряжения (стресса). По его мнению, исследование факторов и динамики стрессовых состояний являлось важной не только теоретической, но и практической задачей.

Третий уровень проблем, изучаемых психологией, – это проблемы, которые относятся к нейрофизиологическим основам психических процессов, т. е. к рассмотрению этих процессов как функции мозга. Докладчик указывал, что связь психологии с физиологией в стране имела давние традиции, восходящие к И.М. Сеченову [7]: в русле этих традиций разрабатывался весь комплекс проблем, пограничных для психологии и физиологии. Он считал, что наиболее острой и важной задачей в этой области являлась задача сопоставления определенных характеристик психических процессов и определенных характеристик, лежащих в их основе физиологических процессов. В течение длительного времени психологи и физиологи пытались сопоставлять отдельные психические процессы с отдельными нервными, которые не увенчались успехом. Крайним выражением такого подхода была френология, связывавшая определенные психические процессы, состояния и свойства с определенными областями мозга. Б.Ф. Ломов указывал, что в рассматриваемый период намечался и развивался новый подход: рассмотрение нервных процессов в системе и попытки раскрыть нейрофизиологическую основу психики как системную организацию нервных процессов. Он имел в виду работы А.А. Ухтомского [9], П.К. Анохина [1], М.Н. Ливанова [4], В.М. Бехтерева [3] и целого ряда психологов, работающих в этом направлении.

По мнению ученого, проблемы, пограничные для психологии и физиологии, имели большое философское значение. В частности, впервые на Международном философском конгрессе в Дюссельдорфе в 1978 г. состоялся симпозиум «Сознание, мозг и внешний мир», на котором выступал профессор Дж. Эккла. В своем докладе он развивал идею, согласно которой сознание человека, его психика и мозг существуют в разных пространствах, т. е. вопреки всем достижениям естествознания утверждал независимость сознания, психики от мозга, «отстаивая дуалистическую (даже триалистическую) позицию. Если говорить о психологии, то она не может развиваться как наука, не занимая позиций материалистического монизма. В свою очередь, последовательная реализация этих позиций требует исследования психических процессов (всей системы психических явлений) как функций особым образом организованной материи – мозга» [2, с. 28, 29].

В заключение Б.Ф. Ломов отмечал, что дальнейшее развитие психологии требовало более углубленной разработки философских, методологических и общетеоретических проблем (таких как проблемы личности, индивидуального

сознания, потребностей, способностей, деятельности, общения), исследования психических процессов и состояний и их субстрата – нервных процессов.

Обратимся к выступлению академика А.С. Прангишвили, возглавлявшего Институт психологии Академии наук Грузинской ССР. Он считал, что анализ социальных тенденций и явлений нельзя считать доведенным до конца, если не рассмотрена природа специфических особенностей личностного характера, «формирование которых отражает определенные отношения процесса решения задач коммунистического строительства» [2, с. 31]. По его мнению, развитие психологических подходов в этом направлении требовало отработки исходных постулатов психологического исследования – специального категориального аппарата, способного адекватно отразить качественную специфику формирования социалистических особенностей личности и выразить своеобразие ее закономерностей.

Докладчик утверждал, что в активные отношения с действительностью вступает субъект, а не отдельные акты его психологической деятельности, являющейся лишь модификацией субъекта деятельности. Поэтому психологи должны начинать свои исследования с изучения субъекта деятельности. Отсюда вытекает признание личностного подхода как активного постулата психологического исследования. Ученый предлагал считать одной из самых основных особенностей личности как психологической индивидуальности «целостную структурную устойчивость и внутреннюю связную последовательность ее опыта и поведения (консистентность), их относительную независимость от случайных воздействий конкретных частных ситуаций (константности)» [2, с. 35].

В институте, по сообщению А.С. Прангишвили, работа велась на основе диалектики общего и частного, в соответствии с экспериментальными данными был предложен метод «фиксированной установки». Установка, представляя собой диспозицию к определенной форме реагирования – психологическую организацию внутренней среды индивида, выступала как характеристика целостного состояния субъекта психической деятельности в каждый дискретный момент его активности. Целостное состояние субъекта психической деятельности, по утверждению ученого, – это, прежде всего, организация «конечного общего пути», по которому развивалась одна система активностей и одно выявляющееся поведение. «Это значит, что аттитюды, мотивы, черты личности, концепты и подобные факторы деятельности не изолированно друг от друга и не “поштучно” определяют выявляющееся поведение, а подчинялись регулирующей функции установки, высшего уровня организации процессов переживаний и действий, имевших место при осуществлении деятельности» [2, с. 36, 37].

Ученый подчеркивал, что основными направлениями работы института при изучении формирования нового человека была методология единства общего и частного, понятие – общепсихологическое и психология личности. По его мнению, закономерности индивидуальных психологических особенностей нельзя трактовать как закономерности личностного характера, а именно как специфические проявления общепсихологических закономерностей деятельности субъекта. В институте проанализированы все понятия, которые были популярны в психологии в рассматриваемый период, при этом отмечалось, что понятия единицы и личности

были слагаемыми. В частности, исследования навыка показали, что с опытом образуется не только ограниченно связанная со специфической ситуацией устойчивая реакция. В отличие от понятия навыка установка выявлена как многогранная в своем отношении к объекту. По мнению докладчика, существовали достаточные основания, чтобы вырабатываемую с опытом диспозицию, являющуюся ориентированной и активной организацией сущностных сил индивида, трактовать не в свете понятия навыка, а установки.

В ходе научных исследований в институте установлено, что изученные проекционными методами латентные и осознанные черты как мотивы поведения закономерно распределялись по типам, выявленным методом фиксированной установки. Таким образом, факторы, обуславливающие индивидуальность поведения, понятие установки позволяло охватить шире и в большей целостности, чем понятие черты. «Черта, в широком смысле слова, входила в установку, в узком же смысле, как условие конкретной деятельности, она представляла собой вид установки» [2, с. 39]. Также были предложены концепции, которые понятие мотива рассматривали как центральное понятие психологии личности. Выяснилось, что, опираясь лишь на понятие мотива, невозможно дифференцировать явления, специфические для психологической характеристики личности, возникла необходимость введения понятия направленности. При этом направленность личности понималась как результат сложившейся иерархии мотивов, выражавшейся в устойчивом доминировании одних мотивов над другими. Центральным понятием психологии личности не могло оказаться переживание мотива как временное и преходящее переживание нужды. Это переживание проходит вместе с удовлетворением нужды. Центральным понятием единицы анализа личности, утверждал А.С. Прангишвили, выступала направленность как непроходящая «мотивационная линия», т. е. установка к активации определенно мотивированной деятельности.

В результате работы отдела методов изучения личности института было установлено, что «данные анализа установок позволяли в какой-то степени объяснить феноменологию “содержания”, выявляемую проективными методами. Выступая же в роли объясняющих категорий, эти данные создавали возможность прогнозирования – в определенных пределах – изменений поведения и личностного реагирования, которое можно ожидать при изменении объективных ситуаций, а тем самым и управления, в какой-то степени, этими предвидимыми психологическими сдвигами» [2, с. 42]. Докладчик утверждал, что в системе психологических знаний о закономерностях формирования нового человека важное значение имела психология формирования и смены социальных установок: новый человек – это новая личностная ориентация, это новые социальные установки.

Наконец, по мнению ученого, понятие установки связано с проблемой как синэргии неосознаваемых и сознательных форм психического отражения. При этом высшая форма приспособленности, внутренней упорядоченности деятельности достигалась именно этой синэргией. В работе института в этом направлении широко использовались научные исследования Д.Н. Узнадзе [8] и его школы, положивших начало обоснованию категориального аппарата, способного отразить качественное своеобразие бессознательного в непосред-

ственной связи с разработкой теории психологической установки. Докладчик сообщал, что при подходе к установке как форме целостности психологической организации индивида как определенным образом слаженной системе было «облегчено объективное изучение таких, например, ранее трудно уловимых целостных психологических феноменов, как формирование намерений и последствий их нереализуемости; зарождение, развитие и угасание антагонизмов переживаний, понимаемых как конфликты установок поведения» [2, с. 44]. По мнению А.С. Прангишвили, психологам необходимо иметь книгу «Психология человека», однако проблема формирования нового человека требовала серьезной разработки как категориального аппарата, так и отдельных постулатов.

В заключение отметим, что в выступлениях ученых значительное место занимают идеологические высказывания, ссылки на выступления идеологов коммунистической партии, касавшихся вопросов решения задач воспитания нового человека, развития типичных социалистических качеств личности и т. п. Без таких высказываний в рассматриваемый период не обходилось ни одно публичное выступление. В то же время освещение актуальных проблем психологии представляет значительный интерес для изучения истории психологии в СССР, в частности ее академического направления. В 2021 г. исполняется 50 лет со дня официального создания Института психологии в системе Академии наук. В последние четверть века институт вышел на новый уровень научных исследований, о чем свидетельствуют документы архивного фонда, хранящиеся в Архиве РАН. В рамках дальнейшего изучения истории психологии в СССР представляет интерес, по нашему мнению, исследование мнения членов Президиума Академии наук СССР по докладам Б.Ф. Ломова и А.С. Прангишвили. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории психологии и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Библиографический список

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1731. Оп. 1. Д. 287.
3. Бехтерев В.М. Мозг и его деятельность. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. 327 с.
4. Ливанов М.Н. Пространственная организация процессов головного мозга. М.: Наука, 1972. 182 с.
5. Мясищев В.Н., Ковалев А.Г. Психические особенности человека. Характер, способности. Т. 1–2. Л.: Ленингр. ун-т, 1957.
6. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. М.: Просвещение, 1978. 176 с.
7. Сеченов И.М. Психологические этюды. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1878. 225 с.
8. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.
9. Ухтомский А.А. Очерк физиологии нервной системы // Собр. соч.: в 4 т. Л.: Ленингр. ун-т, 1954. Т. 4. 232 с.
10. Шерковин Ю.А. Социальная психология и пропаганда: проблемы социальной психологии и пропаганды. М.: Политиздат, 1971. 181 с.

ON THE DEVELOPMENT OF ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY: THE POSITION OF SOVIET SCIENTISTS

M.Yu. Kiselev

Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article presents information about the reports of corresponding member B.F. Lomov of the Academy of Sciences of the USSR and Academician of the Academy of Sciences of the Georgian SSR A.S. Prangishvili on the topic «On the development of actual problems of psychology» at the meeting of the Section of Social Sciences of the Academy of Sciences of the USSR on December 6, 1979. In the report of B.F. Lomov, it was pointed out that special attention should be paid to the problem of motivation and needs, mechanisms of formation and development of the motivational sphere of the individual. The scientist noted that the further development of psychology required a more in-depth development of philosophical, methodological and general theoretical problems (such as problems of personality, individual consciousness, needs, abilities, activities, communication), research of mental processes and states and their substrate – nervous processes. A.S. Prangishvili believed that the analysis of social trends and phenomena cannot be considered complete if the nature of specific features of personal character, the formation of which reflects certain relations of the process of solving the problems of communist construction, is not considered. He reported on the developed method of fixed installation, which, representing a disposition to a certain form of response – the psychological organization of the internal environment of the individual, acted as a characteristic of the integral state of the subject of mental activity at each discrete moment of its activity that in the speeches of scientists, a significant place is occupied by ideological statements, references to the speeches of the ideologists of the Communist Party, concerning the issues of solving the problems of educating a new person, developing typical socialist personality qualities, etc. No public speech was complete without such statements during the period under review. At the same time, the coverage of actual problems of psychology is of considerable interest for the study of the history of psychology in the USSR, in particular, its academic direction.

Keywords: *psychology, history, report, B.F. Lomov, A.S. Prangishvili, archive, Russian Academy of Sciences.*

Об авторе:

Киселев Михаил Юрьевич – начальник отдела учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва, Россия. SPIN-код: 8705-0917, e-mail: kiss_RAN@mail.ru

Author information:

Kiselev Mikhail Yuryevich – Head of the Department of Accounting and Security of Documents, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. SPIN-code: 8705-0917, e-mail: kiss_RAN@mail.ru

УДК 316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ТОЛПЫ В ХОДЕ ПОГРОМОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

С.В. Лавриков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лавриков С.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-59-66

В статье предпринята попытка рассмотрения октябрьских погромов 1905 г. с учетом теоретического инструментария, выработанного в социальной психологии при изучении действий больших масс людей. Показана роль слухов и циркулярных реакций в ходе формирования погромных толп, выявлены их типологические особенности, на конкретных исторических примерах прослеживаются поведенческие стереотипы участников погромов.

Ключевые слова: толпа, погром, революция, черная сотня, психология масс.

Одной из самых драматических страниц революции 1905–1907 гг. стали погромы, прокатившиеся по стране после обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. Массовое столкновение двух общественных волн – революционной и монархической – образовали страшный водоворот насилия, приведший к гибели тысяч людей. Только на протяжении нескольких недель погромы охватили 358 населенных пунктов. В результате погромных столкновений погибли 1 622 и были ранены 3 544 человека [12, с. 86, 87]. Разгрому подверглись десятки жилых и торговых помещений.

В последние годы в отечественной исторической литературе появился ряд работ, посвященный исследованию тех или иных аспектов погромов 1905 г. Их авторы ввели в научный оборот большой фактический материал, проанализировали причины, территориальные и количественные характеристики погромных эксцессов, типологию, событийные сценарии погромных столкновений, отношение к ним разных политических сил, властных структур, социальный облик участников погромных акций [9; 10; 12; 14; 15].

Тем не менее историографический анализ, осуществленный некоторыми исследователями, показывает фрагментарность рассмотрения погромов и столкновений 1905 г., отсутствие общих подходов в понимании многих аспектов погромного движения. «“Черносотенцы”, – указывает Т.А. Шукшина, – до сих пор видятся некоей аморфной массой, действовавшей в защиту “православия, самодержавия, народности”» [15, с. 10]. Это указывает на необходимость дальнейшего исследования механизмов формирования погромных толп, закономерностей их действий, поведенческих стереотипов участников погромных выступлений.

В данной публикации предпринята попытка в соответствии с теоретическими разработками современной социальной психологии выявить некоторые социально-психологические особенности формирования и поведения погромных толп в ходе октябрьских столкновений 1905 г.

Толпа в современной социологии и социальной психологии трактуется как краткосрочное гомогенное скопление людей, в большинстве случаев не имеющих четко осознаваемой общей цели, но взаимосвязанных общими объектами внимания и сходным эмоциональным состоянием. Общее определение удачно дополняет дефиниция Я. Щепаньского, акцентирующая внимание на деятельностной реакции толпы. По его мнению, толпа это «временное скопление большого числа людей на территории, допускающей непосредственный контакт, спонтанно реагирующих на одни и те же стимулы сходным или идентичным образом» [8, с. 54]. Еще ряд особенностей толпы (конформизм, эмоциональность, единодушие) выделен в определении Ю.А. Шерковина. Толпа, в его понимании, это прежде всего «контактная внешне не организованная общность, отличающаяся высокой степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующих крайне эмоционально и единодушно» [8, с. 55].

Принимая во внимание сущностные характеристики толпы, можно выявить ряд предпосылок возникновения погромных настроений осенью 1905 г.

Охваченные антиреволюционными настроениями толпы в это время представляли собой испуганную переменами, патриархально настроенную часть населения, объединенную недовольством стачечным забастовочным движением и митинговой активностью революционеров, общей дестабилизацией политической и социально-экономической жизни страны революционными и оппозиционными элементами. Провозглашенные Манифестом либеральные свободы, по мнению некоторых исследователей, были восприняты населением как разрешение официальными властями проявления любых форм политического волеизъявления и активности, что создавало благоприятную почву для погромного движения [6, с. 151]. Проявились в погромной среде и мировоззренческие особенности крестьянской общины: слабо развитое понятие личности, растворенной в коллективе, деление мира на «своих» и «чужих» с резким негативным отношением к последним [15, с. 7, 8]. В ряде случаев погромную массу объединял социальный протест, выразившийся в извращенной форме, сопровождавшийся проявлениями национальной и религиозной вражды.

Теоретический анализ механизмов формирования толпы дает возможность описать некоторые особенности образования погромных толп осенью 1905 г.

В качестве основных механизмов формирования толпы и развития ее специфических качеств в современной научной литературе выделяются слухи, а также постепенное нарастающее эмоциональное заражение (циркулярная реакция, эмоциональное кружение). Взаимно переплетаясь, эти механизмы сыграли значимую роль в консолидации сил погромщиков.

Слухи, представлявшие собой недостоверную (или искаженную) информацию, распространяемую исключительно в устной форме («из уст в уста»), в рассматриваемый период заменяли и бездействующий телеграф, и выходившие с перебоями газеты. Все циркулировавшие в обществе в октябрьские дни 1905 г.

провокативные слухи по типу общей тематики с большой долей условности делят на ряд групп:

относящихся к православно-религиозной тематике (касаются фактов попорания и порчи икон, разрушения храмов, якобы полученного благословения бить «супостатов» и устраивать погромы);

касающихся определенной группы населения, представляемой в качестве революционеров и крамольников (евреев, поляков, армян, интеллигентов, студентов и др.);

имеющих «самодержавный» характер («враги» добиваются своего господства, оскверняют портреты императорской семьи, российские флаги, готовят убийство царя, потому «сверху» дана свобода бить «изуверов»).

На практике слухи содержательно пересекались и варьировались. Тем не менее они возбуждающим образом действовали на участников монархических шествий и манифестаций, через механизм циркулярной реакции способствовали нарастанию агрессивности толпы, определяли потенциальных жертв насилия. В Николаеве распространился слух о том, что евреи стреляли в царский портрет. Немедленное опровержение слуха не остановило погромщиков. Когда толпа собралась на площади для служения молебна, городской подрядчик Савин в сопровождении нескольких человек вбежал в городскую управу и потребовал выдать ему портрет государя. Получив портрет, Савин заявил: «Теперь, братцы, пойдем с ним бить жидов!» [12, с. 98].

В Твери накануне разгрома Губернской земской управы в трактирах и лавках циркулировал слух о том, что «на Почтовой площади (где располагалась управа. – *С.Л.*) полиция просит у мужичков подмоги, так как в управе что-то случилось». На самой площади один из участников будущего погрома уверял прохожих в том, что в управе разорван портрет государя [4, л. 49].

В селе Кимры Тверской губернии 23 октября пущенный кем-то слух о нападении крамольников и мятежников в Черниговской больнице привел к нападению погромщиков на это здание. Полному разгрому гостиницы помешали действия рабочей дружины, обстрелявшей черносотенцев из пистолетов [13, с. 6].

Слухи являлись и средством коммуникации внутри активной толпы. 17 октября уже в ходе тверского погрома прошел слух о том, что приехавший на площадь и спустя некоторое время покинувший ее губернатор П.А. Слепцов сказал: «Расправляйтесь сами с забастовщиками». Приостановившиеся погромные беспорядки возобновились с новой силой.

Циркулярная реакция приводила к увеличению численности толпы, способствовала росту числа погромщиков. Так, разгром Тверской земской управы 17 октября 1905 г. начался с того, что изначально небольшая группа (примерно 25 человек) начала ломиться в здание, где проходило собрание земских служащих. В разгар погрома число его участников выросло до 150–300 человек.

Примечательно, что эффект эмоционального кружения мог проявляться не только внутри толпы, но и за ее ближайшими пределами, вызывать симпатии к погромщикам у тех, кто должен был обеспечивать общественный порядок. Томский губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчев, касаясь действий военных в ходе погрома, писал в своем рапорте, что «настроение нижних чинов, находившихся в наряде, было всецело на стороне толпы и поэтому офицеры не

имели никакой возможности принудить их действовать решительно для умирения народного восстания и прекращения буйства». «Как пехота, так и казаки, – указывал губернатор, – <...> сами заметно склонялись на сторону толпы» [14, с. 72].

Не имея четкой позиционно-ролевой структуры, толпа обладает определенной географией, определяемой различием в действии эмоционального кружения. Этот эффект аккумулируется в ядре толпы, на периферии его влияние ослабевает. Непосредственными деятельными участниками беспорядков, как правило, оказывается относительно небольшая часть индивидов, составлявших толпу. Большую ее часть составляют люди, примкнувшие к сборищу вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий основной массы. Не являясь зачинщиками, они активно участвуют в ее действиях. На самой периферии находятся любопытные, наблюдающие за происходящим со стороны. Однако вся эта масса усиливает мотивационную силу ядра, дополненную ощущением анонимности и безнаказанности.

Все указанные категории можно выделить и в составе погромных толп в октябре 1905 г. Количество деятельных участников погромных беспорядков, по данным некоторых исследователей, варьировалось в различных населенных пунктах от 1–2 человек до нескольких тысяч [15, с. 16]. Зачинщиками и активными участниками погромных эксцессов в большинстве случаев были люди в возрасте от 21 до 40 лет, разной сословной и профессиональной принадлежности. Например, в местечке Кривой Рог 27 октября еврейский погром устроили шахтеры, прибывшие из окрестных местностей. В Одессе костяк деятельных погромщиков составляли портовые грузчики, в Рыбинске – крючники [12, с. 143].

Значимую роль в погромной толпе играли лидеры, вожаки. В Полтавской губернии действиями громил руководил помещик П. Кривошеин. В Николаеве погромщиков возглавляли владелец писчебумажного магазина Пархоменко и городской подрядчик Савин [12, с. 141]. Присутствие в ядре погромщиков уголовных элементов в целом было незначительным.

Периферийными участниками погромной толпы являлись и сторонние наблюдатели. Они не вмешивались в ход событий, однако их присутствие увеличивало массовость, усиливало влияние стихии толпы на поведение ее участников. Масса тверских горожан, ориентировочно до 2 000 человек, 17 октября следила за событиями погрома, располагаясь по краям площади и на примыкающих к ней улицах. Отношение их к происходящему не было однозначным, в большинстве – вполне нейтральным, а в ряде случаев и с нескрываемым одобрением.

Весьма продуктивно при исследовании погромного движения 1905 г. использовать имеющиеся теоретические подходы к типологизации толпы. К основным видам (по характеру поведения в ней людей) относят окказиональные, конвенциональные, экспрессивные и действующие. По критерию управляемости выделяются стихийные (неуправляемые), ведомые, организованные толпы. Однако следует учитывать условность приведенной классификации, поскольку одним из важных свойств толпы является превращаемость: толпа способна относительно быстро спонтанно или умышленно трансформироваться из одного вида в другой.

Из всего многообразия выделяемых в литературе видов толп для характеристики погромщиков в наибольшей степени могут быть применены такие, как окказиональная, конвенциональная, действующая и ведомая.

Под окказиональной (от англ. occasion – случайность) толпой понимается случайное скопление людей, привлеченных каким-либо неожиданным происшествием. 21 октября в Тульском кремле состоялся парад местного гарнизона, который привлек многочисленную любопытствующую публику. Сразу после парада началось монархическое шествие, закончившееся столкновением, в результате которого погибли 22 человека [12, с. 104]. Погрому в Томске предшествовало стихийное скопление людей, недовольных поведением определенных групп населения. «Стали собираться кучки народа, – указывалось в материалах судебного процесса, – по-видимому, состоящие из рабочего люда и мелких торговцев, причем из их среды слышались возгласы, что надо бить евреев, поляков, студентов, железнодорожных служащих и забастовщиков» [12, с. 94]. Этот пример наглядно демонстрирует перерастание окказиональной толпы в агрессивный подвид.

В других случаях погромная толпа может быть отнесена к конвенциональному (от лат. conventio – договор, объявление) типу. Она образуется на основе интереса к какому-либо заранее объявленному массовому событию, по конкретному поводу. Таким поводом в октябре 1905 г. стала очередная годовщина восшествия на престол Николая II (21 октября) и праздник иконы Казанской богородицы (22 октября). К этим дням были приурочены особые церковные службы, крестные ходы, церковные парады. Такие мероприятия собирали значительное количество людей: от 5 тыс. (в Нежине) до 30 тыс. (в Красноярске) [12, с. 95]. Изначально нейтральная, не представляющая по своей психологической природе какой-либо опасности для окружающих конвенциональная толпа в определенной ситуации может трансформироваться в агрессивный подвид. В октябре 1905 г. нередко собравшиеся по поводу церковного праздника люди были далеки от христианского смирения и их собрания перерастали в погром, охватывавший весь город. В Вятке в самом начале шествия из толпы стали выделяться отдельные группы лиц, которые останавливали каждого встречного, шедшего в шапке, и предлагали снимать ее перед портретом государя. От требований эти группы очень быстро стали переходить к насилию над теми, кто не подчинился [12, с. 95].

Практически все погромные толпы в фазе наибольшей активности могут быть отнесены к типу действующих. Они отличаются наличием активных действий и включают в себя подвид агрессивной толпы. Последняя характеризуется слепой ненавистью к конкретному объекту и применением насильственных действий по отношению к нему. В октябре 1905 г. появлению действующих, агрессивных толп могли способствовать попытки зачитать текст «Манифеста», противоправительственные митинги и демонстрации, провокационные слухи, попытки индивидуальной или коллективной самообороны от погромщиков. В Кашине 23 октября местный мещанин Третьяков попытался публично зачитать «Манифест» и произнести политическую речь «о рабочем деле». Около него были развернуты красные флаги. Из толпы, насчитывавшей около 700 человек, раздались крики: «Нам не нужно твоих речей! Бей его!».

Самому оратору удалось скрыться, а флагоносцы были настигнуты черносотенцами и избиты [3, лл. 2, 3]. В Тифлисе поводом для погрома послужили несколько камней, которыми местные гимназисты были вынуждены отбиваться от наседавшей на них толпы. По другой версии погром спровоцировал обстрел монархической манифестации из здания гимназии [12, с. 102].

Несмотря на элементы стихийности, многие погромные толпы в октябрьские дни 1905 г. могут квалифицироваться как ведомые. К ним принято относить толпы, находящиеся изначально или впоследствии под влиянием конкретного физического лица, являющегося ее лидером. «Ведомость» могла осуществляться и извне. Так, в киевском погроме нетронутым остался Лукьяновский базар, что, по мнению современников, объяснялось нежеланием полиции допускать погромщиков к тюрьме, так как они могли освободить из заключения массу уголовников [11, с. 98].

В то же время необходимо учитывать, что человек толпы восприимчив к импульсам, исходящим из самой толпы, он резонирует с общим настроением. Восприимчивость к внешним импульсам, рациональным доводам, логическим аргументам у него снижается. В этой ситуации попытки воздействия на толпу могли быть весьма опасными. В ходе погрома земской управы в Твери 17 октября известный в городе врач П.С. Потемкин, пытавшийся остановить избиение лежащего человека, сам был жестоко избит и вскоре после этого скончался [5, с. 186]. Потомственный почетный гражданин С.Н. Булатов, оказывавший помощь одному из служащих управы, получил удар камнем по голове и потерял сознание [2, л. 42 об.].

В действиях погромных толп осени 1905 г. проявился ряд характерных черт, свойственных поведению больших масс людей.

Одной из особенностей мышления толпы являлся экстремизм. В погромной толпе проявлялись деструктивные инстинкты, направленные на разрушение. Ярость являлась стандартной реакцией толпы, встретившей препятствие. Во время возмущения наэлектризованная толпа никогда не дорожила своей жизнью, что значительно усиливало ее возможности. Участники патриотических шествий практически никогда не имели огнестрельного оружия. Во время столкновений они действовали кулаками, дубинами, металлическими прутьями, подручными предметами, но почти всегда погромная толпа даже без оружия одолевала боевые дружины социал-демократов или эсеров [12, с. 101].

Наряду с экстремизмом характерной психологической особенностью возбужденной толпы является безответственность. Это порождает невероятную жестокость, агрессию. О бесчеловечности, с которой черносотенцы избивали земских служащих в Твери, свидетельствовало медицинское заключение, составленное после осмотра потерпевших. В частности в нем отмечалось, что большинство ран было «нанесено тупыми орудиями (камнями, палками, кастетами и кулаками), но у некоторых <...> имеются раны, нанесенные острым колющим орудием – кинжалом или финским ножом» [4, л. 19].

24 октября в ходе столкновения рабочей и монархической демонстраций в Вышнем Волочке, по воспоминаниям одного из очевидцев, «некоторые рабочие были избиты, один рабочий убит и сильно избит Д. Истомина (мастер учебно-

ткацкой мастерской. – С.Л.), который остался жив только потому, что притворился убитым <...> и был брошен в канаву» [7, с. 36].

В ряде городов (Тверь, Томск, Рязань, Феодосия) погромы сопровождались поджогом зданий с находившимися в них людьми [15, с. 17]. В результате пожара, устроенного черносотенцами в здании Сибирской железной дороги в Томске, погибло 68 человек [12, с. 106].

Безответственность, анонимность позволяла взбудораженным погромщикам игнорировать требования представителей власти или авторитетных в их среде людей. Тверской губернатор П.А. Слепцов 17 октября пытался уговорить погромщиков разойтись, а когда это не удалось, уехал с площади [1, л. 3]. В селе Обухове (Киевская губерния) местный священник с крестом в руках пытался уговорить толпу образумиться и не грабить чужого имущества, но толпа не обращала внимания на его слова. Священник Н. Владимирский из Феодосии, подняв крест, призывал погромщиков разойтись по домам. «Люди подходили к кресту, целовали его, но все-таки оставались на своих местах» [12, с. 109, 110].

Проявилась в погромных толпах и повышенная склонность к воображению. Толпы хулиганов демонстрировали высокую восприимчивость к впечатлениям, мыслили поражающими их образами, которые всегда были простыми и ясными. В Томске, когда толпа с царским портретом подошла к магазину, один из стоящих впереди, обращаясь к портрету царя, зычно крикнул: «Ваше Величество, разрешите громить?». Державший в руках портрет ответил: «Разрешаю» [12, с. 99].

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20319.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20320.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 26894.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 639. (Судебный следователь Тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 14.
5. Колосов В. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь: Губернская типография, 1917. 186 с.
6. Корнеева Г.А. Правомонархическое политическое движение в современных исследованиях историков: Сибирский регион. СПб.: Алетейя, 2016. 428 с.
7. Михайленко П. Октябрьские дни в Вышнем Волочке // Спутник коммуниста. 1925. № 21–22.
8. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.
9. Смирнов В.А., Червякова М.М. Еще раз о погромах в России в 1905–1907 годах // Неизвестные страницы истории Верхневолжья. Тверь: Тверской государственный университет, 1994. С. 64–78.
10. Станкова М.В. Черносотенные погромы 1905–1907 гг. (по материалам Западной Сибири) // КЛИО. 2001. № 3 (15). С. 55–56.
11. Степанов С.А. Черная сотня. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 544 с.
12. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
13. Столяров А.С. Летопись событий села Кимры Тверской губернии. I. С октября 1905 г. по февраль 1906 г. М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1906. С. 6.

14. Шиловский М.В. Томский погром 22–25 октября 1905 г.: хроника, комментарии, интерпретация. Томск: Томский университет, 2010. 150 с.
15. Шукшина Т.А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 25 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CROWD BEHAVIOR DURING POGROMS OF THE SECOND HALF OF OCTOBER 1905

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

The article attempts to consider the October pogroms of 1905 taking into account the theoretical tools developed in social psychology when studying the actions of large masses of people. The role of rumors and circular reactions in the formation of pogromic crowds is shown, their typological features are revealed, on specific historical examples the behavioural stereotypes of pogromic participants are traced.

Keywords: crowd, pogrom, revolution, black one hundred, psychology of the masses.

Об авторе:

Лавриков Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 4564-4825, e-mail: lavrikov@list.ru

Author information:

Lavrikov Sergey Vyacheslavovich – PhD (History), Associate Professor of the Department of Mediatechnologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 4564-4825, e-mail: lavrikov@list.ru

УДК 37.017

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ИНСТИТУТУ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ

А.Г. Джафарова, Е.В. Лаптева

Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург

© Джафарова А.Г., Лаптева Е.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-67-72

В современном обществе происходит активная смена ценностей и ориентиров. В последние годы понятие «брак» начинает дискредитироваться, что способствует формированию легкомысленного отношения к половой жизни. Это связано с неспособностью или нежеланием молодых людей брать на себя ответственность и реализовать дополнительные обязанности. В статье описано исследование отношения студентов Оренбургского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова к институту семьи и семейным ценностям.

Ключевые слова: исследование, институт семьи, брак, студенты, социологический опрос, анкетирование, анализ, социальные ориентиры, молодежь.

У каждого поколения есть свои особенности отношения к любви и браку, которые отражают специфику времени и психологии людей, несут на себе отпечаток условий жизни и морально-эстетических принципов, сложившихся в данном обществе.

Актуальность исследования заключается в том, что сегодня такое явление, как «официально зарегистрированный» брак, утрачивает свою привлекательность для российской молодежи. Юноши и девушки предпочитают так называемый гражданский брак (правильнее – сожительство) законному [5]. В то же время для развития российского общества важно, чтобы молодые люди полностью брали на себя супружеские и родительские права и обязанности.

Большинство молодых людей вступают в брак, не обдумывая свое решение серьезно, что приводит к негативным последствиям и разводу. По мнению экспертов, хрупкость современных браков во многом определяется тем, что у молодых людей не возникает истинного уважения к институту семьи. Кроме того, у молодых людей нет знаний о браке, и распространенной ошибкой является то, что при создании семьи они полагаются только на силу своих чувств [3].

В рамках данной научной работы было проведено исследование отношения к институту семьи и брака среди 100 студентов Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Выборка производилась на основе возрастного критерия. Студенты 18–22 лет находятся в возрасте, в котором чаще вступают в брак. Вопросы для анкетирования составлялись на основе проблемных моментов, препятствующих созданию крепкого брака.

Студента как представителя определенной возрастной категории и как личность можно охарактеризовать с трех сторон: психологической, социальной и биологической [1].

Изучение этих аспектов раскрывает качества и способности студента, его возраст и его личные характеристики. Если рассматривать студента как человека определенного возраста, то он будет характеризоваться наименьшими значениями латентного периода реакций на одиночные, комбинированные и вербальные сигналы, оптимумом абсолютной и дифференциальной чувствительности анализаторов, наибольшей пластичностью в формировании сложных и других психомоторных навыков [4]. По сравнению с другими подростками наблюдается наибольшая скорость изменения памяти и внимания, решения словесно-логических задач. Таким образом, возраст студентов характеризуется получением наивысших и наиболее «максимальных» результатов на основе всех предшествующих процессов биологического, психологического и социального развития.

В проведенном исследовании принимали студенты в возрасте 18–22 лет, обучающиеся на разных направлениях в Оренбургском филиале РЭУ им. Г.В. Плеханова, из них 76 % – девушки, 24 % – юноши.

По диаграмме, представленной на рис. 1, можно сделать вывод, что только 15 % опрошенных вступили в брак и были готовы к созданию семьи.

Рис. 1. Семейное положение испытуемой группы

В ходе опроса студентов было выяснено, что только 30 % студентов готовы вступить в брак, 7 % затруднились ответить, а 63 % не считают себя готовыми, что говорит о преобладании у молодежи целей, не связанных с созданием семьи (рис. 2).

Рис. 2. Ответ студентов на вопрос: готовы ли вы создать семью?

Результат опроса, представленный на рис. 3, говорит о том, что студенты считают возраст 30–35 лет наиболее оптимальным для вступления в брак.

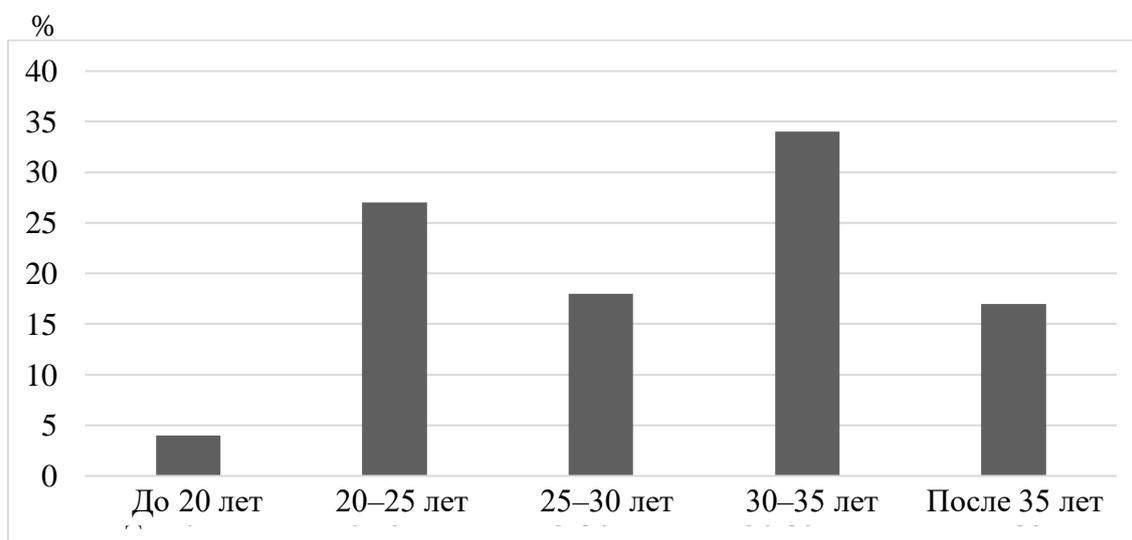

Рис. 3. Оптимальный возраст для вступления в брак, по мнению опрошенных студентов

По результатам исследования, представленного на рис. 4, было выявлено, что 86 % студентов считают официально зарегистрированный брак более надежным, что говорит о серьезности студентов создать ячейку общества на законных основаниях [7].

Результат опроса, представленный на рис. 5, показал, что 100 % студентов считают супружескую верность залогом счастливого брака, что, несомненно, является положительным моментом в осознании важности брака у студентов.

Рис. 4. Ответ студентов на вопрос: какой брак вы считаете более надежным?

Рис. 5. Ответ студентов на вопрос: является ли супружеская верность одним из параметров счастливого брака?

В соответствии с результатами опроса 79 % студентов считают, что оба супруга должны обеспечивать семью, не перекладывая данную обязанность на одну из сторон (рис. 6).

Рис. 6. Ответ студентов на вопрос: кто, по-вашему, должен материально содержать семью?

По результатам исследования, представленного на рис. 7, мы выяснили, что студенты уверены в важности компромисса между супругами.

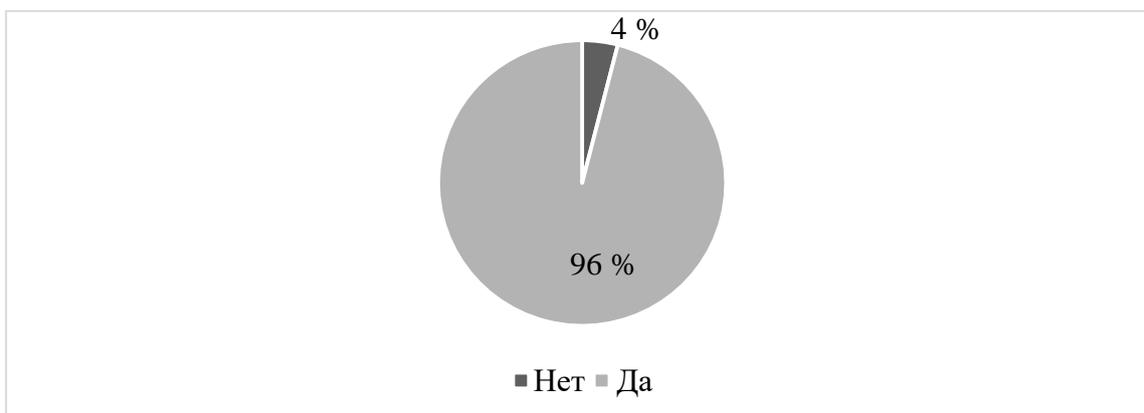

Рис. 7. Ответ студентов на вопрос: считаете ли вы, что брак требует компромиссов?

Результаты, представленные на рис. 8, показали, что студенты не готовы отказываться от карьеры ради брака, ставя ее на первое место.

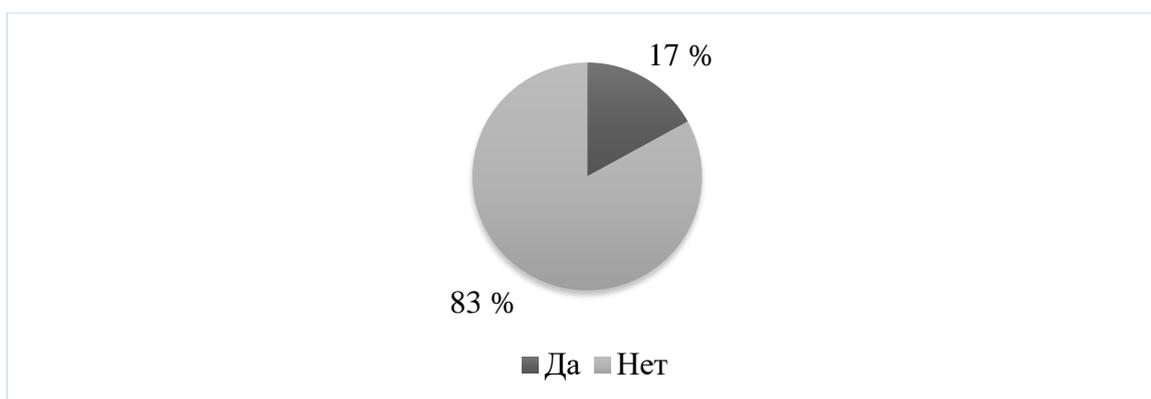

Рис. 8. Ответ студентов на вопрос: готовы ли вы отказаться от карьеры ради брака?

Исследование показало, что студенты осознают ценность и важность института брака, однако готовы поставить свое материальное положение выше семьи и не намерены вступать в брак во время учебы в университете и без материальной опоры.

Библиографический список

1. Ачгильдеева Е.Ф. Методические проблемы изучения стабильности брака: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 118 с.
2. Белобрыкина О.А. Психологические условия и факторы развития самооценки личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н., 2015. 24 с.
3. Дмитриенко А.К. Социально-психологические факторы стабильности брака в первые годы супружеской жизни: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 2017. 21 с.
4. Дубовицкая Т.Д. Диагностика уровня профессиональной направленности студентов // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 86–90.

5. Жолудева С.В. Брачный возраст и психологическая готовность к вступлению в брак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 276–281.
6. Золотова Л.В., Лаптева Е.В., Портнова Л.В. Статистическая оценка влияния сберегательного поведения населения на современное состояние банковского сектора // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3(59). С. 53–59.
7. Золотова Л.В., Лаптева Е.В., Портнова Л.В. Экономико-статистический анализ основных макроэкономических показателей развития банковского сектора России и оценка степени их влияния на уровень экономической активности населения // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6-4 (52). С. 78–83.
8. Lapteva E.V., Ananyev D.N. Statistical Examination of Banking System State in Russia: Tendencies and Projected Growth // Materials of the 1st International Conference. 2013. P. 139–147.

ATTITUDE OF STUDENTS TO FAMILY INSTITUTE AND FAMILY VALUES

A.G. Jafarova, E.V. Lapteva

Orenburg branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg

In modern society there is an active change in values and guidelines. In recent years, the concept of «marriage» has begun to be discredited, which contributes to the formation of a frivolous attitude towards sexuality. This is due to the inability or unwillingness of young people to take responsibility and fulfill additional responsibilities. This article studies the attitude of students of the Orenburg branch of Plekhanov Russian University of Economics.

Keywords: *research, family institution, marriage, students, sociological survey, questionnaire survey, analysis, social guidelines, youth.*

Об авторах:

Джафарова Анифа Гарибовна – студентка Оренбургского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Россия. E-mail: anifa.jafarova@mail.ru

Лаптева Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов и менеджмента Оренбургского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Россия. SPIN-код: 6854-4472, e-mail: lapa1984@inbox.ru

Authors information:

Jafarova Anifa Garibovna – Student, Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg, Russia. E-mail: anifa.jafarova@mail.ru

Lapteva Elena Vladimirovna – PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Finance and Management, Orenburg Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg, Russia. SPIN-code: 6854-4472, e-mail: lapa1984@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.242.2

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕСТНОМ УРОВНЯХ – АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ

А.М. Суховская

Образовательная организация высшего образования (частное учреждение)
«Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», г. Ярославль

© Суховская А.М., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-73-83

В статье рассматривается нормативная база, регулирующая проектную деятельность органов государственного управления и местного самоуправления. Представлен обзор государственных стандартов по проектному управлению и проведена аналогия данных нормативных актов с международными стандартами. Изучены Методические рекомендации № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. и Постановление Правительства РФ № 1288 от 31 октября 2018 г. на соответствие содержимого требованиям ГОСТ. Выявлены, по мнению автора, стратегические ошибки при разработке проектной документации, в частности то, что при планировании проектов не уделяется должное внимание мониторингу рисков и стейкхолдеров, это может привести к негативным последствиям при реализации проектов на государственном и/или муниципальном уровне. На основе изученной федеральной нормативной базы в сфере проектного управления были рассмотрены региональные постановления правительств. В качестве примера в статье приводится краткий сравнительный анализ региональных нормативных актов правительств Ярославской, Вологодской и Белгородской областей.

Ключевые слова: проектное управление, государственное и муниципальное управление, нормативная база, процессы, паспорт проекта, риски, стейкхолдеры.

Проектное управление активно используется в практике государственного и муниципального управления на протяжении ряда лет. Нормативно оно закреплено в документах федерального уровня:

1. ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» [1].

2. ГОСТ Р 54870-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов» [2].

3. ГОСТ Р 54871-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой» [3].

Данные стандарты утверждены Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 декабря 2011 г. № 1582-ст. и введены в действие с 1 сентября 2012 г.

4. Распоряжение Минэкономразвития РФ № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. «Об утверждении методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» [4].

5. ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту. Guidance on project management». Введен 1 марта 2015 г., идентичен международному стандарту ИСО 21500:2012 «Руководство по проектному менеджменту» (ISO 21500:2012 «Guidance on project management») [5].

6. ГОСТ Р ИСО 21504-2016 «Управление проектами, программами и портфелем проектов. Руководство по управлению портфелем проектов. Project, programme and portfolio management. Guidance on portfolio management». Введен 1 июня 2017 г., идентичен международному стандарту ИСО 21504:2015 «Управление проектами, программами и портфелем проектов. Руководство по управлению портфелем проектов» (ISO 21504:2015 «Project, programme and portfolio management – Guidance on portfolio management», IDT) [6].

7. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [7].

Мы видим, что сначала были изданы три стандарта по проектному менеджменту, затем, с промежутком в два года, методические рекомендации, в 2015 и 2017 гг. вступили в силу стандарты по управлению проектами, полностью идентичные стандартам, разработанным International Standardization Organization (ISO), и в конце 2018 г. издано Постановление Правительства РФ № 1288 (с последними изменениями от 10 июля 2020 г.).

Придерживаясь хронологии, рассмотрим содержательную часть ряда вышеперечисленных нормативных актов.

ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» структурно строится на процессах управления проектами, которые группируются в области управления [1].

Стандарт выделяет десять функциональных областей управления: содержанием проекта, сроками проекта, затратами в проекте, рисками проекта, персоналом проекта, заинтересованными сторонами проекта, поставками проекта, качеством в проекте, обменом информацией в проекте, интеграцией проекта. Также содержит совокупность пяти процессов: инициации, планирования, организации исполнения, контроля и завершения проекта. Процесс планирования в свою очередь включает в себя процессы планирования: содержания проекта, разработки расписания, бюджета проекта, персонала проекта, закупок в проекте, реагирования на риски, обмена информацией в проекте, управления изменениями в проекте.

Данный стандарт по своей структуре имеет большое сходство с Международным стандартом Project Management Body of Knowledge – Сводом знаний по управлению проектами (Руководство PMBoK), разработанным Институтом управления проектами США – PMI (Project Management Institute). Сходство в первую очередь обусловлено наличием процессов и их группировкой по областям знаний. Первая редакция стандарта PMBoK была опубликована в 1996 г., в настоящее время действует шестая редакция от 06 сентября 2017 г. [12].

Последнее издание РМВоК включает в себя, помимо прочего, теорию гибких подходов к проектному управлению Agile и содержит сорок девять процессов управления проектами.

Отечественный ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» на протяжении восьми лет своего существования не изменялся [1].

Родственные ему стандарты ГОСТ Р 54870-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов» [2] и ГОСТ Р 54871-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой» [3] также имеют процессный подход и на протяжении восьми лет не подвергались пересмотру.

Следующим федеральным актом в порядке хронологии является распоряжение Минэкономразвития РФ № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. «Об утверждении методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти» [4].

Данный нормативный акт ссылается на вышерассмотренные стандарты и существенно детализирует их, что вполне логично.

Рекомендации выделяют четыре уровня управления и их периодичность:

стратегический – период от шести лет с контролем не реже одного раза в год;

тактический – период от одного года до шести лет с контролем не реже одного раза в квартал;

оперативный – период от трех месяцев до одного года с контролем не реже одного раза в месяц;

операционный – период от одного дня до трех месяцев с контролем не реже одного раза в неделю.

Немаловажно, что рекомендации определяют два вида деятельности, которые в обязательном порядке присутствуют в работе государственных и муниципальных служащих: процессно-ориентированный (в рамках текущей деятельности) и проектно-ориентированный (достигается преимущественно через реализацию проектов), т. е. специфика данной работы заключается, помимо прочего, в необходимости сочетания процессной и проектной деятельности.

Данные методические рекомендации определяют процессы проектной деятельности, которые необходимо внедрить или модернизировать при переходе на проектно-ориентированную систему:

управление проектами;

управление мотивацией участников проектов;

управление компетенциями участников проектной деятельности;

организационную поддержку проектной деятельности;

технологическую поддержку проектной деятельности.

Исходя из представленного перечня процессов видно, что, несмотря на ссылку на ГОСТ Р 54869-2011, подход в рекомендациях к группировке процессов существенно отличается.

Кратко остановимся на содержании процесса «управление проектами». Рекомендации в п. 2.2.1 определяют: «Целью управления проектами является обеспечение достижения целей органа исполнительной власти путем планирования, организации и контроля трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов проекта» [4]. При реализации процесса «управление проектами» разработчики рекомендуют дополнительно использовать стандарт ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом» [1].

Основными инструментами проектного управления в органе исполнительной власти являются паспорт проекта, план-график и отчеты по проекту.

Методические рекомендации в п. 2.2.4 определяют, что паспорт проекта – это документ, в котором утверждается ключевая информация по проекту (наименование проекта, участники, основания для инициации, цели, задачи, результаты, критерии успеха, период реализации, риски, взаимосвязь с другими проектами, план контрольных событий) [4].

В приложении разработчики предлагают типовой вариант паспорта проекта, где в формате блоков отражается необходимая информация, что, по нашему мнению, является оптимальной формой изложения материалов. Вместе с тем было выявлено, что при написании раздела «Риски реализации проекта» предлагается разместить следующую информацию (приложение № 1): «Указать факторы, ограничивающие исполнение проекта (ресурсные ограничения, ограничения, связанные с законодательством и проч.), а также идентифицировать риски проекта» [4]. Считаем, что данная формулировка не содержит в себе высокой значимости для проекта работы с рисками, что может привести к формальному подходу со стороны исполнителей и, как следствие, к негативным последствиям.

Паспорт проекта не содержит информации по стейкхолдерам (заинтересованным сторонам проекта), но в приложении к рекомендациям дается определение: «Заинтересованные стороны проекта – должностные лица или структурные подразделения органа исполнительной власти, а также внешние организации, которые активно участвуют в проекте, могут влиять на проект, или интересы которых могут быть затронуты в ходе реализации проекта» (приложение № 1 к Методическим рекомендациям по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти) [4].

Предлагаемое определение, по нашему мнению, носит односторонний характер, так как в качестве заинтересованных сторон рассматривает только должностных лиц, структурные подразделения и внешние организации, но большинство проектов в исполнительной власти тем или иным образом связано с жителями населенных пунктов и игнорирование их как стейкхолдеров является стратегической ошибкой, что приводит к возникновению новых рисков и, как следствие, к следующему витку негативных последствий (изменений в проекте).

В приложении № 3 рекомендаций, где приводится типовое положение по управлению проектами, указываются процессы управления проектами [4]: инициация проекта, планирование проекта, исполнение, управление изменениями проекта, контроль проекта, завершение проекта. Если сравнить данный перечень с

ГОСТ Р 54869-2011 [1], то видно, что разработчик рекомендаций в блоке «Управление проектами» перечислил все процессы из стандарта и отдельно вывел процесс «управление изменениями», т. е. акцент сделан не на предотвращении возможных негативных последствий (через работу с рисками и стейкхолдерами на начальных этапах), а на устранении постоянно возникающих изменений.

Помимо паспорта проекта, обязательными атрибутами процесса «управление проектами» являются [4]:

план-график проекта, состоящий из мероприятий, контрольных событий по проекту и связей между ними, ответственных исполнителей, сроков реализации мероприятий и достижения контрольных событий;

отчет по проекту, состоящий из информации о фактическом достижении контрольных событий, прогнозе достижения контрольных событий, причинах их недостижения, нарушении сроков, рисках проекта и способах их снятия/минимизации, ключевых результатах, достигнутых за период, открытых вопросов, требующих решения руководства (п. 2.2.6).

Следующим по хронологии является ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту. Guidance on project management» [5]. Разработчики стандарта уже в его формулировке отразили идентичность стандарту, разработанному ISO (International Standardization Organization). Кратко рассмотрим структуру ГОСТ Р ИСО 21500-2014.

Данный стандарт, как и предыдущие нормативные акты, содержит в себе процессный подход. Причем выделяется сорок процессов, которые сгруппированы в две группы:

предметную, которая включает в себя интеграцию, заинтересованные стороны, содержание, ресурсы, сроки, стоимость, риски, качество, закупки и коммуникации;

управленческую, которая включает в себя инициирование, планирование, исполнение, контроль и завершение.

Градации процессов подобным образом схожа с подходом, применяемом в Руководстве РМВоК, о котором говорилось ранее. Это еще раз подтверждает высокое влияние разработчиков стандарта РМВоК на международную проектную деятельность.

Последний по хронологии нормативный акт – это Постановление Правительства РФ № 1288 от 31 октября 2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [7]. В данном документе установлен порядок организации проектной деятельности в Правительстве РФ. Дано понятие проекта: «Комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений» (п. 3) и введены термины, определяющие проектную иерархию на государственном уровне: «национальный проект»; «федеральный проект»; «ведомственный проект»; «региональный проект». Представлено определение понятия «проектная деятельность» – деятельность, связанная с инициированием, подготовкой, реализацией и завершением проектов [7].

Положение устанавливает функционирование на федеральном и региональном уровнях проектных структур: проектных офисов, проектных комитетов и центров компетенций.

По нашему мнению, данный нормативный акт достаточно лаконично определяет взаимоотношения в проектном управлении на всех уровнях государственной власти.

В рамках исследования остановимся более подробно на содержательной части паспорта проекта. В частности, п. 20 Постановления определяет, что паспорт национального проекта включает в себя «наименование национального проекта, его цели, целевые и дополнительные показатели, перечень методик расчета целевых и дополнительных показателей, задачи и результаты с указанием значений результатов по годам реализации, перечень и общие сведения о федеральных проектах, обеспечивающих достижение целей, целевых и дополнительных показателей, выполнение задач национального проекта, сроки реализации и объем финансового обеспечения национального проекта, информацию о кураторе, руководителе и администраторе национального проекта, а также иные сведения» [7].

Паспорт федерального проекта структурно мало отличается от паспорта национального проекта, все различия связаны с иерархией реализации.

Безусловно, проекты подобного уровня являются крупномасштабными, следовательно, при их формировании необходимо использовать немного другие подходы, нежели при создании проектов локального уровня. При анализе методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти (№ 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г.) мы указывали на стратегическую ошибку, связанную с недооцениванием рисков и стейкхолдеров (заинтересованных сторон). Причем во всех рассмотренных стандартах по проектному управлению, в том числе и ГОСТам, рискам и стейкхолдерам уделяется большое внимание.

Тема заинтересованных сторон затрагивается в п. 22 Постановления [7] и связана с необходимостью получения заключения общественно-экспертного совета, предполагаем, что на уровне национального и федерального проектов допустим возможный минимум взаимодействия со стейкхолдерами.

Тема, связанная с рисками, поднимается уже в отчетах о реализации проектов (п. 56): «В ежемесячные и ежеквартальные отчеты включается достоверная информация о реализации национальных проектов, федеральных и региональных проектов, содержащая в том числе фактические и прогнозные сведения о выполнении задач, достижении показателей, результатов, контрольных точек и исполнении бюджетов соответствующих проектов, информация о рисках реализации национальных проектов, федеральных проектов и региональных проектов, а также иные сведения» [7], т. е. можно сделать вывод, что при реализации проектов на государственном уровне идет работа по устранению возникших рисков со всеми негативными последствиями, а не по прогнозированию и предотвращению возможного возникновения отрицательных рисков.

На основе проведенного анализа федеральной нормативной базы автором были изучены документы, регламентирующие проектную деятельность на региональном и местном уровнях. В данной статье в качестве примера

представлен краткий анализ постановлений правительств Ярославской, Вологодской и Белгородской областей.

Постановление Правительства Ярославской области № 44-п от 31 января 2019 г. «Об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Ярославской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области» (с изменениями на 22 октября 2020 г.) [8]. Положение разработано на основе нормативного акта № 1288 от 31 октября 2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и содержит обширное нормативное копирование, что вполне естественно при выстроенной исполнительной иерархии.

В частности, Положение определяет (п. 13): «Паспорт регионального проекта (программы) включает наименование, цели и показатели, задачи и результаты регионального проекта (программы), контрольные точки и мероприятия, обеспечивающие достижение его целей и показателей, сроки реализации и объемы финансового обеспечения регионального проекта (программы), информацию о кураторе, руководителе, администраторе и участниках регионального проекта (программы), а также методику расчета дополнительных показателей и иные сведения» [8], из определения видно, что его содержание схоже с определением национального проекта и отличается только иерархией исполнения. В данной дефиниции также отсутствуют риски и стейкхолдеры проекта. С учетом нормативного копирования они отражаются в тех же разделах и практически в той же трактовке, как и в Постановлении № 1288.

Далее рассмотрим Постановление Правительства Вологодской области № 224 от 1 марта 2017 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве области и органах исполнительной государственной власти области» (с изменениями на 31 августа 2020 г.) [9]. Данный нормативный акт разработан также на основе Федерального постановления № 1288.

В соответствии с п. 1.2 «паспорт проекта – документ, содержащий основные положения проекта, цели и показатели проекта, результаты проекта, финансовое обеспечение реализации проекта, участников проекта, дополнительную информацию о проекте, план мероприятий по реализации проекта и перечень методик расчета показателей проекта» [9], т. е. содержит минимум, схожий с рассмотренными ранее нормативными актами, но Постановление Правительства Вологодской области имеет определенные характерные отличия, в частности присутствует термин «отчет об извлеченных уроках реализации проекта» и его определение: «документ, содержащий анализ опыта реализации проекта на основании итогового отчета по проекту, который может быть использован при реализации иных проектов, информацию о рисках и возможностях проекта, положительных уроках по проекту, отрицательных уроках по проекту, предложениях по улучшению нормативного и методического обеспечения проектной деятельности, дополнительных предложениях, изменениях в проекте» [9].

Информация из данного документа может являться основой для прогнозирования потенциальных рисков при планировании новых проектов.

Следующий нормативный акт – это Постановление Правительства Белгородской области № 202-пп от 31 мая 2010 г. «Об утверждении Положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области, а также подведомственных им учреждениях и организациях» (с изменениями на 20 июля 2020 г.) [10]. Оно, как и предыдущие, основано на Постановлении № 1288, но, по нашему мнению, является более проработанным с точки зрения проектного управления.

Во-первых, оно рекомендует органам местного самоуправления разработать подобное Положение, что может способствовать системности в реализации внутритерриториальных проектов, так же Положение вводит определение муниципального проекта – «проект, реализуемый в масштабах одного муниципального образования» [10, п. 2.1.1].

Во-вторых, в данном нормативном акте присутствует обширная терминология, где даны определения различным видам проектов, начиная социальным и заканчивая бережливым. Определены участники проекта, команда проекта, в том числе Постановлением Правительства Белгородской области № 317-пп от 20 июля 2020 г. введен термин «скрам-мастер» (п. 2.13) – «лицо, определенное руководителем проекта как ответственное за соблюдение основных принципов и форм работы с использованием гибких методов управления проектами (скрам-методология), является возможным участником проекта» [10].

В настоящее время в профессиональной сфере активно обсуждается внедрение гибких подходов в практику проектного управления на государственном уровне, но пока это носит «обсуждаемый» характер и нормативно на федеральном уровне не закреплено. В шестую редакцию Международного стандарта РМВоК включен раздел, посвященный Agile (гибким подходам), а также стандарт в сфере государственного проектного управления PRINCE 2 (Великобритания) содержит подробную информацию по использованию данных подходов.

Правительством Белгородской области нормативно закреплено применение гибких подходов в проектном управлении на региональном и муниципальном уровнях.

В-третьих, определено разделение государственных органов на процессные и проектные (данный подход описан в Методических рекомендациях № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. [4]).

В-четвертых, управление проектом осуществляется на основе его жизненного цикла (инициации, планирования, реализации, закрытия), где в соответствии с международными и отечественными стандартами последовательно прописаны этапы. В частности, в п. 4.5.5 определено, что план управления проектом включает в себя календарный план-график работ, перечень процессов, бюджет, риски, состав команды проекта, способы коммуникации и взаимодействия в проекте [4]. Следовательно, на этапе планирования закладываются риски и меры реагирования на них.

Таким образом, из представленных положений об организации проектной деятельности в трех регионах наиболее проработанным и грамотно выстроенным с точки зрения проектного управления является Постановление Правительства Белгородской области № 202-пп от 31 мая 2010 г.

Подводя итог, можно сказать, что в Российской Федерации проектная деятельность на федеральном уровне регулируется государственными стандартами и постановлениями.

Анализ ГОСТов по проектному управлению выявил определенное сходство с Международным стандартом РМВоК, разработанным Институтом управления проектами США – PMI (Project Management Institute).

Методические рекомендации № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. [4] и Постановление Правительства РФ № 1288 от 31 октября 2018 г. [7] более детально описывают отдельные элементы проектного управления на государственном уровне, но вместе с тем несут в себе, по нашему мнению, стратегическую ошибку, связанную с упущением при планировании рисков и стейкхолдеров, что может привести к негативным последствиям.

Вышеуказанный стандарт РМВоК представляет графическое изображение воздействия переменной в зависимости от срока проекта (рисунок) [11].

Воздействие переменной в зависимости от срока проекта (РМВоК) [11]

Из рисунка видно, что риск и неопределенность в начале проекта максимально высокие, а по мере его реализации снижаются, но стоимость изменений, связанных с влиянием негативных рисков, от минимальной на начальном этапе максимально возрастает к завершению проекта. Также большое влияние на реализацию проекта оказывают стейкхолдеры (заинтересованные стороны), которые могут являться носителями потенциальных рисков. Поэтому работу по диагностике рисков и стейкхолдеров необходимо проводить на этапах инициирования и/или планирования проекта, желательно проводить одновременно и обязательно разрабатывать меры реагирования на риски и меры взаимодействия со стейкхолдерами.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 54869-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом. М.: Стандартинформ, 2012. 9 с.
2. ГОСТ Р 54870-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов. М.: Стандартинформ, 2012. 9 с.
3. ГОСТ Р 54871-2011. Проектный менеджмент. Требования к управлению программой. М.: Стандартинформ, 2012. 12 с.
4. Распоряжение Минэкономразвития РФ № 26Р-АУ от 14 апреля 2014 г. «Об утверждении методических рекомендаций по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499091150> (дата обращения: 30.11.2020).
5. ГОСТ Р ИСО 21500-2014. Руководство по проектному менеджменту. Guidance on Project Management. М.: Стандартинформ, 2015. 60 с.
6. ГОСТ Р ИСО 21504-2016. Управление проектами, программами и портфелем проектов. Руководство по управлению портфелем проектов. Project, Programme and Portfolio Management. Guidance on Portfolio Management. М.: Стандартинформ, 2016. 20 с.
7. Постановление Правительства Российской Федерации № 1288 от 31 октября 2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/551541664> (дата обращения: 16.12.2020).
8. Постановление Правительства Ярославской области № 44-п от 31 января 2019 г. «Об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Ярославской области и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства области» (с изменениями на 22 октября 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/553235072> (дата обращения: 30.11.2020).
9. Постановление Правительства Вологодской области № 224 от 1 марта 2017 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве области и органах исполнительной государственной власти области» (с изменениями на 31 августа 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/446176348> (дата обращения: 15.12.2020).
10. Постановление Правительства Белгородской области № 202-пп от 31 мая 2010 г. «Об утверждении Положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области, а также подведомственных им учреждениях и организациях» (с изменениями на 20 июля 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424080691> (дата обращения: 15.12.2020).
11. Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК®). Пятое издание. Project Management Institute, Inc. 14 Campus Boulevard Newtown Square, Pennsylvania, 19073-3299 USA, 2013.
12. Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК®). Шестое издание. Agile: практическое руководство / коллектив авторов. М.: Олимп-Бизнес, 2017.

PROJECT MANAGEMENT AT THE REGIONAL AND LOCAL LEVELS – ANALYSIS OF THE REGULATORY FRAMEWORK

A.M. Sukhovskaya

International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT), Yaroslavl

The article deals with the regulatory framework regulating the project activities of public administration and local self-government bodies. The review of state standards on project management is presented and the analogy of these regulations with international standards is made. The methodological recommendations No. 26R-AU of 14.04.2014 and the regulation of the Government of the Russian Federation No. 1288 of 31.10.2018 on the content compliance with GOST requirements were studied. According to the author, strategic errors in the development of project documentation are identified, in particular, when planning projects, due attention is not paid to monitoring risks and stakeholders, which can lead to negative consequences when implementing projects at the state and/or municipal level. Based on the studied federal regulatory framework in the field of project management, regional government resolutions were considered. As an example, the article provides a brief comparative analysis of regional regulations of the Governments of the Yaroslavl, Vologda and Belgorod regions.

Keywords: *project management, state and municipal management, regulatory framework, processes, project passport, risks, stakeholders.*

Об авторе:

Суховская Анна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента образовательной организации высшего образования (частного учреждения) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», г. Ярославль, Россия. SPIN-код: 7377-6696, e-mail: suhovskay@yandex.ru

Author information:

Sukhovskaya Anna Mikhailovna – PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Management, Educational Organization of Higher Education (Private Institution) «International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT)», Yaroslavl, Russia. SPIN-code: 7377-6696, e-mail: suhovskay@yandex.ru

УДК 338.246

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.Ю. Мутовкина, А.Н. Бородулин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Мутовкина Н.Ю., Бородулин А.Н., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-84-91

В статье рассмотрены основные цифровые технологии предоставления государственных услуг, исследованы тенденции их применения, проанализированы факторы влияния на развитие цифровых технологий в области государственных услуг. Выполнен анализ применения цифровых технологий в системе предоставления государственных услуг в целом по Российской Федерации, а также по федеральным округам. Установлено, что перевод госуслуг в цифровой формат позволяет существенно улучшить качество предоставляемых услуг, обеспечить гражданам их доступность и своевременность получения.

Ключевые слова: цифровые технологии, государственные услуги, портал «Госуслуги», статистический анализ, качество жизни.

Неотъемлемой частью развития общества стали цифровые технологии, которые проникли практически во все сферы его жизни. Цифровые технологии не обошли стороной и такую важную сторону жизни любого человека, как получение им государственных услуг. Вопросы, связанные с цифровизацией государственных и муниципальных услуг, поднимаются в работах многих исследователей. Так, по запросу «Цифровые технологии государственных услуг» на сайте Научной электронной библиотеки eLibrary за 2020 г. поисковая система портала выдает 272 публикации, из которых 11 монографий и глав из них, 195 статей в журналах, 66 материалов конференций. В основном эти публикации посвящены рассмотрению отдельных государственных услуг, порядку их предоставления гражданам в электронном виде в России и мире [9], описанию региональных возможностей предоставления населению госуслуг в электронном формате [6], анализу рисков, с которыми может столкнуться получатель цифровых госуслуг [1]. При этом практически все авторы сходятся во мнении, что цифровизация государственных услуг – вполне закономерное явление в современном мире, важная часть всеобщей цифровизации экономики, значительно улучшающей жизнь общества по многим критериям. Тем не менее во многих работах отмечается необходимость повышения качества государственных и муниципальных услуг, а также уровня удовлетворенности ими населения [1; 5; 6].

Целью настоящего исследования выступает выявление тенденций применения цифровых технологий при оказании населению государственных и муниципальных услуг, а также анализ факторов влияния на данный процесс.

Исходные данные для исследования были взяты из официальных статистических сборников, размещенных на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ. В результате выполненного анализа можно констатировать, что

наиболее разработанными и популярными среди населения РФ цифровыми сервисами выступают интернет-порталы предоставления государственных и муниципальных услуг, в частности Единый портал госуслуг, и электронная цифровая подпись. Процент населения, взаимодействующего с органами государственной власти и местного самоуправления для получения госуслуг (от общей численности населения), с каждым годом увеличивается: через интернет, используя официальные сайты и порталы госуслуг, в 2015 г. обратилось 18,4 %; в 2016 г. – 28,8 %; в 2017 г. – 42,3 %; в 2018 г. – 54,5 %; в 2019 г. – 57,5 %; динамика обращений в многофункциональные центры (МФЦ) такова: в 2015 г. – 7,1 %; в 2016 г. – 11,8 %; в 2017 г. – 18,9 %; в 2018 г. – 19,6 %; в 2019 г. – 22,5 %.

Положительные тенденции наблюдаются как в городской, так и в сельской местности, однако традиционно в городской местности процент населения, пользующегося цифровыми технологиями предоставления госуслуг, выше, чем в сельской: в 2016 г. – на 13,3 %; в 2017 г. – на 15,5 %; в 2018 г. – на 15,2 %; в 2019 г. – на 17,1 %, т. е. прослеживается динамика увеличения разрыва, что можно расценивать как негативную тенденцию.

Как следует из [2–4], уровень образования и занятость не оказывают существенного влияния на использование гражданами цифровых технологий получения госуслуг.

Наиболее популярными целями взаимодействия населения с органами власти посредством интернет-технологий в период с 2015 по 2019 г. является получение информации через официальные сайты и порталы госуслуг (65,8; 66,8; 69,3; 71,7 и 72,7 % соответственно), запись на прием через сеть Интернет (44,7; 50,6; 57,5; 57,1 и 60,4 % соответственно), осуществление обязательных платежей в режиме онлайн (30,0; 35,9; 40,2; 45,9 и 51,0 % соответственно) [3, с. 106; 4, с. 127].

Кроме перечисленных целей население РФ использует интернет для отправки заполненных форм заявлений и других необходимых документов в электронном виде; получения результатов предоставления госуслуг в электронном виде (в том числе через личный кабинет на порталах госуслуг); скачивания типовых форм для заполнения; получения уведомлений с порталов госуслуг на электронную почту и через СМС-сообщения.

В табл. 1 представлена оценка населением РФ качества госуслуг, полученных через сеть Интернет (в процентах от общей численности населения, использующего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг).

Таблица 1

Оценка населением качества госуслуг, полученных через интернет (%)

Год \ Оценка	Высокое качество	Среднее качество	Низкое качество
2015	61,7	36,4	1,9
2016	66,2	32,4	1,4
2017	70,5	28,4	1,1
2018	73,2	25,8	1,0
2019	73,8	25,3	0,9

Исходя из данных табл. 1 можно утверждать, что с каждым годом степень удовлетворенности населения России качеством получения госуслуг посредством интернет-технологий увеличивается, что также является положительной тенденцией. Тем не менее существуют проблемы, с которыми сталкивается население при получении госуслуг через интернет (рис. 1).

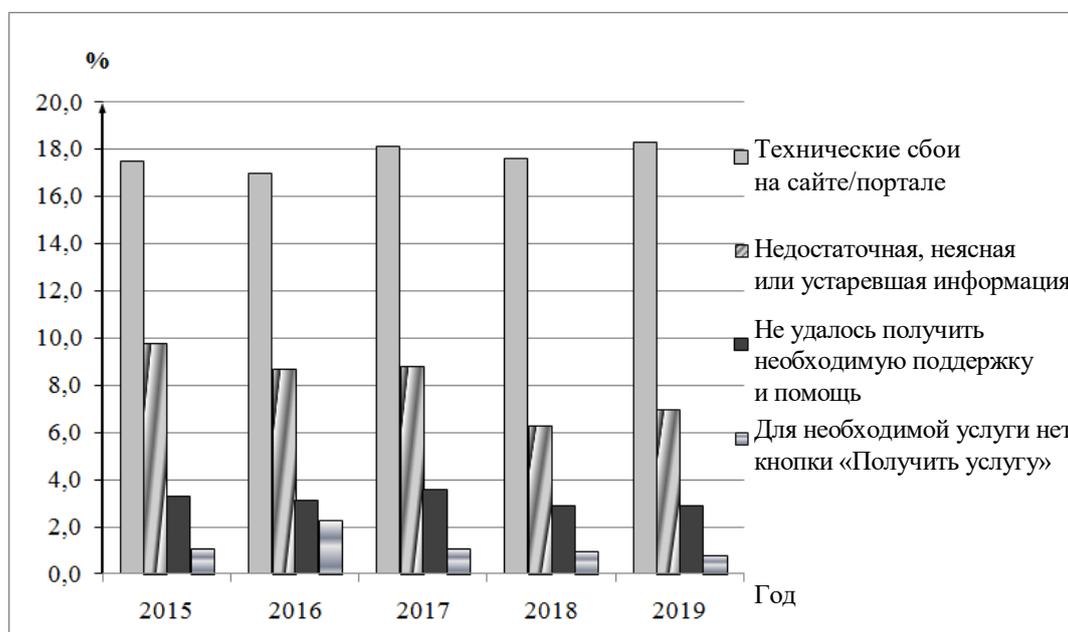

Рис. 1. Основные проблемы при получении населением госуслуг через интернет (в процентах от общей численности населения, получающего госуслуги) [3; 4, с. 131]

Как следует из рис. 1, более половины всех проблем, с которыми сталкиваются интернет-пользователи при получении госуслуг, – это технические сбои, что говорит о необходимости повышения уровня технической поддержки пользователей, аппаратного и программного обеспечения в работоспособном состоянии. В связи с расширением спектра госуслуг, предоставляемых через интернет, доля граждан, столкнувшихся с последней проблемой (см. рис. 1), снижается.

Личную электронную подпись в 2015 г. имели 3,8 % от общей численности населения РФ; в 2016 г. – 4,3 %; в 2017 г. – 4,7 %; в 2018 г. – 5,1 %; в 2019 г. – 3,8 % [3, с. 112; 4, с. 133].

На Едином портале госуслуг в 2015 г. было зарегистрировано 14,1 % от общей численности населения; в 2016 г. – 22,0 %; в 2017 г. – 39,6 %; в 2018 г. – 54,9 %, а в 2019 г. уже 59,4 % [3, с. 113; 4, с. 134]. Рост числа граждан, зарегистрированных на портале, наблюдается во всех возрастных группах как среди женщин, так и среди мужчин [3, с. 114; 4, с. 135]. На рис. 2 представлены наиболее популярные категории госуслуг, получаемых населением с использованием сети Интернет, в городской и сельской местности.

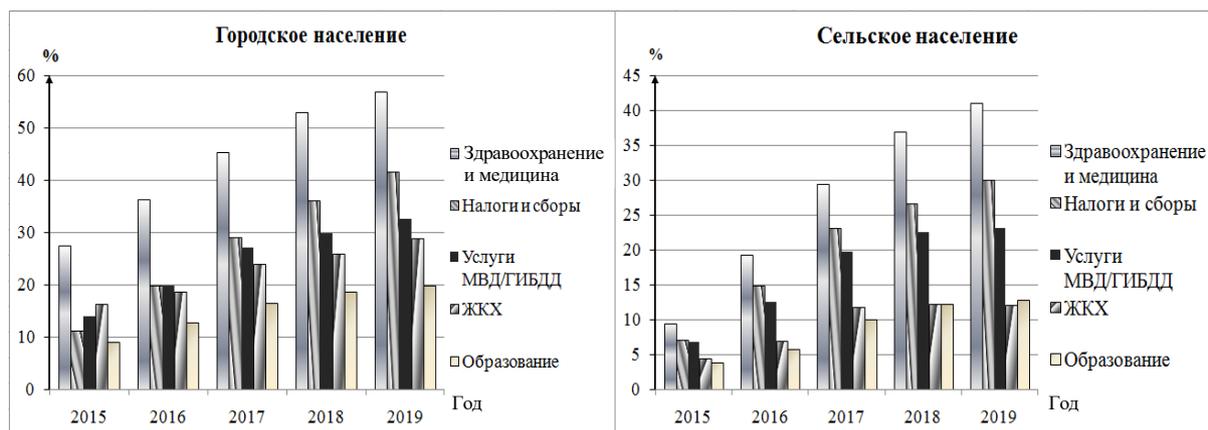

Рис. 2. Наиболее популярные госуслуги среди городского и сельского населения России за 2015–2019 гг., получаемые в электронном виде (в процентах от общей численности населения, получающего госуслуги)

Все тенденции, приведенные на рис. 2, также являются положительными.

В 2019 г. процент населения, использующего интернет-технологии для получения госуслуг, в целом по РФ составил 57,5 %. При этом в 26 субъектах РФ этот показатель был выше, а в 59 – ниже.

На рис. 3 показана динамика обращений к цифровым технологиям предоставления госуслуг среди мужчин и женщин в 2015–2019 гг.

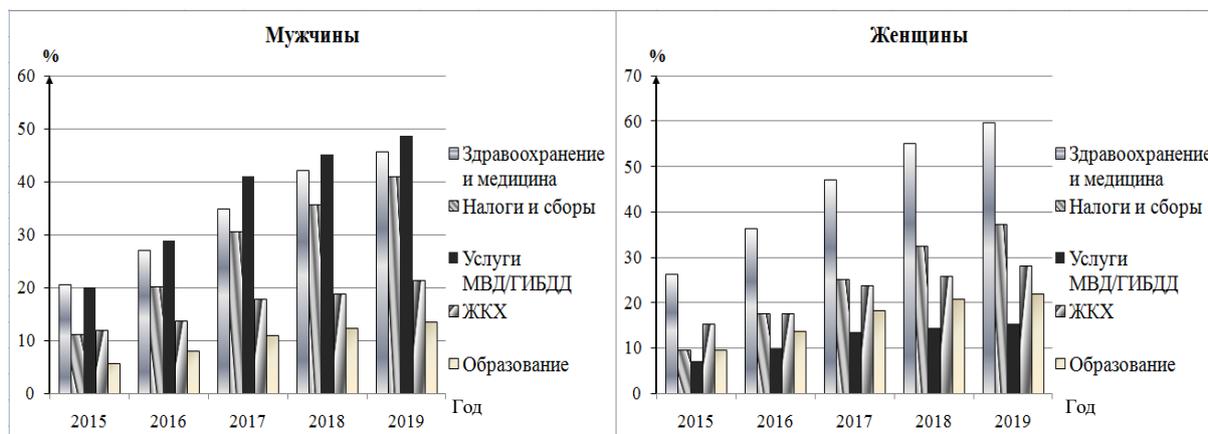

Рис. 3. Динамика популярности госуслуг в цифровом формате среди мужчин и женщин в России (в процентах от общей численности населения, получающего госуслуги)

Как следует из рис. 3, мужчины наиболее часто обращаются за услугами МВД/ГИБДД (в 2019 г. – 48,6 %), на втором месте по популярности для мужского населения России находятся услуги из категории «Здравоохранение и медицина», которая среди женщин занимает лидирующие позиции (в 2019 г. – 59,8 %). На втором месте по популярности среди женщин находятся налоги и сборы, а услуги МВД/ГИБДД – на последнем (в 2019 г. – 15,5 %).

В табл. 2 представлены данные по численности населения (в процентах от общей численности населения, получающего госуслуги), использующего сеть Интернет, по округам РФ.

Динамика численности населения (%), применяющего интернет для получения госуслуг, по округам РФ за 2015–2019 гг.

РФ, округа и Тверская область	Год	2015	2016	2017	2018	2019
	Российская Федерация	39,6	51,3	64,3	74,8	77,6
Центральный федеральный округ	48,0	56,3	71,3	80,0	83,2	
Тверская область	24,0	26,4	40,0	38,7	51,5	
Северо-Западный федеральный округ	39,3	43,7	56,0	67,8	72,7	
Южный федеральный округ	34,6	48,4	64,3	77,8	79,1	
Северо-Кавказский федеральный округ	19,9	45,5	53,0	71,4	63,6	
Приволжский федеральный округ	42,6	55,3	67,2	77,3	81,3	
Уральский федеральный округ	35,3	53,1	58,9	65,6	73,4	
Сибирский федеральный округ	31,5	40,8	61,7	70,2	71,5	
Дальневосточный федеральный округ	29,3	48,0	52,4	65,9	66,5	

Наибольший процент населения, пользующегося цифровыми сервисами для получения госуслуг, наблюдается в Центральном и Приволжском федеральных округах. В Тверской области наблюдается резкое увеличение обращений граждан (на 12,8 %) к перечисленным цифровым сервисам в 2019 г. по сравнению с 2018 г., что объяснимо повышением уровня информационной компетентности граждан и положительными изменениями в законодательстве, упростившими порядок получения госуслуг в электронном виде.

Если сравнивать процент населения, использующего интернет для получения информации с сайтов, скачивания и отправки форм с аналогичным показателем в странах – членах Европейского союза, то в 2017 г. он составил по РФ 33 % [2, с. 155]. Это выше, чем в 5, и ниже, чем в 22 странах ЕС. В 2018 и 2019 гг. в РФ этот показатель был равен 42 % [3] и 46 % [4] соответственно.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют об эффективности применения цифровых технологий оказания госуслуг в целом по России.

Нормативно-правовое закрепление направления цифровизации экономики РФ, в том числе и сферы госуслуг, является еще одним положительным фактором в популяризации электронных форм получения госуслуг среди населения. К основным нормативным документам, принятым на федеральном уровне, можно отнести Постановление Правительства РФ № 313 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» [7], Распоряжение Правительства РФ № 2036-р от 1 ноября 2013 г. «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» [8], Указ Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [9], Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10]. В этих и других документах определено, что цифровые технологии – это эффективный инструмент ускорения темпов экономического развития страны и улучшения качества жизни граждан.

За последние годы наблюдаются значительные положительные эффекты от применения цифровых технологий в области госуслуг: повышение эффективности работы госучреждений, повышение качества оказания госуслуг и своевременности их предоставления, обеспечение стандартизации госуслуг, повышение эффективности управленческих решений, доступности государственной помощи гражданам. Внедрение цифровых технологий в МФЦ позволяет осуществлять контроль важнейших показателей работы госучреждений, в том числе количества обращений в госучреждение в целом и по видам; длительности оказания госуслуги от момента обращения гражданина до получения им результата; доступности электронной записи на получение госуслуги; времени ожидания в электронной очереди; количества жалоб граждан.

Цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг в повседневной жизни обеспечивает существенное повышение качества жизни каждого гражданина:

существенно сокращает временные затраты граждан на посещение госучреждений, ожидание в очередях;

снижает психологические затраты граждан, появляющиеся из-за необходимости общения (и не всегда приятного) с госслужащими, от которых зависит получение госуслуги, и другими гражданами, ожидающими своей очереди, при традиционной системе получения госуслуг;

снижает интенсивность бумажного документооборота.

Особенно актуальной цифровизация госуслуг стала в период пандемии COVID-19, когда граждане вынуждены находиться на самоизоляции. Тем не менее существует необходимость снижения дублирования расходов на развитие электронных государственных услуг и порталов. Также к факторам, оказывающим негативное влияние на развитие цифровых технологий, относятся цифровое неравенство общества и российских регионов, недостаточно высокий уровень информационной безопасности, на что указывает рост киберпреступности [12].

И все же на цифровые технологии (несмотря на очевидные риски) в современном обществе возлагаются большие надежды. В цифровых технологиях заключен значительный потенциал для обеспечения комфортных условий жизни и деятельности человека, достижения высокого качества жизни общества в целом.

Библиографический список

1. Александрова Е.Б. Риски потребителей при осуществлении государственных и общественных услуг с применением цифровых технологий // Национальная концепция качества: государственная и общественная защита прав потребителей: сборник тезисов докладов Международной научно-практической конференции / под ред. Е.А. Горбашко. СПб.: КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС, 2019. С. 121–125.
2. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник / М.А. Сабельникова, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова [и др.]; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 197 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2018.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
3. Информационное общество в Российской Федерации. 2019: статистический сборник / М.А. Сабельникова, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова [и др.]; Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т

- «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 236 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-ob2019_405737.pdf (дата обращения: 23.01.2021).
4. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 269 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
  5. Косарин С.П., Милькина И.В. Оценка отношения граждан России к процессам цифровизации государственных услуг // E-Management. 2019. Т. 2. № 4. С. 51–63.
  6. Мирошниченко М.А. Развитие системы предоставления электронных государственных и муниципальных услуг с применением мультирегиональности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 1665–1675.
  7. Постановление Правительства РФ № 313 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»» (ред. от 16.12.2020) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 25.01.2021).
  8. Распоряжение Правительства РФ № 2036-р от 1 ноября 2013 г. «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» (ред. от 18.10.2018) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154161/ (дата обращения: 25.01.2021).
  9. Студеникин Н.В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия Тульского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 32–36.
  10. Указ Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 25.01.2021).
  11. Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 25.01.2021).
  12. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленникова О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 5 (113). С. 6–17.

DIGITAL TECHNOLOGIES OF PUBLIC SERVICE PROVISION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

N.Yu. Mutovkina, A.N. Borodulin

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the main digital technologies for the provision of public services, studies the trends of their application, analyzes the factors of influence on the development of digital technologies in the field of public services. The analysis of the use of digital technologies in the system of providing public services as a whole in the Russian Federation, as well as in federal districts, is carried out. It has been established that the transfer of public services to digital format can significantly improve the quality of services provided, ensure citizens their availability and timely receipt.

Keywords: *digital technologies, public services, the portal “Gosuslugi”, statistical analysis, quality of life.*

Об авторах:

Мутовкина Наталия Юрьевна – кандидат технических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3991-7600, e-mail: letter-boxNM@yandex.ru

Бородулин Алексей Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 7042-5860, e-mail: bor74@mail.ru

Authors information:

Mutovkina Nataliya Yur'evna – PhD (Technology), Associate Professor of the Department of Accounting and Finance, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3991-7600, e-mail: letter-boxNM@yandex.ru

Borodulin Aleksey Nikolaevich – PhD (Technology), Associate Professor of the Department of Accounting and Finance, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 7042-5860, e-mail: bor74@mail.ru

УДК 622.7:[622.013.014:004.9]

ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РФ

Т.Б. Яконовская, А.И. Жигульская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-92-100

Цифровизация в горнодобывающей промышленности относится к использованию компьютеризированных и цифровых устройств, систем и оцифрованных данных, которые должны снизить затраты, повысить производительность бизнеса и трансформировать практику добычи полезных ископаемых. В данной статье были выявлены цифровые технологии, актуальные для горнодобывающей промышленности, и рассмотрены направления их внедрения на горных предприятиях с различными темпами добычи. В настоящее время в горнодобывающем секторе используется 107 видов различных цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, горная промышленность, экономика, управление.

Современной тенденцией в мировой горнодобывающей промышленности является активное использование цифровых технологий в добыче и переработке природных ресурсов. Сегодня горнодобывающий сектор сталкивается с внедрением цифровых инноваций. В средствах массовой информации, интернете и на конференциях появились различные термины, описывающие эти технологические достижения [1–3]. В этой связи авторы считают уместным использовать термины «четвертая промышленная революция», «цифровая революция», «цифровизация», «цифровая трансформация», «*intelligent mining*», «*smart mining*» или «*mining 4.0*». К сожалению, эти термины используются непоследовательно, хотя в первоначальных определениях есть заметные различия. Например, под «цифровизацией» первоначально понимается непрерывная эволюция и изменение конкретных процессов и процедур, основанных на цифровых технологиях. «Цифровая трансформация» описывает общий процесс изменения компании или бизнес-модели в связи с внедрением цифровых технологий, тогда как «*intelligent mining*», «*smart mining*» и «*mining 4.0*» ограничиваются цифровой трансформацией горнодобывающей промышленности. Несмотря на незначительные различия в определениях, цифровизация основана на применении цифровых технологий. Таким образом, в данной статье цифровизация в горнодобывающей промышленности относится к использованию компьютеризированных или цифровых устройств, методов и систем, а также оцифрованных данных, которые позволяют снизить затраты, повысить производительность и эффективность бизнеса, а также трансформировать технологии добычи полезных ископаемых. На сегодняшний день определена общая направленность и структура инновационных процессов и цифровых технологий для горнодобывающей промышленности [4; 5]. Также обсуждаются

специализированные цифровые технологии, которые особенно актуальны для переработки и обогащения полезных ископаемых [6–8] в различных секторах горной промышленности. Однако оценка текущих тенденций цифровизации (т. е. общего направления, в котором горнодобывающий сектор внедряет цифровые технологии) и внедрения цифровых технологий в горнодобывающей отрасли не существует.

На предприятиях горнодобывающего сектора РФ в сфере проектирования и управления различными горными бизнес-процессами используется около 100 разнообразных программных продуктов (рис. 1).

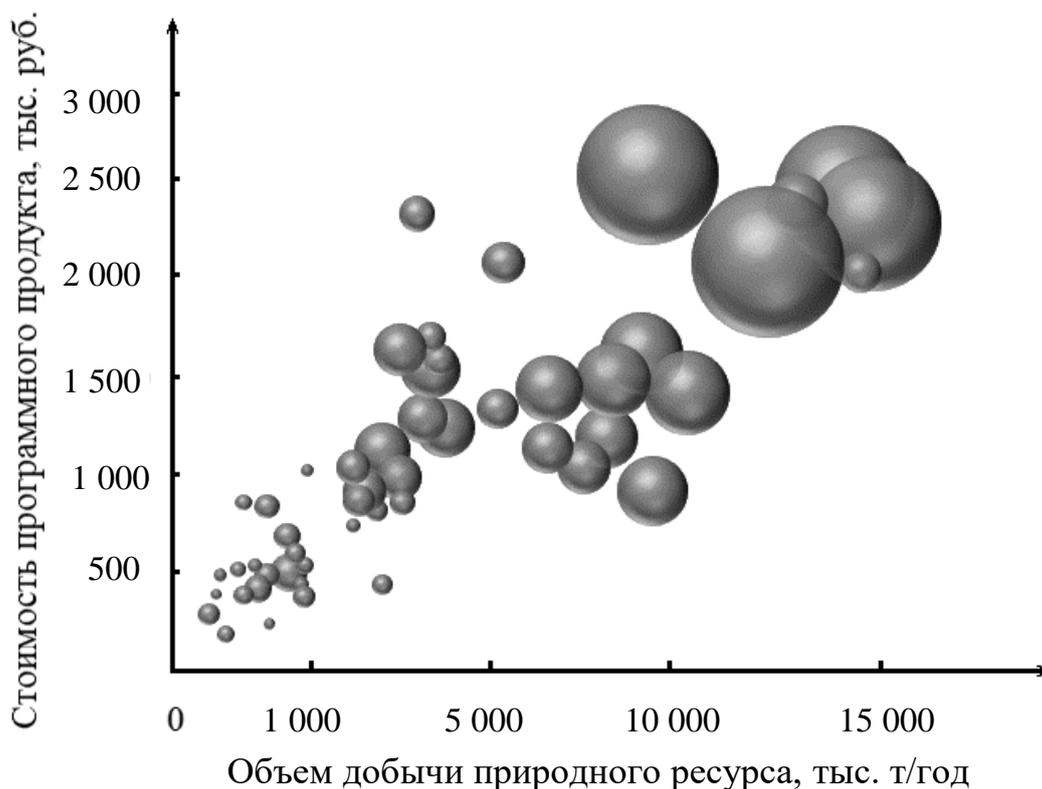

Рис. 1. Тенденции цифровизации горнодобывающих предприятий

На рис. 1 размер пузырьков показывает степень цифровизации горных процессов на добывающих предприятиях. Однако, как показывает рис. 1, степень использования информационных технологий значительно увеличивается с ростом мощности горнодобывающего производства, его диверсификации и инновационности используемых технологий в горных бизнес-процессах, т. е. чем крупнее и масштабнее добыча, тем выше уровень цифровизации горного производства. Анализ фактического внедрения цифровых технологий в выборке из 158 различных действующих горных предприятий России показывает ограниченное их освоение в целом. Крупномасштабные и стратегически важные для национальной экономики горнодобывающие предприятия, как правило, выбирают и применяют цифровые технологии, соответствующие их потребностям. Мелкомасштабные горные производства с низкими темпами добычи, разрабатывающие общераспространенные полезные ископаемые, не реализуют имеющиеся в настоящее

время цифровые технологии. Этим мелким горнодобывающим производителям могут потребоваться другие решения для цифровой трансформации, адаптированные к их возможностям и потребностям и применимые к масштабу их деятельности. Как правило, предприятия, добывающие стратегически важные ресурсы, обладают более сложной технико-экономической структурой горных бизнес-процессов, требующих особого контроля технологической безопасности. Они используют различные информационные технологии в управлении и проектировании горного производства. В качестве еще одной отличительной черты в распространении информационных технологий управления в горном секторе следует отметить, что в малообъемных горных производствах (как правило, по добыче не стратегически важных минерально-сырьевых ресурсов) уровень цифровизации низкий, а в некоторых отраслях вообще отсутствует.

Яркий пример тому стагнирующая торфяная отрасль горнодобывающего сектора РФ. Следует также отметить, что информационные программные продукты для горного сектора весьма различаются по стоимости, функциональному содержанию и надежности. Чаще всего в России крупные горные компании предпочитают использовать универсальные, экспертные и интеллектуальные горные геоинформационные системы (ГИС Micromine, Surpak, K-MINE и др.), как правило, зарубежного производителя, довольно дорогие, требующие времени и затрат на адаптацию под требования конкретного горного производства. Хотя на российском рынке присутствуют и отечественные разработки в относительно недорогом сегменте (до 800 тыс. руб.), их недостатком является узкоспециализированная направленность на проектирование и управление каким-либо одним горным бизнес-процессом.

В настоящее время на горных предприятиях РФ в зависимости от масштабов добычи и объема ежегодной выручки распространены следующие виды цифровых технологий (в порядке увеличения доли их использования) (рис. 2):

- 1) автоматическое управление технологическими машинами и оборудованием;
- 2) квантовые вычисления (в частности, в сфере информационной безопасности горных предприятий);
- 3) автоматизированный процесс контроля горных бизнес-процессов;
- 4) цифровые бизнес-модели горного производства;
- 5) облачные решения;
- 6) интеллектуальная аналитика;
- 7) аналитическая визуализация данных;
- 8) планирование горных работ в реальном времени;
- 9) централизованное дистанционное управление горным производством (перевозка горной массы);
- 10) управление данными в реальном времени (в геологоразведке);
- 11) облачные и периферийные вычисления;
- 12) виртуальные тренажеры;
- 13) планирование финансовых, материальных, трудовых ресурсов горного предприятия;

- 14) профилактическое обслуживание технологического оборудования;
- 15) «Интернет вещей»;
- 16) 3D-печать;
- 17) планирование цепочки поставок;
- 18) искусственный интеллект;
- 19) дроны, беспилотники;
- 20) машинное обучение;
- 21) автоматизированные, экспертные горные ГИС.

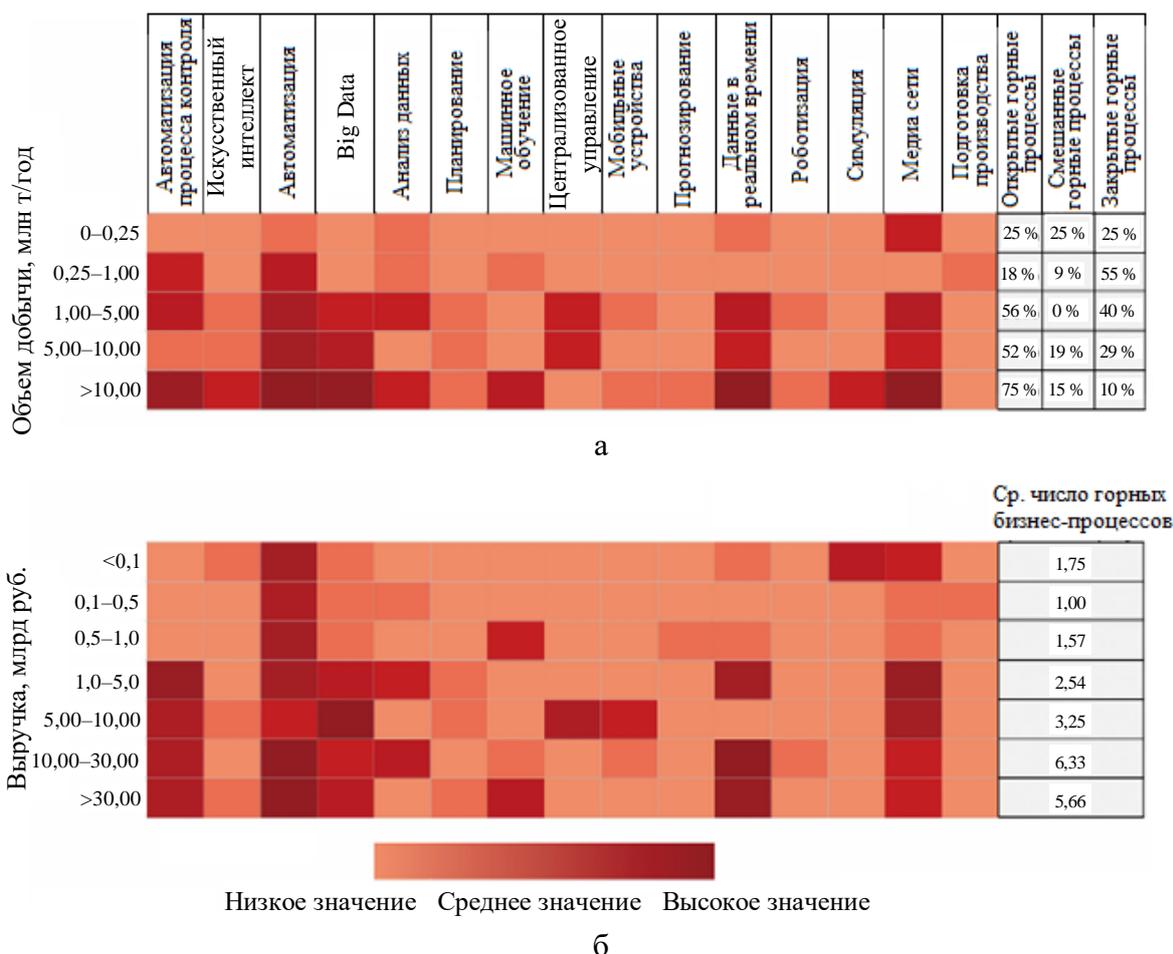

Рис. 2. Внедрение цифровых технологий на действующих горных предприятиях в зависимости от объемов добычи (а) и выручки (б)

Проанализировав тенденции цифровизации, авторы разделили горные предприятия на пять групп в соответствии с их объемами добычи (0–0,25; 0,25–1; 1–5; 5–10 и свыше 10 млн т/год) (см. рис. 2а) и на семь групп в зависимости от их ежегодной выручки (меньше 0,1; 0,1–0,5; 0,5–1; 1–5; 5–10; 10–30 и свыше 30 млрд руб.) (см. рис. 2б). Более насыщенный цвет отражает количество горных бизнес-процессов, связанных с отдельной цифровой технологией.

В целом большее количество цифровых технологий характерно для горных производств с крупномасштабным объемом добычи на отдельных карьерах, шахтах с высокой выручкой. Чаще всего широко внедряются и эксплуатируются различные цифровые технологии на карьерах и шахтах с объемом производства более 10 млн т/год и на горных предприятиях с доходом более 1 млрд руб.

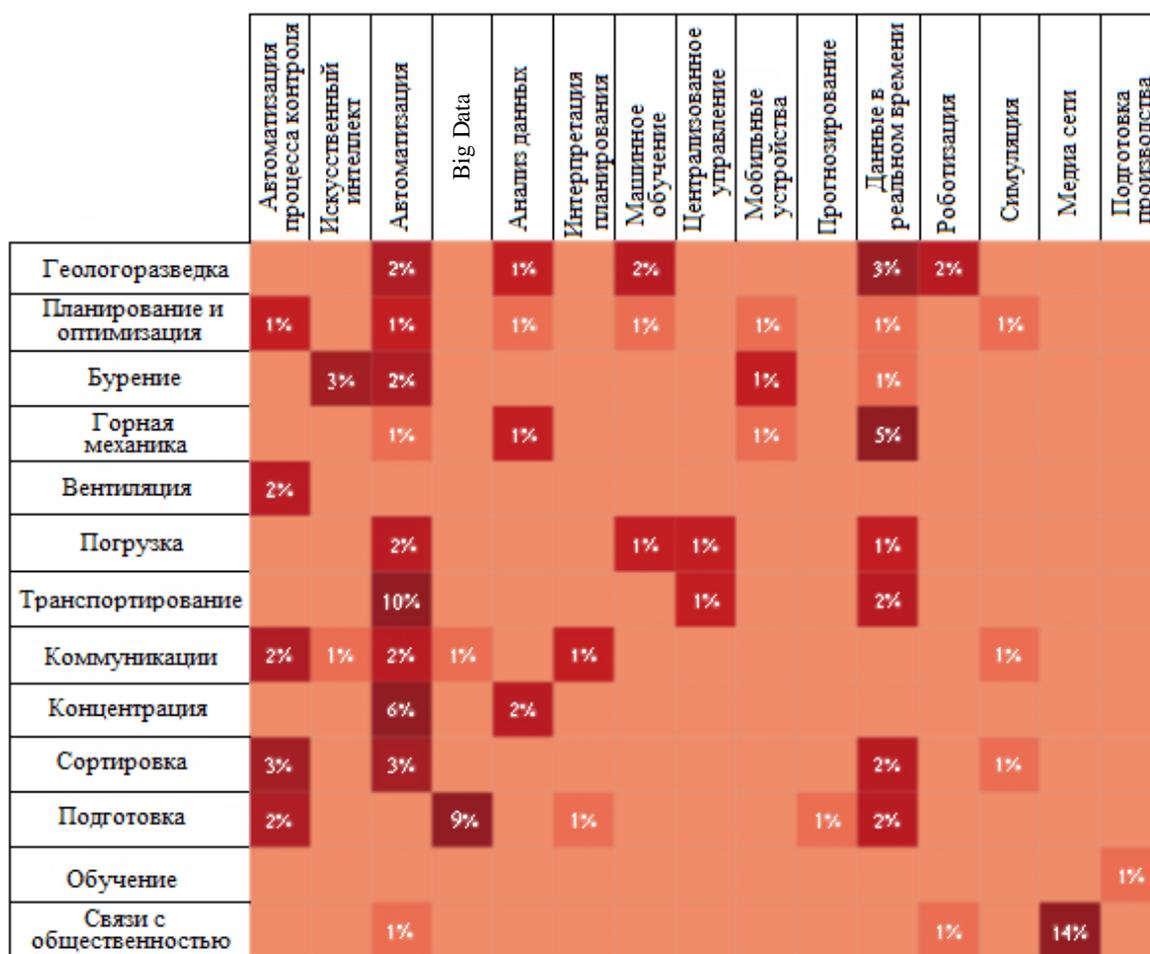
Если принять во внимание количество горных бизнес-процессов на горнодобывающем предприятии, то становится очевидным, что больше цифровых технологий используется в горнодобывающих предприятиях с несколькими горными процессами.

Более 60 % рассматриваемых карьеров – это открытые выработки (наземные горные бизнес-процессы), 13 % – смешанные горные предприятия с открытым и подземным способами добычи и 24 % – подземные шахты и рудники [9–12].

Весьма интересным представляется рассмотрение процесса внедрения цифровых технологий по всей цепочке создания стоимости добытого полезного ископаемого в горнодобывающей промышленности (рис. 3). Анализ рис. 3. позволяет сделать вывод о том, что некоторые цифровые технологии можно отнести ко всему процессу добычи полезного ископаемого, например ГИС. Также часто используются технологии «Машинного обучения» и «Медиа-технологии» для работы с общественностью на стадиях подготовки проекта горного производства. «Автоматизация» проявляется в деятельности по всей цепочке добычи полезных ископаемых. Особенно тесно связаны с цифровыми технологиями горные процессы транспортировки и разведки месторождения.

Здесь «Данные в реальном времени» используются в геологоразведочных работах, тогда как «Централизованное управление» используется исключительно при транспортировке и погрузке. Тем не менее в целом распространение цифровых технологий в горнодобывающей промышленности России довольно низкое. Это можно объяснить тем, что высший менеджмент российских горных компаний не обладает достаточными знаниями и пониманием текущих тенденций цифровизации, а также существующих, доступных информационных технологий [13; 14].

Многие из новых технологий еще предстоит внедрить в горнодобывающую промышленность и на отдельные карьеры и шахты, о чем свидетельствует общее отсутствие внедрения цифровых технологий в горнодобывающем секторе (рис. 3, более высокая насыщенность цвета указывает на более широкое внедрение цифровых технологий). Мелкие горные производства практически не реализуют информационные технологии. Степень инноваций и уровень инвестиций в мелкомасштабных горных компаниях, конечно, меньше, чем в более крупных, но и расходы на ИТ-оборудование в последние годы резко увеличились, так что цифровые системы по-прежнему недоступны по цене для мелких горнодобывающих производств.

Низкое значение Среднее значение Высокое значение

Рис. 3. Внедрение цифровых технологий в цепочке создания стоимости в горнодобывающей промышленности

Скорость внедрения инноваций, т. е. распространение цифровых технологий, характеризуется пятью атрибутами, которые помогают объяснить, почему на крупных горных предприятиях наблюдается более высокая скорость распространения цифровых технологий:

1. Относительным преимуществом, описывающим, насколько выгодна цифровая технология, независимо от ее преимуществ.
2. Совместимостью, ориентированной на опыт, потребности и ценности последователей, а также на то, как новая технология вписывается в существующую систему. Реализация цифровизации на крупных горных предприятиях усиливается за счет наличия уже существующей инфраструктуры (например, ГИС, датчиков и человеческих ресурсов).
3. Сложностью, описывающей, насколько сложно понять или использовать новую цифровую технологию. В настоящее время большинство профессионалов горнодобывающей отрасли не имеют навыков и знаний, чтобы понимать и использовать новые цифровые технологии. Более того, некоторые технологии,

такие как блокчейн, требуют специально обученного персонала, а небольшие горные производства не имеют ресурсов для найма этих специалистов.

4. Испытаниями, указывающими, в какой степени технология может быть протестирована или опробована. Крупные горнодобывающие компании часто имеют подразделения исследований и разработок (НИОКР) и финансовые ресурсы для тестирования новых технологий и систем. Эти научно-исследовательские мощности часто отсутствуют в корпоративной структуре малых горнодобывающих предприятий.

5. Наблюдаемостью, показывающей, осознают ли внешние заинтересованные стороны, что цифровые технологии успешно применяются и используются горнодобывающими компаниями. Горнодобывающая компания, которая использует новые технологии и адаптируется к ним, может восприниматься как образец для подражания или как первопроходец. Кроме того, наблюдаемость результатов новых цифровых технологий также важна для внутренних заинтересованных сторон, таких как правление, и других лиц, принимающих решения. Это помогает оценить целесообразность и преимущества инвестиций в цифровые технологии, поэтому остаются препятствия на пути внедрения цифровых технологий в горнодобывающую промышленность. Принятие, по-видимому, зависит от таких факторов, как производственные масштабы горнодобывающих предприятий, существующая инфраструктура, наличие обученного персонала, возможности НИОКР и готовность компании лидировать в распространении технологий.

Автоматизация, робототехника, «Интернет вещей», большие данные, данные в реальном времени, машинное обучение, искусственный интеллект и 3D-печать являются ключевыми технологиями для горнодобывающей промышленности. Однако в целом отсутствует распространение технологий, а распространение цифровых технологий во многом зависит от темпов производства. Результаты статьи показали очевидный дефицит в распространении цифровых технологий среди более мелких горных предприятий. При меньшем количестве оборудования и меньшем производстве абсолютная экономия от внедрения цифровизации ниже, поэтому рентабельность цифровых технологий оценивается критически. Этим мелким горным производствам могут потребоваться другие решения цифровой трансформации, адаптированные к их возможностям и потребностям и применимые к их масштабам деятельности.

Библиографический список

1. Яконовская Т.Б., Жигульская А.И., Жигульский М.А. Анализ инвестиционно-инновационной активности в торфяной отрасли // Современное состояние экономических систем: экономика и управление: сборник научных трудов Международной научной конференции / под общ. ред. Д.В. Розова, Г.Г. Скворцовой. Тверь: СКФ-офис, 2018. С. 148–153.
2. Информационно-диагностические средства объективного контроля как инструмент повышения эффективности эксплуатации добычных горных машин / С.А. Асонов [и др.] // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Геология. Нефтегазовое и горное дело. 2015. Т. 14. № 14. С. 62–71.

3. Проектирование информационного обеспечения задач управления безопасностью технологических процессов / В. Богатилов [и др.] // Информационные ресурсы России. 2004. № 3 (79). С. 5–8.
4. Информационные модели на основе CASE-средств промышленных объектов для информационной поддержки принятия решений / А.В. Вицентий [и др.] // Программные продукты и системы. 2003. № 4. С. 9.
5. Зюзин Б.Ф., Жигульская А.И., Яконовская Т.Б. Горнопромышленный комплекс Тверского региона Российской Федерации: анализ развития // Геология и минерально-сырьевые ресурсы запада Восточно-Европейской платформы: проблемы изучения и рационального использования: материалы Международной научной конференции / под ред. А.К. Карабанова. Минск: Государственное научное учреждение «Институт природопользования Национальной академии наук Беларуси», 2017. С. 148–151.
6. Котов С.Л., Палюх Б.В., Федченко С.Л. Разработка, стандартизация и сертификация программных средств и информационных технологий и систем: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Прикладная информатика (по обл.)» и другим экономическим специальностям. Тверь: ТГТУ, 2006. 104 с.
7. Лагунова Ю.А., Ибраева Н.Р. Перспективное применение нейронных сетей при формировании баз данных технического состояния рабочего процесса конусной дробилки // Технологическое оборудование для горной и нефтегазовой промышленности: сборник трудов XVIII Международной научно-технической конференции «Чтения памяти В.Р. Кубачека». Екатеринбург: УГГУ, 2020. С. 154–158.
8. Палюх Б.В., Цветков Р.Е. Информационная система имитационного моделирования торфяных пожаров // Программные продукты и системы. 2007. № 3. С. 48.
9. Романова Л.В., Яконовская Т.Б. Проектирование системы менеджмента персонала горной компании как проектирование успеха бизнеса. М., 2014. 3 с.: ил. Деп. в «Горная книга» 17.02.2014, № 1011/06-14.
10. Рыльников А.Г., Пыталев И.А. Цифровая трансформация горнодобывающей отрасли: технические решения и технологические вызовы // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2020. Вып. 1. С. 470–481.
11. Трифанов Г.Д., Князев А.А. Опыт использования цифровых технологий для повышения эффективности и безопасности работы шахтных подъемных установок // Актуальные проблемы повышения эффективности и безопасности эксплуатации горно-шахтного и нефтепромыслового оборудования. 2018. Т. 1. С. 4–11.
12. Трифанов Г.Д., Князев А.А., Трифанов М.Г. Обеспечение безопасности эксплуатации шахтных подъемных установок применением цифровых технологий // Актуальные проблемы охраны труда и безопасности производства, добычи и использования калийно-магниевых солей: материалы I Межд. научно-практической конференции / под ред. Г.З. Файнбурга. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2018. С. 97–108.
13. Яконовская Т.Б., Жигульская А.И. Проблемы информатизации технологических процессов предприятий по добыче торфа // Актуальные направления научных исследований: технологии, качество и безопасность: сборник материалов Национальной (Всероссийской) конференции / под общ. ред. А.Ю. Просекова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. С. 112–115.

14. Яконовская Т.Б. Проблемы информатизации анализа геологических данных предприятий по добыче торфа // Интеллектуально-информационные технологии и интеллектуальный бизнес (ИНФОС-2020): материалы 11-й заочной Международной научно-технической конференции / отв. ред. В.А. Горбунов. Вологда: Вологодский государственный университет, 2020. С. 89–94.

DIGITALIZATION TRENDS IN THE MINING SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

T.B. Yakonovskaya, A.I. Zhigulskaya

Tver State Technical University, Tver

Digitization in the mining industry refers to the use of computerized or digital devices or systems and digitized data that should lower costs, increase business productivity and transform mining practices. This article identified digital technologies that are relevant for the mining industry and considered the directions of their implementation in mining enterprises with different production rates. Currently, 107 different types of digital technologies are used in the mining sector.

Keywords: digitalization, mining, economics, management.

Об авторах:

Яконовская Татьяна Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 7769-2901, e-mail: tby81@yandex.ru

Жигульская Александра Ивановна – кандидат технических наук, доцент кафедры технологических машин и оборудования ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 8477-4984, e-mail: 9051963@mail.com

Authors information:

Yakonovskaya Tatyana Borisovna – PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Production Management, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 7769-2901, e-mail: tby81@yandex.ru

Zhigulskaya Alexandra Ivanovna – PhD (Technology), Associate Professor of the Department of Technological Machines and Equipment, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 8477-4984, e-mail: 9051963@mail.com

УДК: 331.101.3

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ. СТАНОВЛЕНИЕ ОТРАСЛИ

В.В. Сизова, А.Е. Шабанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Сизова В.В., Шабанова А.Е., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-101-106

В статье прослеживается история развития стратегического управления персоналом, дается его определение. Рассматривается положение дел в прошлом, в том числе периоды концептуальных моделей, эмпирических исследований и эмпирических рецензий. Приводятся фазы зарождения системы управления персоналом. Рассматривается создание типологии систем управления персоналом путем сопоставления корпоративных ожиданий роста с организационной готовностью. Упоминается влияние на использование вводимых данных, поведение и результаты как административной информации, так и стратегического контекста.

Ключевые слова: стратегическое управление персоналом, высокопроизводительная рабочая система, система управления персоналом, фазы зарождения, типологии системы.

Введение

Поскольку компании ориентированы на конкуренцию с использованием всех имеющихся у них ресурсов, кадры (люди) стали более важным компонентом организационного успеха. Для этого необходимо не только хорошо управлять людьми, но и стратегически действовать путем согласования навыков и поведения сотрудников со стратегическими потребностями бизнеса. Эти усилия в последнее время все чаще рассматриваются как стратегическое управление персоналом.

В работе «Exploring human capital: putting “human” back into strategic human resource management» стратегическое управление персоналом – это «модель запланированного укомплектования персоналом и деятельности, направленная на обеспечение организации возможности достигать поставленные цели» [8, р. 98]. Такое определение разграничивает стратегическое и традиционное управление персоналом, поэтому оно предусматривает адаптацию по вертикали со стратегией организации и включает в себя координацию приемов работы с человеческими ресурсами (HR) по горизонтали через шаблон запланированного действия.

Кроме этого, установлено, что стратегическое управление персоналом нацелено на «...определяющие факторы решений, касающихся методов работы с персоналом, состава фонда человеческих ресурсов (навыков и умений), спецификации необходимого поведения персонала и эффективности данных решений, принимая во внимание различные бизнес-стратегии и/или конкурентные ситуации» [8, р. 98, 99].

В данной работе мы изучаем прошлое исследований в области управления человеческими ресурсами (HRM). С этой целью сначала мы рассмотрим развитие данного вопроса в течение первых 30 лет.

История стратегического управления персоналом: где мы были

Хотя можно поспорить, что корни системы HRM восходят к рассвету цивилизации, большинство связывают его зарождение с появлением первого отдела кадров в 1910 г. В.Е. Kaufman [4] предлагает проследить данный процесс по периодам:

- кадровых проблем (1880–1919 гг.);
- производственных отношений (1920–1950 гг.);
- разделения HR и производственных отношений (1960–1980 гг.);
- современных HR (с 1980-х гг.).

На последнем этапе область HR характеризовалась появлением стратегического управления персоналом, которое определялось тремя изменениями. Во-первых, уровень анализа переместился от воздействия кадровой практики на отдельных лиц к ее воздействию на организации. Во-вторых, вместо концентрации внимания на индивидуальных методах работы с персоналом данный сегмент начал работы в области систем кадровой практики. В-третьих, признавая повышение важности HR как инструмента управления, HRM начали обсуждать в контексте стратегии компании.

Так как HRM становилось все более интегрированным в бизнес, была признана необходимость приведения функции в соответствие с бизнес-стратегией. В 1975 г. было замечено, что расширяющаяся роль кадрового подразделения частично связана с привязкой кадровой деятельности к потребностям бизнеса. В течение нескольких следующих лет HR приводились в соответствие со стратегией бизнеса. А в 1985 г. организационные стратегии HR, связанные с размещением, утилизацией, развитием и тому подобным, стали отличать от функциональных стратегий HR связанными с отделом кадров [9]. Таким образом, можно прийти к выводу, что ранее использовались способы, с помощью которых компании согласовывают свои потребности в кадрах с бизнес-потребностями, а позднее HR стали направлять на помощь организационным стратегиям.

Этап концептуальных моделей

В некоторых научных статьях появляются исследования отношений между персоналом и стратегией. Журнал «Human Resource Management» первоначально предоставил платформу для статей как академической, так и практической направленностей, нацеленных на соответствие стратегий человеческим возможностям. Сначала были изучены организационные структуры сторонников, аналитиков и исследователей с точки зрения систем HRM. Приводились примеры компаний для каждого типа, а также описывались системы HR и в итоге был предложен набор связанных с ними методов работы с персоналом [6].

По мере своего формирования данная область завоевывала все больше доверия в большинстве академических журналов, в частности в «Academy of Management Review». Например, был отмечен тот факт, что по мере роста и развития фирм их системы управления персоналом также развиваются. Для того, чтобы эти системы были максимально эффективны, их необходимо согласовывать с жизненным циклом бизнеса и каждой подсистемой. Была создана типология систем HRM путем сопоставления корпоративных ожиданий роста с

организационной готовностью для определения четырех типов систем: продуктивности, роста, развития и изменения направления [9].

Этап эмпирических исследований

За несколько лет принципиальное и теоретическое развитие превысило эмпирическое. Интенсивные эмпирические исследования стратегического HRM начались в 1990-х гг. Раньше при HRM использовалась поведенческая перспектива в соответствии с аргументами в пользу того, что каждая стратегия требует собственного поведения, поэтому различные методы работы управления персоналом определяют типы их поведения. Тем не менее эти исследования были вполне нормативными, но без какого-либо поддерживающего описательного экспериментального доказательства. Затем последовательно стали изучаться методы работы управления персоналом как системы управления, ориентированной на исходные данные, поведение и результаты. Выяснилось, что как административная информация, так и стратегический контекст повлияли на использование вводимых данных, поведение и результаты [7].

Системы HRM взаимодействуют с различными компонентами интегрированных производственных технологий. Некоторые методы при условии широкого понимания интегрированного производства требуют больше или меньше инвестиций внутри рабочей силы и, как следствие, с большей степенью вероятности применения систем управления человеческими ресурсами как средства построения такого человеческого капитала. Затем изучался вопрос о том, оказало ли одновременное сочетание систем HRM и производственных стратегий фактическое положительное влияние на производительность. По данным, полученным в ходе исследований, а затем и данным о послепродажном обслуживании на тех же производственных предприятиях было обнаружено, что стратегия HRM, направленная на оптимизацию использования человеческого капитала, положительно ассоциировалась с производительностью сотрудников, эффективностью оборудования и координацией заказчиков. Все эти соотношения в большой степени явились результатом сочетания системы HR со стратегией качественного производства [9].

Однако ключевые эмпирические инновационные решения имели место при публикации трех новаторских элементов, все они связывали «систему» кадровой практики с методами обеспечения эффективности работы организации. Установилась связь между методами работы с персоналом и финансовыми показателями корпораций. На основании большой выборки продающихся на бирже компаний была обнаружена значительная связь между кадровой практикой компании и доходностью активов (ROA), а также коэффициентом Тобина (отношением рыночной стоимости компании к восстановительной стоимости активов компании). Эти результаты предполагали огромные финансовые издержки, необходимые для успешной деятельности фирмы, названные высокоэффективными методами работы [2].

Система HR была «привязана» к другим системам в производительной среде. Предприятия, сочетающие командные производственные системы с «высокоэффективными» кадровыми системами и низкими запасами и ремонтными буферами, неизменно демонстрируют более высокие качество и

производительность, чем те, которые используют системы массового производства [5]. Затем было выявлено различие между универсальным (наилучшей практикой), непредвиденным и конфигурационным подходами к системам HRM. В соответствии с выборкой банков выяснилось, что универсальный подход объясняет большинство величин изменчивости в финансовых показателях деятельности, но выяснилось также и то, что непредвиденный и конфигурационный подходы тоже могут объяснить различия [1]. Таким образом, эти три исследования предполагали, что система HRM представляла собой «горизонтальное выравнивание» и в некоторой степени проверяла, была ли эта система «вертикально выровнена» (со стратегией) с различными уровнями поддержки. Также эти исследования, появившиеся примерно в одно и то же время, послужили основой для экспоненциального роста в исследованиях, изучающих взаимосвязь между практикой HRM и производительностью фирмы.

Более современные подходы к системам HRM, отличающиеся от подсистем повышения квалификации, повышения мотивации и расширения возможностей, оказали влияние на различные переменные: человеческий капитал, мотивацию работников, количество сотрудников, уволенных по собственному желанию, а также показатели эффективности. Кроме того, эти четыре переменные устанавливают отношение между подсистемами и финансовыми результатами [3].

Этап эмпирической критики

По мере роста объема документов, посвященных взаимосвязи между практикой в области человеческих отношений и эффективностью работы, возникли некоторые методические вопросы по нескольким моментам. Таким образом, эта эпоха, не отрицая важности практик в области человеческих отношений для повышения эффективности работы организации, поставила вопрос о том, к чему методологии, используемые в этих исследованиях, обеспечивают достаточную основу для получения твердых выводов.

Во-первых, одно из первых критических замечаний единой модели для оценки кадровых практик было результатом исследования данных, анализирующих межкратерную надежность практических мер по HRM. Применение теории обобщаемости к практическим мерам по HRM показало, как можно разделить погрешность из-за времени, элементов и респондентов. Анализ с небольшой выборкой крупных фирм показал чрезвычайно низкий уровень межреспондентной надежности. Некоторые аспекты этих анализов были поставлены под сомнение, в частности то, что результаты выборки крупной компании с низким содержанием надежности не обобщаются в других исследованиях в этой области [2]. Были предоставлены данные еще четырех образцов в различных отраслях промышленности, а также в компаниях гораздо меньших размеров и получены аналогичные результаты [9]. Вывод заключается не в том, что исследования с одним источником не должны использоваться, а в том, что исследователи должны попытаться охватить несколько респондентов, когда это возможно.

Во-вторых, некоторые авторы, основываясь на перекрестных проектах, ссылались на увеличение производительности, с которым будет связано повышение практики работы с персоналом. Например, «основываясь на четырех национальных исследованиях и наблюдениях более чем 2 000 фирм, влияние одного

изменения стандартного отклонения в системе управления персоналом составляет 10–20 % рыночной стоимости компании» [2]. Была рассмотрена взаимосвязь между практическими мерами по HRM и предыдущими и последующими данными о производительности и финансовой эффективности среди выборки компаний, базирующихся в разных странах. Практика работы с персоналом была положительно связана с более поздними финансовыми показателями, но эта взаимосвязь исчезла после того, как они прекращали контролировать прошлые результаты.

Взаимосвязи между практикой HRM и многочисленными показателями производительности были неизменными в прошлых, текущих и будущих показателях, корреляции с будущими показателями были значительно сокращены после контроля над прошлыми показателями производительности [8].

На более широком уровне два косвенных заключения – практика работы с персоналом была положительно связана с эффективностью работы и чем эта взаимосвязь была обусловлена – проникли в литературу управления персоналом, а затем были раскритикованы. Если охарактеризовать это с точки зрения эксперта-свидетеля в суде, можно сказать, что была рассмотрена исследовательская основа условий. По результатам анализа «...преждевременно предполагать, что инициативы по управлению персоналом неизбежно приведут к повышению производительности либо во всех ситуациях, либо даже в тех случаях, когда предполагается уместным, в результате аргументов в случае чрезвычайных обстоятельств ... необходимо на основе уже сделанных выводов смягчить характер заявленных претензий» [9].

Эти критические замечания подводят к обсуждению того, где в данный момент находится область стратегического управления персоналом.

Библиографический список

1. Delery J.E., Doty D.H. Modes of Theorizing in Strategic Human Resource Management: Tests of Universalistic, Contingency, and Configurational Performance Predictions // *Acad. Manag. J.* 1996. № 39 (4). P. 802–835.
2. Huselid M.A., Becker B.E. Bridging Macro and Micro Domains: Workforce Differentiation and Strategic Human Resource Management // *J. Manag.* 2011. № 37. P. 421–428.
3. How Does Human Resource Management Influence Organizational Outcomes? A Meta-Analytic Investigation of Mediating Mechanisms / K. Jiang, D.P. Lepak, J. Hu, J.C. Baer // *Acad. Manag. J.* 2012. № 55 (6). P. 1264–1294.
4. Kaufman B.E. The Historical Development of American HRM Broadly Viewed // *Hum. Resour. Manag. Rev.* 2014. № 24 (3). P. 196–218.
5. MacDuffie J.P. Human Resource Bundles and Manufacturing Performance: Organizational Logic and Flexible Production Systems in the World Auto Industry // *Ind. Labor Relat. Rev.* 1995. № 48 (2). P. 197–221.
6. Miles R.E., Snow C.C. Designing Strategic Human Resources Systems // *Organ. Dyn.* 1984. № 13. P. 36–52.
7. Snell S.A. Control Theory in Strategic Human Resource Management: The Mediating Effect of Administrative Information // *Acad. Manag. J.* 1992. № 35 (2). P. 292–327.

8. Wright P.M., McMahan G.C. Exploring Human Capital: Putting “Human” Back into Strategic Human Resource Management // Hum. Resour. Manag. F. 2011. № 21 (2). P. 93–104.
9. Wright P.M., Ulrich M.D. A Road Well Traveled: The Past, Present, and Future Journey of Strategic Human Resource Management 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/315506836_A_Road_Well_Traveled_The_Past_Present_and_Future_Journey_of_Strategic_Human_Resource_Management (дата обращения: 25.12.2020).

STRATEGIC HUMAN RESOURCES MANAGEMENT. FORMATION OF THE INDUSTRY

V.V. Sizova, A.E. Shabanova

Tver State Technical University, Tver

This article provides a history of strategic HRM especially this science formation. The definition of strategic personnel management is given. The article examines the science in the past, the process of this field development, including conceptual model, empirical research and empirical review periods. The phases of the origin of the personnel management system are given. The authors consider the typology of HR system creation by comparing corporate growth expectations with organizational readiness. The impact of both administrative information and strategic context on the input data, behavior, and results is mentioned.

Keywords: *strategic HRM, high-performance work system, HRM system, origin phases, system typology.*

Об авторах:

Сизова Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3455-8242, e-mail: vicas2005@yandex.ru

Шабанова Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

Authors information:

Sizova Victoria Valentinovna – PhD (Psychological Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3455-82-42, e-mail: vicas2005@yandex.ru

Shabanova Anna Evgenyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

УДК 378.1:37.014.25

СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТВЕРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Т.В. Сварчевская, Ф.Н. Абу-Абед

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Сварчевская Т.В., Абу-Абед Ф.Н., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-107-112

Процесс интернационализации университета как его глобальной интеграции в международное образовательное пространство определяет направление развития международной деятельности, ее основные цели и задачи, ориентированные на повышение качества образования и его конкурентоспособности. В статье состояние интернационализации университета рассматривается в контексте его международной активности, выделяются основные аспекты и составляющие интернационализации научно-образовательной среды вуза. Особое внимание уделено системе управления интернационализацией, ее структурным и функциональным компонентам в их взаимосвязи с выполнением миссии ТвГТУ.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, международная деятельность университета, международное научно-образовательное сотрудничество, модель управления процессом интернационализации.

Уровень интернационализации университета, понимание ее роли и значения напрямую соотносятся с состоянием международной деятельности вуза, ее целями и задачами [1, с. 3; 2, с. 13]. Для ТвГТУ международное сотрудничество является одним из приоритетных направлений развития, при этом международная активность рассматривается как важный фактор интернационализации его научно-образовательной среды. Именно такой подход положен в основу университетской целевой программы «Международная деятельность ТвГТУ: нормативное, организационное, методическое обеспечение на 2019–2023 годы» (далее – УЦП), в которой сформулированы приоритетные цели и задачи развития вуза – повышение привлекательности и конкурентоспособности ТвГТУ на международном рынке образовательных услуг и его интеграция в глобальное образовательное пространство. Достижение этих целей предполагает решение целого спектра задач:

- 1) обеспечения качественной подготовки профессиональных кадров для зарубежных стран;
- 2) совершенствования образовательного процесса, научно-инновационной деятельности и культурной жизни университета на основе взаимодействия с зарубежными образовательными, исследовательскими и культурными центрами, фондами, организациями;

3) продвижения научных школ и интеллектуальных брендов ТвГТУ с учетом их востребованности на международном рынке образовательных услуг через каналы заграничных представительств и ведущих СМИ, а также международные образовательные выставки;

4) развития сотрудничества с зарубежными организациями в области культурного и академического обмена;

5) совершенствования адаптационной и воспитательной работы с иностранными студентами;

6) обеспечения эффективной информационной поддержки международной научной и образовательной деятельности университета как одного из ведущих инновационных образовательных и научно-технических центров России.

В условиях глобализации важным фактором повышения качества и конкурентоспособности высшего образования признается переход от модели международной деятельности вуза к модели интернационализации, что предполагает позиционирование вуза в целом как субъекта международной деятельности и, соответственно, рассмотрение деятельности всех его основных подразделений и направлений развития в контексте международной активности [3–5]. При разработке инструментов реализации стратегий развития международной деятельности ТвГТУ исходит из более чем сорокалетнего опыта международного сотрудничества в образовательной, научной и культурной сферах, составляющие которого можно рассматривать как аспекты интернационализации ТвГТУ:

опыт академической мобильности студентов и преподавателей ТвГТУ;

международное сотрудничество и партнерские связи в научной сфере с международными исследовательскими и образовательными организациями, продвижение интеллектуальных брендов;

интернационализированные учебные планы, возможность их согласования с учебными планами зарубежных вузов-партнеров;

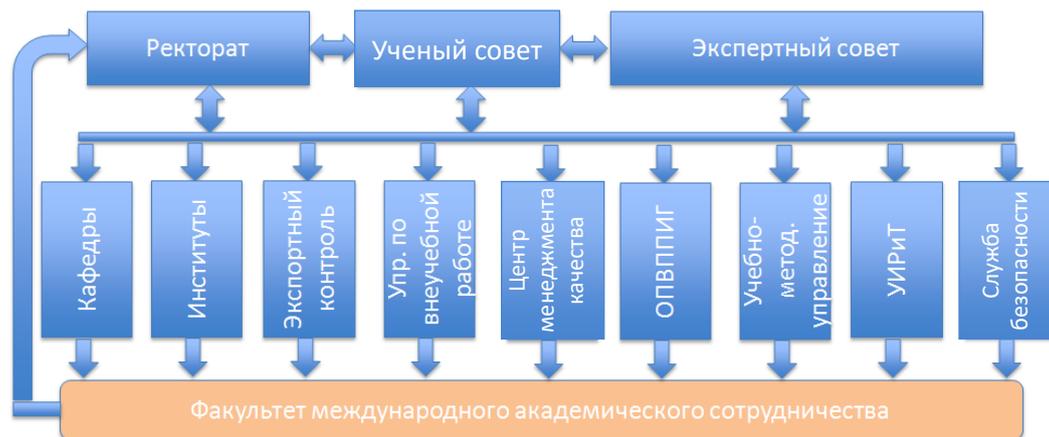
опыт подготовки высококвалифицированных специалистов для зарубежных стран, сопровождение обучения иностранных студентов;

менеджмент качества образовательных программ;

социокультурную адаптацию иностранных студентов и обеспечение их безопасности.

С учетом этого опыта разработана целевая программа, ориентированная на расширение международного научно-образовательного сотрудничества в целях обеспечения конкурентоспособности образовательных программ университета. Программа включает в себя шесть подпрограмм, которые определяют направления развития интернационализации вуза [6, с. 3–8]. Основным механизмом реализации программы является последовательное выполнение поставленных задач в области академической мобильности, научного сотрудничества, привлечения и обучения иностранных студентов, сопровождения иностранных студентов в течение всего периода обучения, в частности предвузовской подготовки к освоению основных образовательных программ на русском языке, совершенствования механизмов социокультурной адаптации иностранных студентов и их интеграции в поликультурное межнациональное сообщество вуза.

Реализация этих задач зависит от эффективности управленческих решений, направленных на повышение международной активности всех основных структурных подразделений университета. Управление международной деятельностью ТвГТУ осуществляется по децентрализованной модели, поскольку принятие решений инициатив и реализация задач распределяются между структурными подразделениями и службами, вовлеченными в международную деятельность университета и прямо или косвенно влияющими на реализацию мероприятий программы (рисунок). Непосредственное управление реализацией программы осуществляет ректор ТвГТУ.

Структура управления международной деятельностью ТвГТУ

Функцию координации международной деятельности ТвГТУ осуществляет факультет международного академического сотрудничества, который определяет формы и методы управления реализацией программы; формирует предложения по обеспечению эффективного выполнения программы; участвует в разработке необходимых нормативных актов, методических рекомендаций по реализации программы; осуществляет мониторинг реализации программы посредством анализа и оценки эффективности достигнутых показателей.

Модель управления международной деятельностью отражает направленность и функции интернационализации в университете. Интернационализация научно-образовательной среды университета в целях выполнения миссии ТвГТУ является основной задачей подразделений и служб университета, вовлеченных в реализацию программы:

службы проректора по научной и инновационной деятельности, которая отвечает за развитие международного научно-образовательного сотрудничества в целях обеспечения конкурентоспособности образовательных программ и дипломов выпускников ТвГТУ и продвижение этих программ; участие университета в государственных и общественных международных мероприятиях, проектах и экспертизах в целях развития международной академической репутации;

факультета международного академического сотрудничества, который отвечает за отбор и прием иностранных граждан на обучение в ТвГТУ; академическое, психолого-педагогическое, медицинское, правовое сопровождение иностранных студентов в течение всего периода обучения в университете; социокультурную адаптацию иностранных студентов; взаимодействие с иностранными выпускниками;

Центра менеджмента качества и трансфера технологий, который отвечает за создание, внедрение и развитие системы менеджмента качества, непрерывное улучшение качества образования в целях повышения конкурентоспособности организации;

службы проректора по воспитательной и социальной работе, которая отвечает за организацию внеучебной жизни студентов в целях обеспечения адаптации и интеграции иностранных студентов в межнациональную поликультурную среду вуза посредством организации совместного досуга российских и иностранных студентов – культурно-просветительских, спортивных мероприятий, вечеров по принципу «обмен традициями», волонтерской деятельности;

отдела паспортно-визовых поддержек пребывания иностранных граждан, который отвечает за обеспечение паспортно-визового контроля и миграционного учета;

управления информационных ресурсов и технологий, которое отвечает за внедрение электронной информационно-образовательной среды, интегрированной с системой административного управления университетом и федеральными информационными системами в целях повышения качества и эффективности деятельности подразделений и служб университета.

Включение международной деятельности в функционал основных структурных подразделений способствует повышению международной активности вуза в целом за счет вовлечения новых участников – преподавателей, студентов и сотрудников в процесс интернационализации на уровне институтов, факультетов и кафедр с учетом направленности их профессиональных интересов, а также за счет активизации внутреннего взаимодействия по поиску и внедрению эффективных форм и методов интернационализации высшего образования, способствующих повышению его качества и конкурентоспособности. Такой подход к управлению международной деятельностью можно рассматривать как стратегию развития интернационализации в вузе, результатом которой является усиление международной академической репутации и достижение высоких позиций в международных рейтингах.

В модели интернационализации ТвГТУ явно выражен акцент на развитии международного сотрудничества в научно-образовательной сфере, целью которого признается обеспечение качества образовательной и научной деятельности университета на уровне современных мировых требований, что достигается за счет гармонизации учебных планов ТвГТУ с учебными планами университетов-партнеров по соответствующим образовательным программам; участия в международной научно-исследовательской деятельности; трансфера технологий по результатам встреч с зарубежными партнерами; повышения мобильности сотрудников и студентов и их вовлеченности в международный образовательный процесс; развития международных связей в ходе подготовки и переподготовки специалистов.

Помимо этого, аспектом интернационализации ТвГТУ является межкультурная коммуникация и интеграция иностранцев, обучающихся в университете, в многонациональное поликультурное студенческое сообщество через участие в воспитательных культурно-массовых и спортивных мероприятиях, активное

вовлечение в жизнь университета, региона, страны в целях формирования партнерских и дружественных отношений со странами исхода.

Отметим еще одно важное преимущество ТвГТУ – высокую адаптивность модели управления международной деятельностью к новым условиям, что особенно актуально в нынешней ситуации, которая характеризуется общим снижением академической мобильности и международного обмена. Несмотря на существенные ограничения, вызванные пандемией, в 2020 г. университету удалось укрепить свои позиции и даже расширить свое представительство в авторитетных международных рейтингах. Так, в 2020 г. ТвГТУ впервые вошел в международный рейтинг SCImago Institutions Rankings и стал лучшим среди вузов Тверской области. ТвГТУ расширил свое представительство в RUR Subject Rankings, впервые заняв высокие позиции в четырех предметных областях из шести: 33-е место – в области социальных наук в России (613-е в мире), 33-е место – по гуманитарным предметам (в России), 31-е место – в области технических наук (в России) и 45-е место – в области естественных наук (в России). В 2020 г. ТвГТУ впервые вошел в авторитетный рейтинг University Impact Rankings 2020 и занял общую (601+) позицию в мире (из 766 университетов, включенных в рейтинг) и 44-е место среди 47 российских вузов, представленных в рейтинге.

Благодаря успешному выступлению, в том числе и иностранных студентов нашего вуза, на IX Международном интеллектуальном конкурсе студентов, аспирантов, докторантов Discovery Science – University 2020, представители ТвГТУ вошли в топ-10 рейтинга результативности участников и рейтинга руководителей конкурсных проектов, а сам вуз стал восьмым в рейтинге университетов конкурса. В рейтинге лучших университетов Восточной Европы и Центральной Азии – 2021 QS World University Rankings – в российском сегменте ТвГТУ, единственный от Тверского региона, занял 82-е место среди 121 вуза. Среди основных критериев, по которым оценивалась деятельность вузов, – международные научные связи, доля иностранных сотрудников и доля иностранных студентов. В 2020 г. ТвГТУ занял 51-е место в России в рейтинге Russian Universities Ranking 2020 и вошел в бронзовую лигу рейтинга и 34-е место (серебряная лига) в рейтинге по параметру «Международная деятельность», что наглядно демонстрирует результативность международного сотрудничества и уровень интернационализации университета.

Библиографический список

1. Wit H. de, Hunter F. The Future of Internationalization of Higher Education in Europe. International Higher Education. 2015. Vol. 83. P. 2–3. URL: https://www.researchgate.net/publication/313414674_The_Future_of_Internationalization_of_Higher_Education_in_Europe (дата обращения: 25.01.2021).
2. Вит Ханс де. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования (пер. с англ.) // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8–34.
3. Константинова Л.В. Интернационализация высшего образования в контексте повышения конкурентоспособности образовательных услуг на зарубежном рынке // Вестник СГСЭУ. 2015. № 5 (59). С. 227–229.
4. Береговая О.А., Кудашов В.И. Интернационализация высшего образования в условиях глобализации // ПНиО. 2019. № 3 (39). С. 31–43.

5. Токарева Е.С. Модели управления процессами интернационализации в высших учебных заведениях // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 172–176.
6. Абу-Абед Ф.Н., Сварчевская Т.В. Приоритеты международного сотрудничества Тверского государственного технического университета // Подготовка иностранных специалистов в российском вузе: достижения, проблемы, перспективы развития. Сборник научных трудов, посвященный 40-летию факультета международного академического сотрудничества. Тверь: ТвГТУ, 2019. С. 3–8.

STATE AND DEVELOPMENT STRATEGIES OF INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION AT TVER STATE TECHNICAL UNIVERSITY

T.V. Svarchevskaya, F.N. Abu-Abed

Tver State Technical University, Tver

The process of internationalization of the university, as its global integration into the international educational space, determines the direction of development of international activities, its main goals and objectives, focused on improving the quality of education and its competitiveness. The article examines the state of internationalization of the university in the context of its international activity, highlights the main aspects and components of the internationalization of the scientific and educational environment of the university. Particular attention is paid to the internationalization management system, its structural and functional components in their relationship with the implementation of the mission of TvSTU.

Keywords: *internationalization of higher education, international activities of the university, international scientific and educational cooperation, internationalization management model.*

Об авторах:

Сварчевская Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки ФМАС ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 8032-1391, e-mail: svarchevskaya@mail.ru

Абу-Абед Фарес Надимович – кандидат технических наук, доцент, декан факультета международного академического сотрудничества, доцент кафедры электронных вычислительных машин ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 6221-7697, e-mail: aafares@tstu.tver.ru

Authors information:

Svarchevskaya Tatyana Valeryevna – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language, International Academic Cooperation Faculty, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 8032-1391, e-mail: svarchevskaya@mail.ru

Abu-Abed Fares Nadimovich – PhD (Technology), Associate Professor, Dean of the Faculty of International Academic Cooperation, Associate Professor of the Department of Electronic Calculating Machines (Computers), Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 6221-7697, e-mail: aafares@tstu.tver.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать ранее не публиковавшиеся результаты исследований. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают в себя тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (Ф. И. О. полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) должен содержать текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовков – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Затем пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, зав. кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ЭЛ № ФС 77 – 74959 от 25.01.2019 года.

Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22.

Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (24), 2021

Редактор Я.А. Петрова
Корректор Е.В. Фомкин